

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 3 (51)

Нижний Новгород

2020

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова. Вып. 3 (51). — Н. Новгород: НГЛУ, 2020. — 152 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Ж. В. Никонова

Редакционная коллегия:

А. В. Иванов (*зам. главного редактора*), Р. М. Шамилов (*отв. секретарь*), М. А. Ариян,
О. В. Байкова (Киров), К. Э. Безукладников (Пермь), М. К. Бронич, М. А. Викулина,
Н. К. Гарбовский (Москва), Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Б. А. Жигалев, В. И. Карасик
(Волгоград), С. Б. Королева, Л. П. Крысин (Москва), И. В. Леушина, Н. В. Макшанцева,
М. И. Никола (Москва), О. А. Обдалова (Томск), О. Г. Оберемко, Е. Р. Поршнева,
Л. В. Рацибурская, Т. Н. Синеокова, В. В. Сдобников, Д. Боксэ (США),
Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия),
К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых комму-
никаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий ВАК РФ

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2020

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

LUNN BULLETIN

Issue 3 (51)

Nizhny Novgorod

2020

LUNN Bulletin. Issue 3 (51). — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2020. — 152 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

Zh. Nikonova

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), R. Shamilov (*Executive Secretary*), M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich, M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, B. Zhigalev, V. Karasik (Volgograd), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina, N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА	9
Топоним как краеведческая реалья: проблемы перевода (на материале топонимики Крыма) <i>Абрамичева Е. Н., Сокол А. А.</i>	9
Вербализация прецедентного мышления в ракурсе межкультурной коммуникации <i>Голубева Н. А.</i>	26
Словообразовательные категории в «Повести временных лет» (на материале именных суффиксальных дериватов) <i>Кунькова А. А.</i>	49
К истории изучения модальных глаголов немецкого языка <i>Леонтьева В. А.</i>	64
Функции арго заимствованного происхождения в русском языке <i>Лисина Г. М.</i>	77
Адъективные и адвербиальные интенсификаторы в русском языке: механизмы расширения класса <i>Сандакова М. В.</i>	90
Когнитивный подход при исследовании перцептивно ориентированных действий в английском языке <i>Холдеева Е. Ю.</i>	107
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	117
Формирование переводческих компетенций как основная задача преподавателя перевода <i>Иванов А. В., Сдобников В. В.</i>	117
РЕЦЕНЗИИ	132
Язык, мышление и объективный мир в трактовке Г. В. Колшанского <i>Басова Т. А., Федуленкова Т. Н.</i>	132
Английская фразеология как психолого-дидактический бэкграунд в индивидуальной траектории студента-лингвиста <i>Мелерович А. М., Авдеева Н. А.</i>	138

ХРОНИКА.....	144
НГЛУ: 15 лет научному кружку «Проблемы психолингвистики» <i>Синеокова Т. Н.</i>	144
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	150

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE	9
Toponyms as Elements of Region-Specific Studies: Problems of Translation (Based on Crimean Toponymy) <i>Elena N. Abramicheva, Anna A. Sokol</i>	10
Verbalization of Precedent Thinking from the Perspective of Cross-Cultural Communication <i>Nadezhda A. Golubeva</i>	27
Word-Formation Categories in “ <i>The Tale Of Bygone Years</i> ” (With a Focus on Nominal Suffixed Derivatives) <i>Alexandra A. Kunkova</i>	50
On the History of Studying Modal Verbs in the German Language <i>Varvara A. Leontyeva</i>	65
Functions of Borrowings in the Russian Argot <i>Gulnara M. Lisina</i>	77
The Class of Adjective and Adverbial Intensifiers in the Russian Language and Mechanisms of its Expansion <i>Marina V. Sandakova</i>	91
Cognitive Approach to the Study of Perceptually Oriented Actions in the English Language <i>Ekaterina Yu. Kholdeyeva</i>	107
CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION	117
Development of Translator Competences as the Main Task of Translator Trainers <i>Andrey V. Ivanov, Vadim V. Sdobnikov</i>	117
REVIEWS	132
Language, Mentality, and the Objective World as interpreted by G. V. Kolshansky <i>Tatiana A. Basova, Tatyana N. Fedulenkova</i>	132
English Phraseology as Psychological and Educational Background in the Individual Learning Trajectory of a Language Student <i>Alina M. Melerovich, Natalya A. Avdeyeva</i>	138

CHRONICLE	144
Celebrating the 15th Anniversary of LUNN’s Student Research Club “Problems in Psycholinguistics”	
<i>Tatyana N. Sineokova</i>	144
CONTRIBUTORS’ INFORMATION	150

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-9-25

ТОПОНИМ КАК КРАЕВЕДЧЕСКАЯ РЕАЛИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА (на материале топонимики Крыма)

Е. Н. Абрамичева, А. А. Сокол

Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

В статье рассматриваются топонимические реалии как средство вербализации локоцентрализма краеведческого дискурса. На материале двуязычных краеведческих текстов о Крыме и Севастополе анализируются способы прагматической адаптации в переводном тексте культурно-значимых топонимических реалий, которые входят в фонд культурно-коннотированной лексики. При переводе топонимов в контексте краеведческого дискурса, как и при любом переводе, необходимо исходить из цели перевода. Если перевод топонимов осуществляется с целью сориентировать иностранных гостей в новом лингвокультурном пространстве, задачей переводчика будет создать в переводном тексте условия для лучшей идентификации объектов локуса иноязычными реципиентами посредством передачи звучания названий объектов (топонимов) вне зависимости от прагматического типа переводимой топонимической реалии. Если цель перевода — знакомство с историей и культурой локуса, при переводе топонимов как культурно-значимых единиц, особенно тех, что имеют статус символов или аксиологем в определенном локусе, основной задачей переводчика будет передать прагматическое значение или культурно-значимые коннотации топонима. Комплексный анализ исследуемого материала подтверждает, что наиболее эффективным способом, позволяющим акцентировать культурно-ценностные для всего локуса характеристики топонима, является стратегия расширительного перевода посредством введения в переводной текст культурологического комментария. При выявлении прагматического статуса и уровня культурной значимости топонимических реалий в культурном пространстве выбранного для исследования локуса и определении способа их прагматической адаптации в ПТ применялись методы контекстуального, семантического, концептуального и сопоставительного анализа. Результаты исследования могут быть полезны переводчикам, которые сталкиваются с необходимостью перевода краеведческой, туристической, рекламно-туристической литературы, информационных сайтов или интернет-изданий / порталов, в том числе о Крыме и Севастополе, как начальный предпереводческий этап их деятельности, на котором требуется осознание коммуникативно-прагматических задач выполняемого перевода, характера переводимого текста и доминирующих в нем лексических единиц.

Ключевые слова: краеведческий дискурс; краеведческая реалья; локоцентризм; топоним; культурно-значимая единица; прагматическая адаптация; переводческий комментарий.

Toponyms as Elements of Region-Specific Studies: Problems of Translation (Based on Crimean Toponymy)

Elena N. Abramicheva, Anna A. Sokol
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

The article examines toponymic realia as a means of verbalizing lococentrism in region-specific discourse. Bilingual region-specific texts about Crimea and Sevastopol serve as material for analysing methods of pragmatic adaptation, used in translation of culturally significant toponymic realia that are part of the culturally meaningful vocabulary. As in any translation, when translating toponyms one must consider the primary purpose of translation. If that purpose is to ensure that foreign guests should easily find their way around a new linguistic and cultural space, the translator's task will be to recreate the initial sound of toponyms so that foreign recipients may accurately and quickly identify local realia. Conversely, if the purpose of translation is to introduce foreigners to the local history and culture, the main task of the translator will be to render pragmatic meanings and culturally significant connotations of toponyms, paying particular attention to symbolic and axiologically important objects. After a comprehensive analysis of the material, we have concluded that the most efficient method that allows the translator to accentuate culturally valuable characteristics of toponyms is the "add-on" translation (when a specific culture-focused commentary is introduced into the translated text). In our work we used methods of contextual, semantic, conceptual, and comparative analysis to identify the pragmatic status and the degree of cultural importance of toponymic realia, and to determine the best way of their pragmatic adaptation in translation. The results of the study may be used by translators working with region-specific tourism-related literature, travel periodicals and websites, especially those that are dedicated specifically to Crimea and Sevastopol. The present study may also be helpful at the initial stage of pre-translation analysis when the translator has to determine the pragmatic function of the original text and the type of region-specific vocabulary predominant in it.

Key words: region-specific text; toponymic realia; lococentrism; toponym; culturally meaningful element; pragmatic adaptation; translator's commentary.

1. Введение

Исследования в области перевода краеведческого дискурса актуальны по разным причинам. Во-первых, потому что одной из важных проблем для переводоведения остаётся перевод культурно-значимых единиц, в том числе краеведческой лексики, состоящей преимущественно из безэквивалентной лексики: краеведческих реалий, макро- и микротопонимов, имён исторических личностей, культурно-исторических объектов и пр. Во-вторых, отдельную переводческую трудность представляет поиск способов прагматической адаптации краеведческих текстов с учетом структурно-

семантических, функциональных и прагматических особенностей разных жанров краеведческой литературы.

Наибольший вклад в культурологическое изучение краеведческого дискурса внесли Д. С. Лихачёв, С. О. Шмидт, Т. Д. Рюмина, В. Г. Рыженко, Д. Исламова; в разработку методики лингвокультурологического и переводоведческого анализа прагматических типов текстов, входящих в краеведческий дискурс, — В. В. Гизер, А. С. Ручкина; в его структурно-типологическое изучение — Е. В. Кравченко. Особенности перевода безэквивалентной лексики, в том числе топонимов, подробно рассмотрены такими учёными, как Д. И. Ермолович, А. О. Иванов, С. И. Влахов, С. Флорин, М. К. Кабакчи и др.

Объектом исследования, результаты которого будут представлены в данной статье, стали топонимические реалии Крыма и Севастополя как средство вербализации локоцентризма краеведческого дискурса, обслуживающего сферу краеведения и туризма и характеризующегося особой национально-культурной спецификой, а предметом — способы переводческой адаптации топонимических реалий в переводном тексте.

В круг наших задач входило: 1) рассмотреть понятие краеведческого дискурса и изучить его ядерные признаки; 2) на материале путеводителей по Крыму и Севастополю изучить способы реализации локоцентризма в данном типе краеведческих текстов; 3) на материале двуязычных аналоговых текстов изучить способы прагматической адаптации в ПЯ топонимических реалий с разным объемом культурных коннотаций.

Мы исходим из того, что прагматический (культурно-аксиологический) статус топонимической реалии в ИЯ определяет выбор адаптивной стратегии и способов её перевода на иностранный язык.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужили двуязычные (на русском и английском языках) тексты краеведческого характера (путеводители по городам и культурно-историческим объектам Крыма и Севастополя, альбомы краеведческого характера и пр.), изданные за последние пятнадцать лет. Привлечение топонимики Крыма к исследованию переводоведческого характера, попытка объединить изучение топонимических реалий в культурном пространстве своего локуса и межъязыковом пространстве обеспечивают новизну и актуальность работы.

Методы, применяемые в работе, обусловлены спецификой объекта, языкового материала, а также задачами исследования. В работе использованы: сопоставительный метод при переводческом анализе фрагментов двуязычных аналоговых текстов, методы контекстуального, семантическо-

го и концептуального анализа при выявлении прагматического статуса и уровня культурной значимости и аксиологичности топонимических реалий в культурном пространстве выбранного для анализа локуса.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Сегодня краеведение считается одной из комплексных наук, которая содержит в себе сведения из природоведения, истории, географии, искусствоведения, истории литературы и науки. Исследователи предполагают, что краеведение зародилось в Средние века, когда люди начали замечать различия и особенности развития других районов, регионов и областей, и когда начали составлять летописи городов, княжеств и т. д. (Исламова 2010: 101). Краеведение как наука начало формироваться с XVIII века, когда под этим термином понимали «собираание материальных свидетельств местной истории и описание особенностей географического положения того или иного края» (Исламова 2010: 103). Среди отечественных исследователей-краеведов особый вклад в развитие данной науки внесли академик Д. С. Лихачёв, который возглавлял организацию «Российский фонд культуры» в 80-е гг. XX в., а также почётный председатель Союза краеведов России С. О. Шмидт.

Д. С. Лихачёв придавал краеведению особое значение как для развития культуры, так и для формирования «нравственной оседлости» (Исламова 2010: 103). Он отмечал воспитательную роль краеведения, так как оно «вносит в окружение человека высокую степень духовности, без которой человек не может осмысленно существовать» (Лихачёв 2000: 160—161). Д. С. Лихачёв считал краеведение особой наукой, которая ближе всего по своему типу к географии, но придаёт гораздо большее значение отдельным людям, истории науки, литературы, искусства и архитектуры. Оно оценивает значительность событий, произошедших на той или иной территории, ценность архитектурных и археологических памятников, природных особенностей и т. д.

Хотя главным объектом краеведения остаётся историко-культурное и природное наследие какого-либо региона, краеведческие исследования приобретают сегодня всё более междисциплинарный характер, привлекая в том числе методологические базы и инструментарии различных лингвистических дисциплин.

В рамках данного исследования мы рассматриваем краеведческий дискурс как особый тип институционального дискурса, обслуживающий сферу краеведения и сформировавший основу смежного с ним, но не тождественного ему туристического дискурса (популяризация и доступность

туризма в последнее время, очевидно, способствует более широкому употреблению термина «туристический дискурс»), хотя по сути оба типа дискурса представляют собой форму практики или деятельности, в которой «создаются и распространяются социальные и культурные значения мест и народа» (Филатова 2012: 78). Различия при этом, на наш взгляд, сводятся главным образом к сфере адресации: краеведческий дискурс скорее отвечает духовно-нравственным потребностям представителей «своего этноса», в то время как туристический нацелен на культурное обогащение «чужих» по отношению к данному краю этносов (сообществ). Такая дифференциация по принципу адресатности (предложенная и обоснованная Е. С. Грушевской (Грушевская 2017) вовсе не противоречит традиционной дифференциации дискурсов по четырём основным параметрам: сфере функционирования, ситуации общения, принципам структурной организации, прагматическим целям (Яворская 2000), а дополняет её, показывая интегративный характер типов дискурса (особенно смежных в предметной / концептуальной сфере) в общем дискурсивном пространстве.

Основой краеведческого дискурса является краеведческий текст, определяемый О. Кравченко как «тип текста, который содержит информацию о местности с точки зрения истории, культуры, природных особенностей и т.п. какой-либо части страны, региона, области, района и т. п.» (цит. по: [Гизер 2006: 88]). К текстам краеведческого характера можно отнести как путеводители, путевые альбомы, краеведческие альбомы и книги, так и словарные статьи, научные публикации на краеведческие темы и т. д.

В структурно-семантической организации любого текста присутствует ряд признаков, позволяющих относить данный текст к определённому концептуально-прагматическому типу. Согласно В. В. Гизер, «облигаторными признаками краеведческих текстов являются антропоцентризм, локоцентризм и культуроцентризм» (Гизер 2011).

Краеведческий текст, как и любой другой текст, рассматривается как сложный культурный феномен, как результат сохранения, обогащения и передачи культурных смыслов, которые есть продукт осмысления человеком окружающего его мира, накопления знаний, традиций и обычаев. Однако, воссоздавая «портрет и биографию местности» (цит. по: [Исламова 2010]), краеведческий текст локоцентричен, т. е. структурно и содержательно привязан к определённому локусу. Локоцентризм, с одной стороны, воплощает принадлежность человека к своей исторической и духовной малой родине, в то же время реализуется через присутствие в тексте географических реалий, топонимов, этнонимов и других лексических единиц, определяющих и характеризующих какое-либо место или локус. Другими словами, локоцентрическую функцию выполняют имена, названия, слова

(словосочетания), которые служат для выделения именуемого ими природного или созданного человеком объекта среди других объектов, для его индивидуализации и идентификации в пространстве, т. е. топонимы.

Ключевым понятием краеведческого дискурса, как отмечают многие исследователи, является лингвоконцепт «край», через который описывается национальный и этнический характер, и который содержит информацию о пространстве, в котором живет свой народ, по своим правилам и согласно своей системе ценностей (Гизер 2011: 4). Основу краеведческой лексики, реализующей данный концепт, традиционно составляют такие лексические единицы, как: краеведческие символы, краеведческие реалии, аксиологемы (Гизер 2011: 5).

Краеведческие символы, согласно В. В. Гизер, — это слова, общекультурное символическое значение которых отражает специфику ареальных национально-культурных ценностей какого-либо этноса (Гизер 2011: 5). Реалии — это «слова или словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры) одного народа и чуждые другому» (Влахов 2012: 47). В краеведческом дискурсе они понимаются как слова-референты, в номинации которых семантически представлен весь комплекс этнокультурной информации локального характера, отсутствующий в ареале другой лингвокультуры (Гизер 2011: 5). Аксиологемы — это лексические единицы с эксплицитно / имплицитно выраженной положительной / отрицательной коннотацией, которые актуализируют национально-культурную систему ценностей определённого ареала. Аксиологемы сопровождают краеведческие символы и реалии, способствуя формированию культурно-ценностной иерархии лингвоконцепта «край» (Гизер 2011: 5). Например, сравнительно новая в культурном пространстве региона аксиологема *Крымская весна* может выступать символом патриотизма, а *Крымский мост* — символом воссоединения с Россией.

Самый объёмный пласт краеведческих реалий составляют топонимические реалии или топонимы. С точки зрения лингвокультурологии топонимы — это слова, выступающие в роли культурного кода. Под кодом культуры мы понимаем «совокупность знаков (символов) и систему определённых правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора таких же символов для передачи, обработки, хранения и запоминания» (цит. по: [Воркачев 2001: 67]).

Многие из современных топонимических реалий Крыма и Севастополя (названия объектов физической географии, объектов, связанных с человеческой деятельностью и пр.) связаны с именами исторических деятелей и названиями наиболее значимых исторических событий, происшедших на данной территории, и поэтому обладают так называемым «эн-

циклопедическим значением», являясь частью знаний коммуникантов об эпохе и её роли в контексте мировой истории, одновременно актуализируя национально-культурную систему ценностей данной местности: *площадь Нахимова* (носит имя адмирала П. С. Нахимова, героя Крымской войны и Севастопольской обороны 1854—1855 гг.), *Мекензиевы горы* (обязаны шотландцу на русской службе контр-адмиралу Томасу Мекензи, участнику Чесменского сражения, с 1783 года — командующему эскадрой судов в Ахтиарской бухте (Шавшин 2012: 145), *село Оборонное* (названием напоминает о том, что в период Восточной (Крымской) и Великой Отечественной войн оно было местом боевых действий) и пр. Очевидно, что такие топонимы обладают более широким рядом культурных коннотаций и более высоким аксиологическим статусом (во всяком случае, для жителей г. Севастополя) по сравнению с микропонимами *Античный бульвар*, *Белый тоннель*, *Лесная пристань* и др.

Особый пласт топонимической лексики составляют хремотонимы (названия предметов материальной культуры, культурно-исторических объектов, храмов, монастырей, некрополей и пр.), многие из которых представляют собой культуронимы-идионимы, закреплённые за специфическими элементами «своей», внутренней культуры и непосредственно ассоциируемые с ней: *Памятник затопленным кораблям* (*the Monument to the Scuttled Ships*), *панорама «Оборона Севастополя 1854—1855»* (*Panorama "Siege of Sevastopol in 1854—1855"*), *Ласточкино гнездо* (*the Swallow's Nest*), *Крымский мост* (*the Crimean Bridge*), а также культуронимы, ассоциируемые с «чужой», иноязычной, внешней культурой, давно воспринимаемой как часть «своей»: *Херсонес* (*Tauric Chersonese / Chersonesus / Chersonese / Chersonesos Taurica*), *генуэзская крепость Чембало* (*Genoa Cembalo fortress*), *Пантикапей* (*Pantikapeum*).

Кроме того, топонимы как разновидность онимной лексики неоднородны по количеству референтов, которые они могут называть: среди них есть монореферентные (включая прецедентные) и полиреферентные топонимы. Так, микропоним *Памятник затопленным кораблям* является прецедентным названием соответствующего уникального объекта Севастополя, в то время как *Владимирский собор* (в г. Севастополе два Владимирских собора и оба являются уникальными историческими объектами и памятниками архитектуры, поэтому требуют уточняющего перевода в ПЯ: 1) *St. Vladimir's Cathedral — the Admirals' Burial Vault* и 2) *St. Vladimir's Cathedral in Chersonese*), *Братское кладбище* (только в Севастополе их три, но они есть и во многих городах нашей страны, и в других странах мира), *улица Ленина* и др. имеют несколько, а иногда и очень большое ко-

личество идентичных по своему назначению или характеристикам, референтов.

С точки зрения переводческой практики краеведческая лексика, безусловно, представляет собой безэквивалентные лексические единицы исходного языка, не имеющие в словарном составе переводящего языка эквивалентов, т. е. единиц, при помощи которых можно передать на аналогичном уровне плана выражения все релевантные в пределах данного контекста компоненты значения (Иванов 2006: 81).

Однако безэквивалентные единицы неоднородны по составу компонентов, образующих их семантическую структуру. Данный критерий лежит в основе разграничения референциально-, альтернативно- и прагматически-безэквивалентной лексики (Иванов 2006: 81). Рассматривая географические реалии как объект перевода, следует разграничивать, с одной стороны, топонимы как вид имён собственных, называющих географические объекты, при переводе которых будет важна передача звучания названия, обеспечивающая его соотнесённость с объектом, который оно обозначает. Такие топонимы обычно не представляют проблемы с точки зрения перевода, так как наилучшим способом передачи их звучания будет транскрипция или транслитерация (отметим, однако, что несмотря на это, вопрос унификации переводов топонимов всё ещё не решён для многих локусов). С другой стороны, необходимо выделять топонимы (топонимические реалии), которые наряду с референциальным имеют прагматическое значение и составляют фонд культурно-коннотированной лексики — краеведческих символов и аксиологем. Такие топонимические реалии «обладают дополнительными культурными ассоциациями (коннотациями), хорошо известными и понятными носителям ИЯ, но непонятными среднему носителю ПЯ» (Иванов 2006: 134). Так как «прагматическое значение, в отличие от референциального, не так жёстко связано со знаком (т. е. словом), хотя и входит в его структуру, и относится скорее к тексту в целом, чем к самому знаку» (Иванов 2006: 136), его можно и нужно компенсировать при переводе. Это полностью правомерно в отношении текстов краеведческого характера, обладающих высокой степенью реализации национальной и культурно-исторической специфики. При переводе данного типа текстов переводчик должен стремиться передать прагматическое значение, осуществляя прагматическую адаптацию ПТ, т. е. «внося в ПТ изменения с целью добиться необходимой реакции со стороны конкретного рецептора перевода» (Комиссаров 2002: 179). Поэтому в случае передачи культурных коннотаций топонимических реалий добавление переводчиком пояснений (либо путем введения их непосредственно в текст, либо, реже, в подстроч-

ных примечаниях) в краеведческих текстах неизбежно и функционально оправданно.

Благодаря тому, что объём текстов краеведческого характера, как правило, не регламентирован, у переводчика есть возможность использовать «расширительный перевод» (термин С. Ваденшьё), позволяющий акцентировать культурно-ценностные характеристики рассматриваемого локуса путем добавления культурологического комментария. И хотя некоторые исследователи отмечают, что слишком частое использование таких приёмов, как дескриптивный перифраз, перевод по аналогии, конкретизация и смысловое развитие, способствует изменению прагматической направленности текста, превращая его в дидактический, где новые понятия и значения будут описаны, интерпретированы и прокомментированы переводчиком (Гизер 2011: 9), на наш взгляд, именно использование тактики прагматической адаптации при переводе топонимических реалий (прежде всего тех, что составляют фонд краеведческих символов и аксиологем и несут когнитивную информацию) позволяет осуществить прагматически полноценный перевод краеведческого текста, «эквивалентный исходному тексту в коммуникативно-функциональном отношении» (цит. по: [Сдобников 2016: 11]).

Обратимся к фрагментам двуязычных путеводителей по Крыму и Севастополю, содержащим топонимические реалии, при переводе которых так или иначе осуществлялась прагматическая адаптация ПТ.

Среди зафиксированных вариантов перевода микротопонима города Севастополя *Графская пристань* можно найти все возможные: *The Count's Quay* (калька), *Grafskaya Pier* (транслитерация названия с эквивалентом топонима универсальной семантики), *Grafskaya Wharf* (тот же способ с иным эквивалентом топонима универсальной семантики), *Grafskaya Pristan (The Count's Pier)* (транслитерация, сопровождающаяся дословным переводом). Очевидно, что последний вариант более всего соответствует современным стандартам перевода названий и окажется наиболее информативным и семантически прозрачным для носителей ПЯ. При упоминании данного объекта в путеводителе, в задачи которого, напомним, входит отражение национально-культурной картины мира и расширение знаний о локусе, данный топоним реализует прагматическую функцию, являясь одним из символов города. В этой связи удачным примером адаптации данного топонима является добавление переводческого комментария в ПЯ: «Название пристани связано с титулом графа Войновича, командующего Черноморским флотом в 80-х гг. XVIII столетия» — *The name of the pier (graf — Count) is associated with the title of Count Voynovich, Commander-in-Chief of the Black Sea Fleet in the 1780s* (Крым 2017: 20). Добавленный ком-

ментарий поможет англоязычному читателю соотнести название пристани с исторической личностью графа Войновича, с именем которого микропоним ассоциируется в данном локусе. Гораздо более расширенный комментарий сопровождает этот же топоним-символ в другом ПТ: «Графская пристань — это парадный причал, своеобразная эмблема города, архитектурный памятник Севастополя. Сооружена она в 1787 г. вместе с первыми постройками Севастополя. Название “Графская” утвердилось в народе в честь первого командующего — контр-адмирала графа Марко Войновича» — *This spectacular wharf is considered to be not only a monument but also the emblem of the city. It was constructed in 1787 together with the first buildings in Sevastopol. There are two marble boards on the colonnade. The first board reminds of the fact that here on 22nd November, 1853 vice-admiral Nakhimov and Russian sailors were met here after the Sinopskaya Victory. The inscription on the other is about the fact that on 27th November, 1905 lieutenant Shmidt embarked in the cruiser “Ochakov” in order to be in charge of the rebellious ships of the fleet* (Добро пожаловать 2008: 15, 44). В данном случае целью столь развернутого комментария была актуализация информации по истории локуса со смещением акцента с конкретной личности (вообще не упоминаемой в ПТ) на события, связанные с данным локусом в конкретный момент истории. Упоминание других прецедентных имён в ПТ не противоречит общей задаче переводчика: имена адмирала П. С. Нахимова, героя Первой обороны Севастополя и участника Синопского сражения, и лейтенанта П. П. Шмидта, одного из руководителей Севастопольского восстания 1905 г., гораздо более известны, чем имя графа Войновича.

Интересным примером с точки зрения прагматической адаптации ПТ, которая влечёт изменения композиционной организации ПТ, является добавление одного или нескольких абзацев в переводном варианте путеводителя: «Теперь предлагаем вам подняться на Матросский бульвар, на котором находится первый памятник, воздвигнутый в городе, — памятник капитан-лейтенанту А. И. Казарскому» — *Now go upstairs to Matrosskiy Boulevard where you will see the first monument of Sevastopol — monument to Kazarskiy. The boulevard was laid out in 30—40s of the 19th century and it was called Maliy (Little). Here dancing parties and fancy balls were held. During the Crimean War the boulevard was ruined. It was restored in 25 years and had several names Mitchmanskiy, Voennorovski, Krasnoflotskiy. After the war it became Matrosskiy. The main sight of Matrosskiy Boulevard is the monument to Kazarskiy* (Добро пожаловать 2008: 24, 44). Добавленный в ПТ фрагмент нацелен на расширение знаний по истории локуса и представляет собой подробную историческую справку о Матросском бульваре и его прежних

названиях. Такая переводческая стратегия расширения текста реализует одновременно локоцентризм и культуроцентризм краеведческого текста.

Заметим, однако, что иногда подобные композиционные изменения в ПТ продиктованы форматом или объёмом страницы двуязычного издания, требованиями издательств или иных заказчиков (например, туристических бюро) к общему объёму печатного издания, идеологическими или конъюнктурными соображениями (в последнем случае чаще речь идет об опущении в ПТ нежелательной с точки зрения заказчика перевода части информации о локусе).

Отметим, что локоцентризм часто реализуется одновременно с признаком хроноцентризма посредством уточняющего комментария (может быть как диахроническим, так и синхроническим): «Здесь заканчивался торговый путь “из варяг в греки”» — *Port Chersonesus was known as the destination point of the ‘way from the Varangians to the Greeks’ (part of the Varangian Road, a major trade route of the ancient world* (Фотогид 2014: 26). Прагматическая адаптация в виде параллельного включения в текст перевода более понятных современных топонимов выполняет ту же коммуникативно-прагматическую функцию — способствует идентификации географических реалий местности современными реципиентами ПТ: «Карта Боспора Киммерийского, Меотийского моря, Иберии, Албании Азиатской Сарматии, 1774 год» — *Cimmerian Bosphorus, Palus Maeotis, Iberia, Albania and Sarmatica Asiatica (the Kerch Strait, the Azov Sea, Iberia, Albania and the Asian part of Sarmatia), 1774* (Прокопенков 2009: 59).

В следующем фрагменте ПТ подчёркнуто выражен локоцентризм: «Главным театром военных действий стал Крым» — *This part of the Crimean peninsula became the main theater of war* (Добро пожаловать 2007: 8). В английском варианте был применён приём конкретизации (в Восточной войне был задействован не весь Крым, а лишь его часть, и союзные войска высадились у Евпатории и выдвинулись к Севастополю). Переводчик счёл важным соблюсти историческую точность в тексте ПЯ, учитывая, вероятно, интерес и хорошую информированность части англоязычной читательской аудитории в вопросах, касающихся хода Восточной войны, о чём свидетельствуют многочисленные документальные издания, выпущенные в Великобритании, в том числе книга *The Charge: The real reason why the Light Brigade was lost* (1996) британского автора Марка Адкина. Прагматическая адаптация в виде существенного уточнения исторического факта не только способствует идентификации локуса в ПТ, но и повышает степень достоверности публикуемого материала.

Прагматическая адаптация при переводе краеведческого текста (в первую очередь, путеводителя) может иметь и другие задачи. Как извест-

но, характерным признаком типичного англоязычного путеводителя по локусу (историческому объекту, городу) является выраженный внутренний (композиционный) локоцентризм, реализующийся в маршрутообразующей композиции текста, вербализующей экскурсию по описываемому объекту при помощи инструкций по передвижению от одной точки объекта к другой. В таком путеводителе обязательно будет дана подробная схема или карта расположения объекта (объектов относительно друг друга), маршруты для пешеходной экскурсии по объекту, схема движения общественного транспорта, связывающего объекты или точки локуса. В связи с этим прагматическая адаптация ПТ может выражаться в его расширении за счет добавления информации, помогающей туристу ориентироваться в пространстве локуса. Так, описание *площади Лазарева* представлено только в английском переводе путеводителя и отсутствует в ИТ: «... Отдохнули и расслабились? Если у вас остались силы, предлагаем подняться на площадь Лазарева и посетить Художественный музей им. М. П. Крошицкого. Художественный музей был открыт 6 ноября 1927 года...» — *Have you already relaxed? If you have some more energy, let's go up Lazarev Square and visit Sevastopol Art Museum after M. P. Kroshitskiy. Lazarev Square is situated in the city centre and links Nakhimov avenue with Bolshaya Morskaya Street. Before 1993 it was called Revolutsii Square. There is a bust to the famous admiral M. P. Lazarev. The creators are sculptors G. A. and E. V. Lisenko* (Добро пожаловать 2008: 18, 46). Подобная переводческая стратегия имитации реальной экскурсии сближает нарратив путеводителя с речью гида, ведущего экскурсию по данному локусу.

В следующем фрагменте ПТ целью прагматической адаптации (посредством приёма конкретизации) становится передача этноспецифики локуса: «Отсюда начинается западная линия обороны, защищавшая дороги, связывавшие Херсонес с сельскохозяйственной округой» — *Here starts the western defense line which used to defend the roads linking Chersonese with its chora (agricultural area)* (Фотогид 2014: 42). Слово «хора», пришедшее из греческого языка, обозначает территорию, которая использовалась в античном полисе для занятия сельским хозяйством и располагалась за пределами городища. Сам термин популярен в англоязычном научном и культурологическом дискурсах и является объектом исследования многих ученых различных областей науки (данный термин использовался ещё древнегреческим философом Платоном для обозначения пространства). Данная адаптация уместна, так как подчёркивает античное происхождение города-полиса (422—421 гг. до н.э. [Шавшин 2012: 105]), иллюстрирует стремление воссоздать в тексте перевода аутентичный образ Херсонеса того вре-

мени, не мешает пониманию текста, так как термин сопровождается описательным переводом в скобках.

Прагматическая адаптация в виде сокращения текста в ПЯ, результатом которой является опущение части исторически значимого названия в переводе, не всегда уместна. Рассмотрим варианты перевода микротопонима *Братское кладбище* (расположено на Северной стороне г. Севастополя): *Bratskoye Cemetery of the defenders of Sevastopol 1854—55*, *Brotherly Cemetery*, *the Fraternal Cemetery*. Для сравнения приведём и перевод, представленный на портале популярной во всём мире интернет-энциклопедии *Википедия*: – *the Brotherhood Cemetery* (Wikipedia 2020b), *the Brothers' Cemetery* (*Bratskoye Kladbische*). С одной стороны, данный объект является уникальным для г. Севастополя (мемориальное Братское кладбище защитников Севастополя 1854—1855 гг. — это самый большой в мире некрополь русских воинов-участников Крымской войны, организованный в 1854 г. по указанию вице-адмирала В. А. Корнилова ([Шавшин 2012: 280]). С другой стороны, само понятие «братское кладбище» не является уникальным: братские кладбища есть в Москве (Первая мировая война и ВОВ), Риге (Первая и Вторая мировые войны), Окленде (Гражданская война в США 1861—1865 гг.), Лестене (Вторая мировая война), Ростове-на-Дону, Смоленске и т. д. Поэтому вполне удачным представляется последний вариант перевода, поскольку содержит как прямой перевод названия данного объекта, что поможет англоязычному читателю идентифицировать объект с его предназначением, так и транслитерированный перевод, благодаря чему реципиенту будет проще ориентироваться в городе. Варианты перевода *the Brotherhood Cemetery* и *the Fraternal Cemetery* являются единицами общекультурного кода и позволят носителям ПЯ идентифицировать назначение данного объекта и адекватно оценить его историко-культурное значение, однако не помогут в случае необходимости произнести название, чтобы, например, самостоятельно добраться до объекта. Однако стоит признать, что часть уникального названия *of the defenders of Sevastopol 1854—55* не следует опускать при переводе, так как это уточнение имеет особый смысл и для истории города, и для его жителей. Дело в том, что из семи воинских некрополей Севастополя три имеют официальный статус «братских кладбищ» (Шавшин 2012), поэтому должны сохранять указание периода захоронений в переводном варианте как обязательную часть названия.

Примером неправильной передачи названия уникального объекта, имеющего аксиологическое значение, может служить следующий вариант перевода названия *Памятник затопленным кораблям*. Наряду с традиционным вариантом перевода *the Monument to the Scuttled Ships* был найден также вариант *the Monument to the Sunken Ships* (Wikipedia 2020a). По тол-

ковому словарю Longman *scuttle* означает «затапливать судно, сделав в нем пробоины, особенно с целью не отдать судно врагу» (Longman 2020a), а *sink* — «повредить судно настолько сильно, что оно затонет» (Longman 2020b), то есть вследствие каких-либо внешних факторов, например, попадания в него снаряда. Как известно из истории г. Севастополя, в сентябре 1854 г. во время Крымской войны руководители обороны города приняли решение затопить парусные русские корабли на входе в бухту, чтобы предотвратить вход неприятельских судов в Севастополь, в честь чего и был сооружен указанный памятник. Так как затопление происходило самими русскими моряками, то более правильным переводом названия памятника будет первый (*the Monument to the Scuttled Ships*). Однако стоит отметить, что русскоязычные туристы иногда тоже используют неправильное название памятника, называя его «памятник затонувшим кораблям», чем нередко вызывают недовольство жителей города.

4. Выводы

При переводе топонимических реалий (особенно микротопонимов) в контексте краеведческого дискурса, как и при любом переводе, необходимо исходить из того, с какой целью осуществляется перевод, а также какие функции будет выполнять текст перевода в принимающей культуре.

Если перевод топонимов осуществляется с целью сориентировать иностранных гостей в новом лингвокультурном пространстве (например, при помощи карты города, схемы туристического маршрута по объекту, путеводителя-справочника), задачей переводчика будет создать в переводном тексте условия для лучшей идентификации объектов локуса иноязычными реципиентами посредством передачи звучания названий объектов (топонимов) вне зависимости от прагматического типа переводимой топонимической реалии. Если цель перевода — знакомство с историей и культурой локуса, при переводе культурно-значимых топонимов, имеющих статус символов или аксиологем в определенном локусе, основной задачей переводчика будет передать прагматическое значение или культурно-значимые коннотации наряду с референциальным значением топонима. Это позволит иноязычному реципиенту отнести их к тем объектам, которые воспринимаются исходной культурой и исходным локусом как национальные символы. При выборе способа перевода микротопонимов должны учитываться и такие характеристики, как прецедентность или полиреферентность названия. Наиболее эффективным способом, позволяющим акцентировать культурно-ценностные для всего локуса характеристики топонима, является стратегия расширительного перевода посредством введения в ПЯ культурологического комментария.

В зависимости от целей перевода прагматическая адаптация культурно значимых топонимических реалий может осуществляться посредством: 1) переводческого комментария в виде добавления исторических, этимологических и др. справок о локусе; 2) параллельного включения современных или исторических названий, способствующих идентификации локуса в современном топонимическом пространстве; 3) расширения ПТ с целью имитации реальной экскурсии по локусу; 4) конкретизации при переводе лексических единиц универсальной семантики в структуре описания локуса, при наличии специфических научных терминов для их обозначения в ПЯ; 5) смешанного перевода, позволяющего сопроводить аутентичное название прямым переводом для его успешной идентификации носителем ПЯ.

Список литературы / References

- Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. 5-е. изд. Москва: Р. Валент, 2012. [Vlakhov, Sergei I., & Florin, Sider P. (2012). *Neperevodimoe v perevode* (The Untranslatable in Translation) (5th ed.). Moscow: R. Valent. (In Russian)].
- Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64—72. [Vorkachev, Sergei G. (2001). *Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoi paradigmy v yazykoznanii* (Cultural Linguistics, Linguistic Personality, Concept: the Formation of an Anthropocentric Paradigm in Linguistics). *Philological Sciences*, 1, 64—72. (In Russian)].
- Гизер В. В. Композиционные и лексико-синтаксические особенности текстов краеведческого дискурса // Науковий вісник Херсонського державного університету: зб. наук. праць. Вип. 3. Серія «Лінгвістика». 2006. С. 89—92. [Gizer, Valeriya V. (2006). *Kompozitsionnye i leksiko-sintaksicheskie osobennosti tekstov kraevedcheskogo diskursa* (Compositional and Lexical-Syntactical Features of Region-Specific Texts). *Scientific Bulletin of Kherson State University. Series "Linguistics"*, 3, 89—92. (In Russian)].
- Гизер В. В. Краеведческая лексика как объект перевода (на материале текстов краеведческого характера): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Херсон, 2011. [Gizer, Valeriya V. (2011). *Kraevedcheskaya leksika kak obyekt perevoda (na materiale tekstov kraevedcheskogo kharaktera)* (Region-Specific Vocabulary as an Object of Translation (based on the Region-Specific Texts). Ph.D. Dissertation Synopsis. Kherson. (In Russian)].
- Грушевская Е. С. Взаимовлияние принципов типологизации дискурса и актуализации категории адресатности [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77): в 3-х ч. Ч. 1. С. 82—85. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/21.html>. [Grushevskaya, Elena S. (2017) *Vzaimovliyanie printsipov tipologizatsii diskursa i aktualizatsii kategorii adresatnosti* (Interdependence of the Principles of Discourse Typologization and Actualization of Addressability Category). *Philological Sciences. Issues of Theory and Prac-*

- tice*, 11 (77) in 3 parts, Part 1, 82—85. Retrieved from <https://www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/21.html>. (In Russian)].
- Иванов А. О. Безэквивалентная лексика: Учебное пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. [Ivanov, Aleksei O. (2006). *Bez-ekvivalentnaya leksika: uchebnoe posobie* (Culture-Specific Vocabulary: Textbook). Saint Petersburg: Faculty of Philology of Saint Petersburg State University. (In Russian)].
- Исламова Д. Сущность понятия «краеведение» // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2010. № 2 (22). С. 101—108. [Islamova, Daniya (2010). Sushchnost' ponyatiya "kraevedenie" (The Essence of the Concept of Region-Specific Studies). *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, 2 (22), 101—108. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Лингвистическое переводоведение в России: Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. [Komissarov, Vilen N. (2002). *Lingvisticheskoe perevodovedenie v Rossii: Uchebnoe posobie* (Linguistic Translation Studies in Russia: Textbook). Moscow: ETS. (In Russian)].
- Лихачёв Д. С. Краеведение как наука и как деятельность // Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 159—173. [Likhachev, Dmitrii S. (2000). Kraevedenie kak nauka i kak deyatel'nost' (Region-Specific Studies as Science and Work). In *Russkaya kul'tura* (Russian Culture). Moscow: Art, 159—173. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход): монография. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. [Sdobnikov, Vadim V. (2016). *Otsenka kachestva perevoda (kommunikativno-funktsional'nyi podkhod): monografiya* (Translation Quality Evaluation (Communicative-Functional Approach): Monograph), (3rd ed.). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Филатова Н. В. Жанровое пространство туристического дискурса // Вестник МГУ им. М. А. Шолохова. Серия: Филологические науки. 2012. № 2. С. 76—82. [Filatova, Natal'ya V. (2012). Zhanrovoe prostranstvo turisticheskogo diskursa (Genre Space of Tourist Discourse). *Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities: Philology Series*, 2, 76—82. (In Russian)].
- Шавшин В. Г. Имя дома твоего. Книга 2. Киев, Севастополь: Телескоп, 2012. [Shavshin, Vladimir G. (2012). *Imya doma tvoego. Kniga 2*. (The Name of Your Home. Book 2). Kiev, Sevastopol: Telescope. (In Russian)].
- Яворская Г. М. Прескриптивная лингвистика как дискурс: язык, культура, власть. Киев: ВИПОЛ, 2000. [Yavorskaya, Galina M. (2000). *Preskriptivnaya lingvistika kak diskurs: yazyk, kul'tura, vlast'* (Prescriptive Linguistics as a Discourse: Language, Culture, Power). Kiev: VIPOL. (In Russian)].

Справочный материал / Dictionaries, Encyclopaedias

- Longman Dictionary of Contemporary English. (2020a, March 16). *Scuttle*. Retrieved from <https://www.ldoceonline.com/dictionary/scuttle>.
- Longman Dictionary of Contemporary English. (2020b, March 16). *Sink*. Retrieved from <https://www.ldoceonline.com/dictionary/sink>.
- Wikipedia, the free encyclopedia. (2020a, March 16). *Monument to the Sunken Ships*. Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Monument_to_the_Sunken_Ships.

Wikipedia, the free encyclopedia. (2020b, March 16). *Brotherhood Cemetery*. Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Brotherhood_Cemetery.

Иллюстративный материал / Illustrations

- Добро пожаловать в Севастополь. Туристический путеводитель с картами / Guide-Book Sevastopol with maps. Севастополь: ProMotionTime, 2007. [*Dobro pozhalovat' v Sevastopol'. Turisticheskii putevoditel' s kartami* (Welcome to Sevastopol. Travel Guide with Maps) (2007). Sevastopol: ProMotionTime. (In Russian & English)].
- Добро пожаловать в Севастополь. Путеводитель с картами / Guide-Book Sevastopol with maps. Севастополь: ProMotionTime, 2008. [*Dobro pozhalovat' v Sevastopol'. Turisticheskii putevoditel' s kartami* (Welcome to Sevastopol. Travel Guide with Maps) (2008). Sevastopol: ProMotionTime. (In Russian & English)].
- Крым — лучшие места. The Best Places of Crimea. Путеводитель (на русском и английском языках). Симферополь: СВІТКОМ, 2017. [*Krym — luchshie mesta. Putevoditel' (na russkom i angliiskom yazykakh)* (Crimea — the Best Places. Guidebook (in Russian and English). (2017). Simferopol: SVITKOM (in Russian & English)].
- Прокопенков В. Н. Севастополь на картах: Альбом картографических материалов / Sevastopol on Maps. Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД, 2009. [Prokopenkov, Vadim N. (2009). *Sevastopol' na kartakh: Al'bom kartograficheskikh materialov* (Sevastopol on Maps: the Album of Cartographic Materials). Simferopol: Firma Salta LTD. (In Russian & English)].
- Фотогид «Севастополь» (на русском, английском и немецком языках). Симферополь: Амазонка, 2014. [*Fotogid Sevastopol' (na russkom, angliiskom i nemetskom yazykakh)*. (Photo Guide Sevastopol (in Russian, English, and German). (2014). Simferopol: Amazonka. (In Russian & English)].

УДК 81'23

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-26-48

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО МЫШЛЕНИЯ В РАКУРСЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Н. А. Голубева

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Прецедентность как одна из самых универсальных категорий нашего мышления вызывает в парадигме современного гуманитарного и общественного знания неослабевающий научный интерес. Целью настоящей статьи является доказательство гипотезы о межпарадигмальности прецедентной лингвистики как области исследования, предметом которой являются прецедентные единицы. Актуальность обусловлена тем, что изучение любых проявлений прецедентности в лингвистической, когнитивно-семиотической и культурной проекции имеет высокий эвристический потенциал. Научная новизна заключается в попытке свести к общему знаменателю разные в лингвофилософском смысле, но важные термины — «прецедентность», «межкультурная коммуникация», «глобализация» — и адаптации новых терминов в рамках прецедентной лингвистики.

В статье представлена научная дискуссия о специфике прецедентного мышления как онтологически главенствующего в системе типов мышления, которое реализуют прецедентные единицы. Из этого вытекает, что любая языковая система предпослана прецедентным мышлением как генетически прецедентная, то есть прецедентные единицы языка как предмет лингвистического анализа *a priori* лишены исследовательской перспективы. Научный интерес к прецедентным единицам очерчивается, однако, не только чисто мировоззренческим значением явлений прецедентности, но также областью выражаемого ими лингвистического знания при помощи определенных когнитивных механизмов и при реализации конкретных языковых процессов. В этом случае открывается возможность увязки исследуемого предмета — прецедентных единиц — с другими системами научных координат. Для анализа прецедентных единиц используется комплекс специальных и лингвистических методов — метод прецедента, прецедентного моделирования, реконструкции когнитивных структур, трансформационный и др.

В результате исследования расширен ряд методологически облигаторных для прецедентной лингвистики терминов: прецедентная реальность, прецедентное предложение, прецедентный объект и др. Сформулирован тезис о том, что когнитивная природа прецедента заключена в его воспроизводимом смысле, который является основой лексического, грамматического и других языковых значений. Установлено, что прецедентные единицы являются семиотическими знаками прецедентного мышления. Они обладают национально-культурной идентичностью и одновременно межкультурной универсальностью, а также глобальным с точки зрения лингвистики категориальным статусом.

Ключевые слова: межпарадигмальность; межкультурная коммуникация; прецедентное мышление; прецедентная единица; глобализация.

Verbalization of Precedent Thinking from the Perspective of Cross-cultural Communication

Nadezhda A. Golubeva

Dobrolubov State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia

Precedence as one of the most universal categories in our thinking enjoys unflagging interest among experts in humanities and social sciences. The purpose of the article is to prove the hypothesis about interparadigmality of precedent linguistics as a research field whose object is precedence units. This issue is specially relevant since the study of any manifestation of precedence in linguistic, cognitive, semiotic, and cultural projection has a high heuristic potential. The article contributes to the already existing body of knowledge by attempting to find similarities in the terms that are different in their linguo-philosophical meanings, namely: “precedence”, “cross-cultural communication” and “globalization,” as well as adapt new terms within the field of precedent linguistics.

The article presents current scholarly debates about the specifics of precedent thought as that which ontologically predominates in the system of thinking which is realized by precedent units. It leads to the conclusion that any language system goes back to precedent thinking as something genetically precedent. It means that, as objects of linguistic analysis, precedent linguistic units are *a priori* devoid of any research prospects. Nevertheless, scholars’ interest to precedent units is explained not only by the worldview-related value of precedence phenomena, but also by the field of linguistic knowledge expressed by precedence units with the help of certain linguistic mechanisms in the realization of concrete linguistic processes. In this case one can see the opportunity of linking the object under research (precedent units) to other systems of scientific coordinates. For the analysis of precedent units we used a set of special and linguistic methods, namely: the method of precedence, precedent modeling, reconstructions of cognitive structures, transformation, etc.

The research resulted in an increase of terms that are methodologically obligatory for precedent linguistics: a precedent reality, a precedent sentence, a precedent object, etc. Therefore, the following thesis was formulated: the cognitive nature of a precedent is a reproduced meaning which forms the basis of lexical, grammatical, and other language meanings. It is established that precedent units are semiotic signs of precedent thinking. They have a national and cultural identity and, simultaneously, a cross-cultural universality. In terms of linguistics, they also possess a global categorical status.

Key words: interparadigmality, cross-cultural communication, precedent thinking, a precedent unit, globalisation.

1. Введение

Цель настоящей статьи заключается в обосновании, систематизации и описании производных, в нашей терминологии, прецедентных единиц языка (далее — ПЕ), релевантных для вербализации прецедентного мышления и межкультурной интеракции в условиях глобализации.

Научная новизна предлагаемого фрагмента исследования заключается в новой трактовке некоторых понятий, уже устоявшихся в теории языковой прецедентности и адаптации новых терминов, а также в представлении ПЕ в сплотке двух современных лингвистических парадигм — преце-

дентной лингвистики и лингвокультурологии. Это осложняется бытующим в лингвистическом сообществе мнением о «критической» перенасыщенности термина «прецедентность» в современной когнитивистике и не менее очевидной частотностью термина «межкультурная коммуникация», используемого в рамках разных научно-дидактических подходов. Кроме того, в социально-философском осмыслении языка стремительно занял свою нишу термин «глобализация», претендующий на знаковый статус дискурса (Кирилина 2014).

Гипотеза исследования состоит в научной идее рефлексии в ПЕ сплетения межпарадигмальных научных координат, актуальных для теоретической и прикладной германистики.

Обоснование данной гипотезы в рамках статьи должно стать дальнейшим подтверждением межпарадигмальных черт ПЕ, выявленных ранее в рамках «телесной», «интероцептивной лингвистики» (Голубева 2018), в свете контенсивной менталингвистики (Булдаков 2011), когнитивно-синергетического подхода (Тимирханов 2012). Оригинальная методологическая установка автора статьи на альтернативное видение статуса предмета исследования как многогранного языкового явления в межкультурном когнитивном пространстве с привлечением эмпирической базы и обозначение связанной с этим исследовательской перспективы указывает на актуальность обсуждаемой проблемы.

Задачи настоящего исследования определяются дальнейшим расширением и систематизацией метаязыка прецедентной лингвистики, вслед за (Голубева 2009), описанием методологически значимых терминов, таких как «прецедентное мышление», «прецедентный анализ», «прецедентное предложение», «прецедентное / альтернативное пространство» и др.

В комплексе анализируемых гуманитарными науками проблем заметная роль отводится теории межкультурной коммуникации (Гудков 2003; Феномен прецедентности... 2004; Быкова 2005; Гришаева, Цурикова 2018), а в свете нашего научного интереса — немецкому языку и культуре в интернациональном контексте. Текущей исследовательской задачей является, таким образом, изучение ПЕ как культурно-специфических средств вербализации немецкой действительности в ключе оппозиций «свой — чужой» / «свой — другой». Анализ корреляции этих оппозиций лежит в области политической корректности как социокультурного и прагмалингвистического феномена, подлежащего в свете интенсивных в последнее время миграционных процессов активному обсуждению на международных лингвистических форумах.

Одним из ключевых терминов современной лингвистики является «глобализация», экзистенциальная природа которого во многом обуслов-

ливают успешность процессов межкультурной коммуникации. Термин «глобализация» имеет в интеллектуальном пространстве несколько методологических версий. Традиционно глобализация понимается как распространение информационных материалов, связей, средств и систем в планетарном масштабе, которое делает мир более интернационализированным, а лексемы, именующие этот процесс, называются глобализмами.

Вызов лингвистике, связанный с глобализацией, не ограничивается только лишь появлением глобализмов, что для развития каждого языка в целом имеет и положительный результат. Но, как было обнаружено в (Harweg 2014), глобализация в лингвистике имеет две стороны ситуации, которые закономерно вызывают у пользователей языка разное к тому отношение. Первая сторона определяется ситуацией, когда глобализация подвигает языковой мир к распространению одного используемого на планете языка общения (в данном случае речь идет об английском языке с прогнозом на китайский). Другая сторона, противодействующая языковому глобализованному миру, заключается в стремлении говорящих к сохранению многоязычия, своих языковых кодов и проистекающего из этого сохранения национальной идентичности (Межкультурная коммуникация... 2002).

Точка зрения автора настоящей статьи на глобализацию перемещается на семиотический уровень, в сторону описания метаязыка. Глобализация в этом случае понимается как *всеобъемлемость, масштабность* представления лингвистических сущностей, сопровождаемого «укрупнением языковых единиц для их изучения» (Г. А. Золотова) и, соответственно, движением «от меньшего знания к большему» (Ж. Пиаже), что находит свое подтверждение в современных лингвистических работах (Филиппов 2014).

Это вербально-знаковое свойство всеобщности и целостности связано как с расширением лингвистических фактов, подлежащих концептуальному моделированию, так и с их языковой универсальностью. Такой подход к глобализации языка позволяет проследить этот процесс на ПЕ в его внутренней (на уровне одного конкретного языка) и внешней (межъязыковой) перспективе.

Предпринятое исследование основывается на положениях когнитивного (холистического) подхода, который постулирует целостное представление о языке как способности, свойства и функции которого обусловлены процессами концептуализации картин мира, связанными с различными областями человеческого познания и сформированными на этой основе коллективным и индивидуальным знанием, а также обращением к вербальному и невербальному контексту. Научно-дидактический опыт показывает, что анализ межкультурной коммуникации успешно осуществляется в рамках когнитивно-прагматического подхода (Цурикова 2018).

В статье теоретическому и лингвистическому анализу подлежат ПЕ разных уровней языка, которые функционируют как результат их вторичного осмысления и вторичной категоризации и реализуют прецедентный (трансформированный) смысл. Подобный подход к анализу эмпирической базы предполагает изучение онтологических и гносеологических аспектов прецедентных языковых единиц, позволяет выявить их функциональную этимологию, то есть производный знаковый уровень и национально-культурный потенциал. Основными методологическими положениями, по которым операционально возможно определение языковой единицы как прецедентной, являются: 1) производность по форме, значению и функции; 2) многозначность и синонимия в рамках языкового альтернативного и/или прецедентного пространства немецкого языка.

Концептуальной моделью категоризации ПЕ является понятие «прецедент». В этой связи ведущим выступает метод прецедентного моделирования, который как один из методов когнитивного моделирования активно используется также при создании искусственного интеллекта (А. Б. Шамшев).

В число логико-когнитивных методов входит метод рассуждения на основе прецедентов (П. Р. Варшавский), позволяющий определить роль прецедента как когнитивной сущности в фиксации и хранении языкового знания при осмыслении субъектом, говорящим и познающим, языковой и речевой действительности через логические операции: идентификацию текущей проблемы, поиск подходящего прецедента, сравнение прецедентов.

В статье дискутируется и используется также прецедентный анализ / метод прецедента как методы, вовлекающие в научно-дидактическую орбиту такие ключевые термины философии и психолингвистики, как «прецедентная реальность», «прецедентное мышление» и др. (В. Руднев, Дж. Форрестер, М. Хайдеггер, Т. В. Цивьян).

Исходя из постулата «об исходной когнитивной мотивированности языковой формы» (А. Е. Кибрик), другими словами, *Bedeutung sucht Form* «значение ищет форму» (Jo. van der Auwera), используется метод реконструкции когнитивных структур по языковой форме.

Для выявления функциональной эволюции языковой единицы и связанных с этим языковых процессов применяются лингвистические методы: трансформационный, сравнительно-исторический, объяснительного и динамического описания, методы дефиниционного, контрастивного, контекстуального и дискурсивного анализа.

Следуя общеметодологической установке в лингвистике — стремиться к всестороннему описанию языка, для изучения прецедентного характера языковых единиц используются примеры-высказывания немецкого

и русского языков, а также отдельные словарные статьи и дефиниции, имеющие различную стилевую и дискурсивную принадлежность и представляющие в зависимости от задач исследования разные страты языка и когнитивно-семантические сферы.

2. Прецедентное мышление — форма отражения прецедентной реальности

Своим появлением на современном лингвистическом горизонте термин «прецедент» обязан нескольким научным парадигмам. Науковедам известно слово лат. *praecedens* — предшествующий, *das / die Präzedenz* — *Vorrang* «первенство», *richtunggebendes Beispiel* «задающий направление пример» (Neues Deutsches Wörterbuch 1995: 356). Оно понимается далее как «поведение, решение в определённой ситуации, при определенных обстоятельствах, рассматриваемое как образец для действий или решений в аналогичных ситуациях, обстоятельствах» (Политология 1993: 316). Основная задача лица, ссылающегося на прецедент, — обосновать аналогию между новой ситуацией, о которой идёт речь, и ранее имевшим место фактическим обстоятельством (Там же).

В психолингвистике взгляд на термин «прецедент» отражается в понятии «модель мира», суть которой видится в сокращённом и упрощённом отображении всей суммы представлений о мире в данной традиции. Оно (отображение) берется в системном и операционном аспекте, его проекция направлена «на мифологический прецедент, когда действительному историческому событию подыскивается прототип из мифологического прошлого» (Цивьян 1990: 19). В рамках данной научной парадигмы прецедент истолковывается как герменевтически постигаемый «образец», который динамично меняется в зависимости от эмпирической ситуации (Форрестер 1998), в котором запускается механизм «проективной идентификации» смысла какой-либо единицы сознания (Руднев 2016).

В рамках когнитивного подхода, как представлено в (Голубева 2009а), прецедент — пресуппозиция существования некоторой сущности, знак наивной концептуализации, служащий моделью научного знания.

В свете сказанного релевантным является термин *прецедентная реальность*, который формируется, как утверждает в (Руднев 2016), на представлении о существовании (реальности) прецедентов, наделенных психикой. Под психикой прецедентов подразумевается их упомянутая выше «проективная идентификация», то есть обладание чрезвычайно высокой степенью воздействия, назовем условно, объекта на нас, когда он переходит из одной социальной реальности в другую.

Реальность, в которой мы живем, представляет собой непрерывный процесс поиска смысла, который, без сомнения, является самой важной категорией в жизни человека. Смысл нужен людям затем, чтобы при его помощи (сильной воздействующей силы на нашу психику) создавать установку на «проективную идентификацию» — прецеденты, в которых закрепляется и хранится этот смысл. Поэтому каждая сущность, наполненная смыслом и соответствующей воздействующей силой, является собой прецедент, а их совокупность в нашем сознании есть «прецедентная реальность», которая питает «прецедентное мышление».

Прецедентное мышление напрямую соотносится с одноименными терминами. Оно встраивается в широкую парадигму известных психолингвистике типов мышления. Лингвофилософское осмысление прецедентных явлений в работе (Голубева 2009б) косвенно указывает на то, что они передают мышление, образно выражаясь, в смысле «де жавю», «всё старо, как мир», которое, как можно обнаружить в (Forrester 1996), строится не на существующих догмах и общих законах постижения языкового знания, а на прецеденте. Этим прецедентом является все то, что «уже подумал кто-то до нас, а мы просто движемся по колее, проторенной другими». Любая сущность, по мысли М. Хайдеггера, всегда «предположена уже заранее» (Хайдеггер 2006: 35—39).

Природа прецедентного мышления точно отражена в тезисе Ю. М. Лотмана, по которому «Каждое осмысление образует отдельный синхронный срез, но хранит при этом память о предшествующих значениях и сознание возможности будущих» (Лотман 1967: 143). Эта мысль рефреном присутствует в концепции К. Г. Юнга о «скрытом воспоминании», позволяющая интерпретировать прецеденты как спонтанные «всполохи» памяти, как человеческий опыт, каждый раз живущий в новом времени (Юнг 1997).

Здесь уместно упомянуть концепцию «языкового существования» Б. М. Гаспарова, согласно которой наша речь «сшивается» из коммуникативных заготовок, представляющих собой не что иное, как прецедентные феномены (Гаспаров 1996). В данном случае прецедентные феномены понимаются не как национально-культурные символы (*Пушкин, Ренессанс, Ветхий Завет*), а в общемировоззренческом смысле.

Мудрость поколений, бесспорно, складывается из жизненного опыта старцев, далеких от смелой юности, предпочитающей системное мышление. Поколение пожилых людей мыслит прецедентно, потому что они каждый раз «учились на ошибках» из-за того, что на ранних этапах жизни их системное мышление, которое должно бы укладываться в определенные схемы и нормы, давало часто сбой. Поэтому старики имеют прецедентное

мышление, то есть ориентируются на приобретенный опыт похожих случаев в жизни — на прецеденты, невзирая на их положительную или отрицательную ценностную характеристику.

Так как наше сознание настроено на прошлый опыт своего и чужого вербального или невербального поведения в сходных семантических ситуациях, то оно воссоздает известные смыслы с опорой на свои наработанные языковые и / или феноменологические знания, по нашему мнению, при помощи различных аффордансов. Термин «аффорданс» (англ. *afford* ← *affordance* — «иметь, предоставлять возможность») как относительно новый психологический термин нуждается в пояснении. Он заимствован из экологической теории восприятия, в рамках которой постулируется тесное взаимодействие организма и среды с акцентом на функцию наблюдения (Архипов 2009: 130).

Когнитивная функция аффордансов — возможность реконструировать в них имплицированный смысл и функционировать, например, в виде намеков. Намеки косвенно указывают на успех / неуспех дела и могут реализоваться вербально, например — «вроде, пошло», или наоборот, «что-то не идёт», а также кинесическими средствами — мимикой, вздохами, жестами и др., не вербально. В них легко угадывается прецедентное мышление, так как таким способом метафорически дается сигнал, что «нам — не сюда» или «нам — сюда». Ср.: *Es macht sich gut, daß...* — «хорошо складывается»; *Es tut sich heute nichts* — «сегодня ничего не получается»; *Das hört sich nicht übel an.* — «за это не обижаются».

Подобными структурами выражаются конвенции и нормы. Ср.: *Es gehört sich nicht, daß ...* — «не принято, что-то делать так»; *Das lohnt sich nicht* — «это не стоит того»; *Das trifft sich gut* — «удачное совпадение»; *Das hat sich anders abgespielt* — «всё пошло по-другому (не как было задумано)».

Прецедентное мышление — это «невывесенные бессознательные процессы», удерживаемые в нашей памяти в силу их важности и нужности для последующей реконструкции. Этот тип ментальных процессов порождается, как мы выяснили выше, объектами с высоким психическим потенциалом — *прецедентными объектами*, или прецедентами. В противоположность этому типу существуют «вытесненные бессознательные процессы», от которых наша память постоянно избавляется в силу их слабой психической маркированности (В. П. Руднев). В этом проявляются своего рода синергетические процессы нашей психической и мыслительной деятельности по рациональной самоорганизации работы мозга. На помощь приходит ориентирующая функция языка, которая призвана установить достаточно устойчивую коррелятивную связь «между тем, что познано,

увидено и осмыслено человеком в мире “как он есть” и тем, что им поименовано, обозначено и включено в описание» (Кубрякова 2009: 10).

То, что «уже познано», передается языковым сознанием в виде *прецедентного высказывания*. В отличие от более узкого понятия «прецедентное высказывание» как объекта в системе культурологических феноменов, о которых речь пойдет ниже (3), в данном случае «прецедентное высказывание» явлено в психолингвистическом смысле как любое высказывание, любой речевой акт, апеллирующий к прецедентному мышлению. Особенности прецедентного высказывания в этом случае обусловлены тем, что оно вычленяет из прецедентной реальности все, что связано с «невытесненным» бессознательным (Руднев 2016).

Со времен Ф. де Соссюра (из курса общей лингвистики) языковедам известно, что мы пользуемся системой абстрактных знаков, так называемым «арбитражным» языком, в котором слова и предметы не похожи друг на друга, равно как предложения на факты. В структурно-лингвистическом смысле мы говорим предложениями, которые оформляют высказывание. Исходя из этого, прецедентные высказывания на уровне бессознательного имеют тоже языковую форму предложения, которое логично назвать прецедентным.

Закономерно существующими методами изучения прецедентности как одной из самых универсальных категорий нашего мышления следует признать *метод прецедента* (К. Лангделл), или *прецедентный анализ* (В. П. Руднев), которые строятся на логико-содержательной основе термина «прецедент», пришедшего в мир, как известно, из английского прецедентного права на контрверзе *было — не было*. Метод прецедента признается методом современной философии образования, которая отражает интеллектуальное и ценностное состояние современного общества. Этот метод извлек из глубины веков сократовский метод, а из более позднего времени куновскую философию в области гуманитарного и общественного знания, когда приоритет отдается не общему как «вечному закону», а единичному, создающему текущий прецедент, «образец», который корректируется и отменяется новыми прецедентами (Forrester 1996).

В литературоведении аналогом вышеназванных методов можно считать «мотивный анализ» Б. М. Гаспарова. Являясь основателем школы мотивного анализа, ученый метафорически трактовал мотив как «запутанный клубок ниток», как семантическую, изоморфную единицу текста, которая повторяется и обладает способностью к развертыванию и внутреннему преобразованию (Гаспаров 1994).

Прецедентный анализ с позиций философии языка — это анализ, апеллирующий не к логике, а к имевшим / имеющимся случаям из жизни,

благодаря чему прецедентный анализ «становится более гибким». Он (анализ) предстает в этом случае как «система развилок, точек полифуркации, параллельных миров», как это понимается в выполненном исследовании (Lewis 1986). Прецедентный анализ, следуя приведенному выше толкованию слова «прецедент», — это анализ реальных или воображаемых жизненных ситуаций, когда мы прибегаем к аналогии между актуальной (искомой) ситуацией и имевшей место в прошлом или программируемой в будущем ситуацией. Так предстает прецедентный анализ в ключе обыденного знания.

С точки зрения языкового знания прецедентный анализ ориентирует на поиск похожего варианта языкового «поведения», выражающегося в употреблении той или иной языковой единицы (структуры), то есть на поиск заключенного в них, известного нам смысла. Из сказанного следует, что *когнитивная природа прецедента заключена в его воспроизводимом смысле, который является основой лексического, грамматического и других языковых значений. Этот тезис является методологически значимым для анализа прецедентных единиц как семиотических знаков прецедентного мышления.*

3. Прецедентные единицы — языковая действительность прецедентной реальности

Представленный в (2) фрагмент анализа посвящен рассмотрению ключевых прецедентных понятий в психолингвистическом ракурсе. Посмотрим на реализацию изложенных выше теоретических положений в переложении на теорию языка — конкретные прецедентные явления немецкого и русского языков в межкультурном аспекте и в когнитивном формате категории.

3.1. Виды прецедентов и их идентифицирующие проекции

В лингвофилософском понимании прецедентный языковой знак, как и первичный языковой знак (последние *per definitionem* единичны, а потому явлен, скорее, как один из объектов уже существующей «прецедентной реальности»), может иметь две сферы бытования, то есть две онтологические проекции: системно-языковую (в смысле: *competence*) и дискурсивную (в смысле: *performance*). В соответствии с этим когнитивные и лингвистические основы прообразов производных языковых единиц позволяют выделить принципиально три вида прецедентов: **языковые, коммуникативные и эпистемические**. Они являются первичными семиотическими знаками прецедентного знака, своего рода его знаковыми «донорами».

Отталкиваясь от тезиса В. П. Руднева, по которому функция прецедента — «проективная идентификация», и перефразируя этот термин, ПЕ

как языковой инструмент выполнения этой когнитивной функции воплощают три **идентифицирующие (дейктические) проекции**. Мысль о когнитивно-лингвистических проекциях, реализуемых языковой единицей, обсуждалась раньше в (Лаенко 2004; Сулимов 2006). В нашем случае можно говорить о трёх проекциях: **лингвистической, пропозитивной и феноменологической**. Остановимся на этом подробнее.

Первая идентифицирующая проекция — лингвистическая, создается **языковым прецедентом** с отсылкой к лингвистическому знанию системы языка. В зависимости от характера выражаемого им языкового знания он может быть **лексическим**: *heute* «сегодня» ← *heutig* «сегодняшний»; *Kalb* «теленочек» ← *kalben* «телиться»; *prüfen* «экзаменовывать» ← *Prüfling* «экзаменуемый»; *Achtung gewinnen* «приобрести уважение» ← *geachtet werden* «быть уважаемым».

Лексический прецедент «мотивирует» (в терминах Б. М. Гаспарова) употребление языковой лексической метафоры. Ср.: *am Fuße des Berges* «у подножия горы», *der Flügel des Tores* «створка ворот», *Freiheit atmen* «дышать воздухом свободы».

Лингвистическим мотивом для появления ПЕ может служить также грамматический знак (средство, форма, значение, категория), в этом случае языковой прецедент будет **грамматическим**:

1(a) *Das Haus wird gebaut* — Дом строится. ← 1(b) *Das Haus ist im Bau* — Дом в стадии строительства.

1(c) *Damit ist das Haus gemeint* — Под этим дом понимается. ← 1(d) *Gemeint ist damit das Haus* — Понимается под этим дом.

В примере 1(d) прецедентным в рамках конверсии является коммуникативно-грамматическое значение «рема», выражаемое Part. Perf. *gemeint*, как результат его производности от значения «тема», выражаемого *gemeint* в примере 1(c).

Грамматическим прецедентом является морфема как абстрактный инвариант для ее производных конкретных вариантов — (алло)морфов, ср.: *lesen* «читать» — *liest* «ты читаешь» — *lasen* «мы / они читали» — *läsen* «мы / они читали бы»; *Baum* «дерево» — *Bäume* «деревья».

Языковым **фонетическим** прецедентом может служить, соответственно, фонема по отношению к (алло)фону.

Вторая идентифицирующая проекция намечается **коммуникативным прецедентом**, который также может быть **лексическим** и / или **грамматическим**. Коммуникативным прецедентом обусловлено, например, функционирование художественной (индивидуально-авторской) лексической метафоры, которая отражает в этом случае ситуативное, образное

мышление, возникающее в ходе коммуникации, и реализует вторичную модель мировосприятия, например:

(2) *Tiefeinsamkeit spannt weit die schönen Flügel* (Deutsche Sprache 1983: 465) — *Глубокое одиночество расправляет прекрасные крылья.*

Приведем примеры дискурсивной функции грамматического коммуникативного прецедента, который осуществляет пропозитивную проекцию:

(3) <...> *zu deren inhaltlicher Vollgültigkeit noch etwas fehlt. Ist dieses Fehlende die reale Erfüllung* <...> (Schmidt 1981: 221) — <...> *для содержательной полноты которой кое-что еще отсутствует. Является это отсутствующее реальным выполнением* <...>

(4) *Wenn er über das Geld verfügt, ist er in der Lage, eben die Handlung auszuführen, zu der er in den obigen Texten aufgefordert wird. Dieses In-der-Lage-Sein zur Verwirklichung der geforderten Handlung aber ist* <...> (studia grammatica 1987: 135) — *Если у него есть деньги, то он способен выполнить действие, к которому его побуждают в текстах выше. Но эта способность к выполнению побуждаемого действия* <...>

Прецедентные единицы актуализируют такие ситуативные знания, которые находятся в сознании либо только адресата речи, либо обоих коммуникантов и могут быть в тексте эксплицированы, а могут проецироваться латентно. В последнем случае речь идёт об имплицитной пресуппозиции, которая в момент высказывания является всего лишь допущением об имеющемся речевом знании. ПЕ соотносятся минимально с теми прецедентами, которые могли бы быть в тексте представлены, но в определенных коммуникативных целях не получили предварительной экспликации. Такие реально существующие в языковом сознании референты для текста являются абстракцией потенциальной осуществимости, обусловленные работой когнитивного механизма *отсылки и инференции*:

(5) *Die Besonderheiten der Formenbildung des Konjunktivs* <...> *können in allen eingeführten Grammatiken nachgelesen werden* (Schmidt 1981: 228). — *Об особенностях формообразования конъюнктива* <...> *можно прочитать во всех имеющихся грамматиках.*

Потенциальный референт (в данном случае представление *о существующих грамматиках*) маркируется часто каритивным компонентом в семантике ПЕ, который компенсирует выпущенную информацию отсутствующей пропозиции на основании общих знаний ситуации:

(6) *Die hier nicht betrachtete syntaktische Besonderheit des Deutschen, die zweit- bzw. Endstellung des Verbs ist* <...> (Deutsch als Fremdsprache 1987: 332) — *Не рассмотренная здесь синтаксическая особенность немецкого языка, которой является конечная позиция глагола* <...>.

Учитывая разные виды знания, в предыдущих случаях имелось в виду языковое знание, очевидным становится существование *эпистемического прецедента* как носителя энциклопедического знания, отражающего ценностно-смысловую ориентацию народа — «логоэпистемы» (понятие В. Г. Костомарова).

В сознании коммуникантов обращение к энциклопедической, нередко трактуемой как фоновые знания, информации всякий раз осуществляется в рамках «сильного понимания» (А. С. Чехов), называемого иначе «презумпцией осведомлённости» (П. Ф. Стросон), интерпретируемого также как логический вывод о существовании упоминаемого предмета (К. Боост). Осознание роли и значения такого рода сопутствующих знаний для носителя языка укладывается в термин «внутренний контекст», что подразумевает «прошлый опыт коммуниканта, запрограммированный в его сознании и структуре нервной системы» (Леонтович 2008: 18).

Эпистемический прецедент реализуется в прецедентных феноменах и закрепился во многих лексических метафорах: *böhmische Dörfer* «дремучая необразованность / темнота», *Chinese spielen* «болеть желтухой», *die dreißig Silberlinge* «тридцать серебрянников», *Eulen nach Athen tragen* «ехать в Тулу со своим самоваром» и др.

Широкий анализ лингвистических фактов показывает, что в немецком языке прецедентные феномены имеют соответствующие эквиваленты в русском языке и фигурируют, следовательно, как **межкультурные универсалии**:

- символ культуры (*das Lächeln von Gioconda* «улыбка Джоконды», *Volksbilderbogen* «лубок», *Grimmische Märchen* «сказки Гримма»);
- отдельный культурный мир (*keltische Wiedergeburt* «кельтское возрождение», *Viktorianismus* «Викторианство»);
- имя (*Aschenputtel* «Золушка», *Mozart* «Моцарт»);
- факт (*der Turmbau zu Babel* «вавилонское столпотворение», *Kristallnacht* «хрустальная ночь» еврейских погромов в Германии в 1938 г.);
- модель (*das Saussuresche Postulat* «Соссюровский постулат»);
- текст (*Bibel* «Библия», *Deutsche Nationalhymne* «Гимн Германии»);
- высказывание (*Wer Wind sät, wird Sturm ernten* — «Кто сеет ветер, тот пожнет бурю» (см. подробнее в [Голубева 2009б]).

Поясним понимание прецедентного высказывания в данном контексте. Феномен прецедентного высказывания, эволюция которого в лотмановском смысле предопределена вне зависимости от воли его первоначального создателя (Лотман 1967), а в смысле Руднева *a priori* является прецедентным, запрограммирован на включение его в процесс воспроизведения с той или иной степенью активности и трактуется нами как *преце-*

дентный текст малой формы. Исследовательский интерес расширяется, однако, способностью прецедентного высказывания к дальнейшим когнитивным и языковым трансформациям, как это представлено в виде антиподов в (Mieder 1989) и других возможных формах.

Производные единицы подают «сигналы» прецедентности устойчивостью, повторяемостью, воспроизводимостью и прагматической ролью «коммуникативных заготовок». С одной стороны, они опираются на существование прецедента в форме языкового знака, засвидетельствованного системой языка или дискурсом, с другой, в них могут быть рельефно обозначены очертания прецедентных феноменов. При этом актуализироваться могут одновременно все виды идентифицирующих проекций, что не исключает реализацию только одного вида. Это связано с *разными типами ассоциаций*, т. е. с *разными установками на использование когнитивной базы коммуникантов*.

Для подтверждения сказанного возьмем слово *Puschkinist* «пушкинист», в котором пересекаются лингвистическая и феноменологическая проекции и совмещены языковой прецедент в виде номинативной единицы, которая передает когнитивную структуру (*Forscher des Schaffens einer bestimmten Person*), и эпистемический прецедент (прецедентное имя *Puschkin*). В терминах концептологии здесь наблюдается концептуальная интеграция (концепт «Пушкин» и концепт «исследователь чьего-либо творчества»). Ср. также: *auf Mischka Art* «по-мишкиному» (как Мишка), *auf saussursche Art* «по-соস্যоровски» (как Соссюр).

3.2. Когнитивно-семиотические дихотомии прецедентных единиц

Осмысление прецедентного характера языковых единиц возможно в двух временных перспективах — синхронии и диахронии. Так, слово *tun* «делать» было в исторической перспективе лексическим прецедентом для дентального (претеритального) суффикса *-te* (связанной грамматической морфемы), лексема *haben* «иметь» стала вспомогательным глаголом сложных временных форм *Perfekt / Plusquamperfekt* (свободной грамматической морфемой), а *werden* «становиться» — вспомогательным глаголом для *Futur I, II* и формы *Passiv*.

В результате исторического языкового развития возникли, например, система определенных артиклей, имевшая своими языковыми (грамматическими) прецедентами указательные местоимения, ср.: *dieser* «этот» ← *der*, а также система неопределенных артиклей, становление которых мотивировано числительным *eins* «один» ← *ein* «какой-то», «некоторый». Показательны в этом смысле многие предлоги: *laut* «согласно», *zeit* «в течение», производные от существительных *Laut* «звук», *Zeit* «время», союзы

während «в то время как» и *trotzdem* «несмотря на», производные от глаголов *währen* «пребывать» и *trotzen* «сопротивляться».

Заметна в исторической перспективе трансформация значения лексемы *sehr* «очень» с функцией усиления степени качества в синхронии, которая произошла от древневерхненемецкого *sēr* «больно / болезненно», но уже в средневерхненемецком языке получила расширительное значение (Schippan 1983: 290).

В синхронии наличие языкового прецедента обнаруживается в новом предлоге с отчетливо выраженным прагматическим значением *am Rande* «во время», синонимичном предлоге *während* «в то время как»; в предлогах *aufgrund* «на основании», *mithilfe* «при помощи», наречиях *derzeit* «в это время», *jederzeit* «в любое время», *zurzeit* «к этому времени», *derart* «такого рода», *dergestalt* «такого вида», производных от соответствующих предложных сочетаний и словоформ и конкурирующих с ними.

Деривационная «память» любой прецедентной единицы (ее идентифицирующие проекции) поддерживается когнитивным механизмом отсылки к определённой объёму исторической, социо- и этнокультурной информации, являющейся ее «прецедентным ядром» (термин В. В. Красных).

В рамках чисто лингвистической номинативной теории известно, что любой знак языка кодирует не всю информацию о денотате, представляющем объект, событие или ситуацию, а выделяет лишь значимые признаки, в которых хранится определённый «когниотип». Под этим понимается доминантная когнитивная модель номинации, которая манифестирует «настроенную модальность восприятия» человеком какой-либо сущности в тот или иной исторический момент (Голованова 2008). В лингвофилософском смысле термин «когниотип» соотносится с терминами «прецедентное ядро» и «психика прецедента», раскрывающими экзистенциальный характер ПЕ в целом.

Прецедентность, как сказано выше, трактуется в лингвистике как отсылка к прецеденту, эйдос — когнитивно-семантический элемент, презумптивность языковой единицы. Мы понимаем *прецедентность как когнитивно-семиотический признак*, рефлектирующий производность языкового знака — прецедентное и / или альтернативное отношение, в первом случае указывающее на функциональную этимологию этого знака.

Прецедентное отношение определяется генетической связью производного значения или производной формы (средства) прецедентной единицы с языковым или коммуникативным прототипом при актуализации прецедентного (воспроизводимого) смысла. Оно может возникать путем включения в него ассоциативных связей между производящим и производным языковыми знаками, что высвечивает значимую роль разных ви-

дов пресуппозиций как когнитивной основы ПЕ. Поднимая ассоциативные пласты, необходимые коммуникантам, ПЕ максимально сокращают процесс их дешифровки.

Прецедентное отношение является линейным, так как за *P* следует *P'*. Это, скорее, причинно-следственное отношение, когда из первого вытекает второе. Наглядным примером тому служит трансформация грамматического значения коннектора *weil* «так как / потому что» с подчинительной связью в его грамматическое значение с сочинительной связью (Eggs 2001: 72), не говоря уже о его историческом происхождении от одноименного существительного *die Weile* «время / момент» (Etymologisches Wörterbuch 1989 / 1993: 1550).

Иную онтологическую природу имеет альтернативное отношение, которое также заложено в когнитивно-семиотической основе ПЕ, но в рамках синонимического пространства. Так, широко известный в мире флористики цветок *Narzisse* «нарцисс» имеет в немецком коллективном сознании наряду с первым, и прежде всего, название *Osterglocke* досл. «пасхальный колокол», потому что он ежегодно расцветает в Германии в пасхальные дни (*Ostern*). Таким образом, между лексемами *Narzisse* и *Osterglocke* существует альтернативное отношение, которое поддерживается ассоциативной связью. И, как следует из (Кубрякова 1977: 242), «в принципе неважно, что первично, а что вторично в корреляции лексем *попрошайничать* и *попрошайка*. Важно то, что в них присутствует указание на существующие между ними отношения».

Альтернативное отношение ($A \rightarrow A^1$) отчетливо проявляется в лексической синонимии, реализуемой на дискурсивном уровне в виде изотопии, в частности в рамках повторной номинации. В этом случае контекст дает возможность для одновременной реализации и прецедентного, и альтернативного отношения и указывает на взаимосвязь первого и второго, так как без наличия альтернативы, как лексической, так и грамматической, не может возникнуть прецедентное отношение. Следовательно, между прецедентным и альтернативным отношением нет жестких логических связей ($P \leftrightarrow A$), альтернативное отношение всегда прецедентно, чего нельзя сказать о прецедентном отношении. Альтернативным отношением связаны, например, грамматические формы *Zustandspassiv* «пассив состояния», реализуемые при помощи разных связочных глаголов *sein* «быть» / *stehen* «стоять» и др.:

(7) *Das Wort ist geschrieben* — Слово *написано*. / *Das Wort steht geschrieben* — Слово *написано*.

(8) *Der Brief ist geschrieben* — Письмо *написано*. / *Der Brief liegt geschrieben* — Письмо *написано*.

Такие языковые формы являются лексическими и / или грамматическими синонимами.

Если в приведенных выше примерах с пассивными структурами присутствуют и альтернативное, и прецедентное (как производное пассива) отношения, то в коннекторе *wo* (1. *ведь*, 2. *где*), который выражает в зависимости от контекста уступительную или локативную семантику (Günthner 2002), альтернатива отсутствует:

(9) *Warum hast du das Geschirr nicht abgespült, wo ich dich darum gebeten habe!* — *Почему ты не помыл посуду, ведь я тебя об этом просила!*

Прецедентная единица может быть таковой по форме и / или значению, что не исключает возможность изменения и формы, и значения одновременно. Так, транспозиция формы инфинитива *schlafen* — *der Schlaf* «спать — сон» вызывает перекаатегоризацию грамматического признака (процессуальность — предметность), а переосмысление на уровне текста наречий *da* «там», *unten* «внизу» или вышеприведенного коннектора *wo* «ведь» и др. к изменению грамматической формы не ведёт.

Всякая ПЕ как результат когнитивной и языковой трансформации меняет свою функциональную нагрузку и категориальные признаки. Эти изменения формируют ее «функциональную этимологию» (термин К. Элиха [Ehlich 1994]), которая позволяет проследить перемещение ПЕ из одного семиотического поля в другое.

Посмотрим в этом смысле на вторичные междометия, произошедшие от различных форм знаменательных частей речи (существительных, глаголов и др.). Входившие ранее в назывное поле лексемы *Gott* «Бог», *Mensch* «человек», *gehen* «идти», *kommen* «приходить», *sehen* «смотреть», *sich vorstellen* «представлять себе что-либо» и др. приобретают производную экспедитивную функцию, непосредственно вовлекающую в коммуникацию знание и действие слушающего, в результате чего они принадлежат уже полю воздействия (Ising 1983; Reisigl 1999):

(10) *Er reichte mir die Zeitung, und sieh, da stand ein ungeheurer Bericht* <...> (Textkonnectoren ... 2001: 195) — *Он протянул мне газету, и смотри, там стояло невероятное сообщение* <...>

(11) <...> *das Alte ist vergangen, siehe, es ist alles neu geworden!* (Neues evangelisches Gebetbuch 1978: 73) — *Древнее прошло, смотри, теперь все новое!*

(12) *Mann, bist du ein Glückspilz!* (Reisigl 1999: 221) — *Дружище, ты счастливчик!*

(13) *Geh, so ein Blödsinn!* (Reisigl 1999: 223) — *Иди ты, какая глупость!*

Из сказанного следует, что ПЕ априорно имеют функциональную этимологию. Степень генетического родства между языковыми единицами — то, что отражено в функциональной этимологии и выводит на понимание «протопрецедентности», которая как когнитивно-семиотический признак языковой единицы обнаруживается в разных (не только феноменологических) когнитивных контекстах и индицирует, как выявлено в (Егорова 2017), не начальную / не первичную стадию ее языковой трансформации (грамматикализации / деграмматикализации или лексикализации).

4. Выводы и дискуссия

Изложенные теоретические размышления лишили лингвиста повода сомневаться в том, что языковая система генетически прецедентна, так как в целом она реализует прецедентное мышление. Этому выводу способствовал выбранный исследовательский подход — возможность увязки исследуемого предмета с другими системами научных координат. Таким образом, подтверждена гипотеза о межпарадигмальности прецедентной лингвистики, объектом которой являются ПЕ.

Выявлено, что изучение любых проявлений прецедентности в рамках разных научных парадигм складывается в прочную научную традицию, имеет высокий эвристический потенциал, а потому остается актуальным.

В ходе обсуждения определился ряд облигаторных для общей теории прецедентности терминов и понятий, релевантных для расширения научно-методологической базы прецедентной лингвистики. В их числе рассмотрены ключевые термины психолингвистики, задающие вектор правильного понимания лингвофилософской сущности ПЕ. Это позволило выделить новый когнитивный механизм «проективная идентификация» с системой идентифицирующих проекций, которые являются маркерами прецедентов системной значимости, пропозиционального содержания или энциклопедической осведомленности.

Более глубокий анализ феноменологической проекции дал основание наделить эпистемический прецедент самостоятельным статусом и трактовать ПЕ в межкультурном аспекте как межкультурные универсалии.

Изучение ПЕ в филогенезе — в дихотомиях диахрония / синхрония, альтернативное / прецедентное пространство, текст / дискурс — дает возможность считать их в аспекте понимаемой нами глобализации репрезентантами мегаформата языкового знания. Таким образом, мы ответили на вопрос: какие общие и специфические когнитивные, языковые и культурные границы с точки зрения конкретных (немецкого и русского) языков определяются прецедентными единицами?

Предпринятый в рамках статьи научный поиск может вызвать много импульсов, связанных с дальнейшей разработкой проблем общей теории прецедентности, которую в современном научном ландшафте можно отнести к фундаментальным теориям. Оригинальная когнитивно-семиотическая концепция автора, предположительно, внесет определенный вклад в новое видение прецедентных лингвистических явлений в рамках фундаментальной теории динамического развития языка.

Список литературы / References

- Архипов И. К.* Язык и его функция: смена парадигм научного знания // *Studia linguistic cognitive. Наука о языке в изменяющейся парадигме знания / под ред. А. В. Кравченко.* Иркутск: БГУЭП, 2009. С. 100—153. [Arhipov, Igor' K. (2009) *Yazyk i ego funkciya: smena paradigm nauchnogo znaniya* (Language and its Function: Changing Paradigms of Scientific Knowledge). In Kravchenko, Aleksandr V. (ed.) *Studia linguistic cognitive. Nauka o yazyke v izmenyayushchejsya paradigme znaniya.* (Studia linguistic cognitive. The Science of Language in a Changing Paradigm of Knowledge). Irkutsk: BGUEP, 100—153. (In Russian)].
- Булдаков В. А.* Эйдос как контенсивно-менталингвистическая основа лексического значения // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* 2007. Сер. 9. Вып. 2. Ч. II. С. 87—92. [Buldakov, Vladimir A. (2007) *Ehdos kak kontensivno-mentalingvisticheskaya osnova leksicheskogo znacheniya* (Eidos as a Content-mentalinguistic Basis of Lexical Meaning). *Vestnik of Saint Petersburg University*, Ser. 9, 2 (II), 87—92. (In Russian)].
- Быкова О. И.* Этноконнотация как вид культурной коннотации: на материале номинативных единиц немецкого языка. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. [Bykova, Ol'ga I. (2005) *Ehtnokonnnotaciya kak vid kul'turnoj konnotacii: na materiale nominativnykh edinic nemeckogo yazyka* (Ethnoconnotation as a Type of Cultural Connotation: Based on the Material of Nominative Units of the German Language). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности / под ред. Л. И. Гришаевой и М. К. Поповой. Воронеж: ВГУ, 2004. [Grishaeva, Lyudmila I. & Karpova, Mariya K. (eds.) (2004) *Vzaimoponimanie v dialoge kul'tur: usloviya uspešnosti* (Mutual Understanding in the Dialogue of Cultures: Conditions for Success). Voronezh: VGU. (In Russian)].
- Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1994. [Gasparov, Boris M. (1994) *Literaturnye lejtmotivy. Oчерki po russkoj literature XX veka* (Literary Leitmotives Essays on Russian Literature of the Twentieth Century). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Гаспаров Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. [Gasparov, Boris M. (1996) *Yazyk. Pamyat'. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* (Language. Memory. Image. Linguistics of Language Existence). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)].
- Голованова Е. И.* Когнитивно-историческое терминоведение: предмет, проблематика, инструментарий // *Вопросы когнитивной лингвистики.* 2008. № 2. С. 51—54. [Golovanova, Elena I. (2008) *Kognitivno-istoricheskoe terminovedenie: predmet,*

- problematika, instrumentarij (Cognitive-historical Terminology: Subject, Problems, Tools). *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 51—54. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Отсылочность — когнитивная компонента прецедентных единиц: монография. Нижний Новгород: Поволжье, 2009а. [Golubeva, Nadezhda A. (2009a) *Otsylochnost' — kognitivnaya komponenta precedentnykh edinic: monografiya* (Referencing — the Cognitive Component of Case Units: Monograph). Nizhnij Novgorod: Povolzh'e. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2009(б). [Golubeva, Nadezhda A. (2009b) *Slovo. Tekst. Diskurs. Precedentnye edincy* (Word. Text. Discourse. Case Units). Nizhny Novgorod: Linguistics University of Nizhny Novgorod. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Межпарадигмальность когнитивной лингвистики через призму телесной лингвистики // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV: *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире. 2018. С. 45—48. [Golubeva, Nadezhda A. (2018) *Mezhparadigmal'nost' kognitivnoj lingvistiki cherez prizmu telesnoj lingvistiki* (Piperacilline of Cognitive Linguistics through the Prism of Bodily Linguistics). In Boldyrev, Nikolaj N. (ed.). *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXIV: Cognitio i Communicatio v sovremennom global'nom mire*. (Cognitive Studies of Language, Vol. XXXIV: *Cognitio* i *Communicatio* in Today's Global World), 45—48. (In Russian)].
- Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Теория межкультурной коммуникации: Проблемы, подходы, анализ: монография. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. [Grishaeva, Lyudmila I. & Curikova, Lyubov' V. (2018) *Teoriya mezhkul'turnoj kommunikacii: Problemy, podkhody, analiz: monografiya* (Theory of Intercultural Communication: Problems, Approaches, Analysis: Monograph). Voronezh: Izdatel'skij dom VGU. (In Russian)].
- Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. [Gudkov, Dmitrij B. (2003) *Teoriya i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii* (Theory and Practice of Intercultural Communication). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Егорова О. М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы: монография. Н. Новгород: НГЛУ, 2017. [Egorova, Ol'ga M. (2017) *Modal'nye glagoly nemeckogo yazyka kak grammaticheskie precedentnye edincy: monografiya* (Modal Verbs of the German Language as Grammatical Precedent Units: Monograph). N. Novgorod: NGLU. (In Russian)].
- Кирилина А. В. Немецкий язык и дискурс глобализации // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 11. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. С. 11—22. [Kirilina, Alla V. (2014) *Nemeckij yazyk i diskurs globalizacii* (German Language and Discourse of Globalization). In *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov* (Russian German Studies: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury: Znak, 11, 11—22. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 222—303. [Kubryakova, Elena S. (1977) *Teoriya nominacii i slovoobrazovanie* (The Theory of Nomination and Word-formation). In *Yazykovaya nominaciya. Vidy naimenovanij* (Language Nomination. Types of Titles). Moscow: Science, 222—303. (In Russian)].

- Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5—12. [Kubryakova, Elena S. (2009) V poiskakh sushchnosti yazyka (In Search of the Essence of Language). *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 5—12. (In Russian)].
- Лаенко Л. В. Пословица есть прецедентное высказывание? // Феномен прецедентности и преемственность культур / под ред.: Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 120—126. [Laenko, Lyudmila V. (2004) Poslovica est' precedentnoe vyskazyvanie? (A Proverb is a Precedent Statement?). In Grishaeva, Lyudmila I., Popova, Mariya K. & Titov, Vladimir T. (eds.) *Fenomen precedentnosti i preemstvennost' kul'tur* (The Phenomenon of Precedence and Cultural Continuity). Voronezh: Voronezh State University, 120—126. (In Russian)].
- Леонтович О. А. Проблема ретрансляции и адаптации культурных смыслов // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 18—24. [Leontovich, Olga A. (2008) Problema retranslyacii i adaptacii kul'turnykh smyslov (The Problem of Retransmission and Adaptation of Cultural Meanings). *Bulletin of Moscow University, Ser. 19. Linguistics and intercultural*, 2, 18—24. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме: Искусство в ряду моделирующих систем // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 198. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1967. С. 143—146. [Lotman, Jurij M. (1967) Tezisy k probleme: Iskusstvo v ryadu modeliruyushchikh sistem (Abstracts to the Problem: Art in a Number of Modeling Systems). *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta* (Scholarly Notes of University of Tartu), 198. Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta, 143—146. (In Russian)].
- Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности / Т. Г. Струкова (отв. ред.) и др. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. [Strukova, Tat'yana G. et al. (eds.) (2002) *Mezhkul'turnaya kommunikaciya i problemy nacional'noj identichnosti* (Intercultural Communication and Problems of National Identity). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Руднев В. П. Прецедентный анализ // Славистический сборник REVIEW OF SLAVIC STUDIES / Ичин, Корнелија (отв. ред.). 2016. Т. 90. С. 9—49. [Rudnev, Vadim P. (2016) Precedentnyj analiz (Case-based Reasoning). In Ichin, Kornelija (eds.) *Slavistic Collection REVIEW OF SLAVIC STUDIES*, 90, 9—49. (In Russian)]
- Сулимов В. А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации // Филологические науки. 2006. № 1. С. 40—47. [Sulimov, Vladimir A. (2006) Kognitivnoe opisanie yazyka i ego kul'turologicheskaya interpretaciya: kognitivnye transformacii (Cognitive Description of Language and its Cultural Interpretation: Cognitive Transformations). *Philological Sciences*, 1, 40—47. (In Russian)].
- Тимирханов В. Р. Языковая прецедентность в оценках русского лингвистического реализма. Филология и культура. 2012. 2 (28): 121—124. [Timirhanov, Valentin R. (2012) Yazykovaya precedentnost' v ocnkakh russkogo lingvisticheskogo realizma (Language Precedent in the Evaluation of Russian Linguistic Realism). *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, 2(28), 121—124. (In Russian)].
- Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. Воронеж: Воронежский государственный универ-

- ситет, 2004. [Grishaeva, Lyudmila I., Popova, Mariya K. & Titov, Vladimir T. (eds.) (2004) *Fenomen precedentsnosti i preemstvennost' kul'tur* (The Phenomenon of Precedent and Continuity of Cultures). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Филиппов К. А. Немецкая лингвистическая терминология в контексте процессов глобализации (на примере некоторых понятий лингвистики текста) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 11. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. С. 455—4. [Filippov, Konstantin A. (2014) *Nemeckaya lingvisticheskaya terminologiya v kontekste processov globalizacii (na primere nekotorykh ponyatij lingvistiki teksta)* (German Linguistic Terminology in the Context of Globalization Processes (by the Example of Some Concepts of Text Linguistics)). In *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov* (Russian German Studies: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury: Znak, 11, 45—54. (In Russian)].
- Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. [Heidegger, Martin (2006) *Chto zovetsya myshleniem?* (What is Called Thinking?). Moscow: Izdatel'skij dom "Territoriya budushchego" (In Russian)].
- Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. [Civ'yan, Tat'yana V. (1990) *Lingvisticheskie osnovy balkanskoj modeli mira* (Linguistic Foundations of the Balkan World Model). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Юнг К. Г. Миф и душа. Шесть архетипов. Киев—Москва: Port-Royal—Совершенство, 1997. [Yung, Karl G. (1997) *Mif i dusha. Shest' arkhetipov* (The Myth and the Soul. Six Archetypes). Kiev—Moscow: Port-Royal—Sovershenstvo. (In Russian)].
- Eggs, Ekkehard. (2001) Argumentative Konnektoren und Textkonstitution. Am Beispiel von deduktiven und adversativen Strukturen. In Cambourian, Alain. (Hrsg.) *Text-konnektoren: und andere textstrukturierende Einheiten*. Tübingen: Stauffenburg, (Eurogrammatik 16), 61—90. (In German).
- Ehlich, Konrad. (1994) Funktionale Etymologie. In Brünner, Gisela & Graefen, Gabriele. (Hrsg.) *Funktionale Etymologie*, 68—85. (In German).
- Forrester, John. (1996) Thinking in cases. *History of the human sciences*, 9, 3, 1—25.
- Günthner, Susanne. (2002) Zum kausalen und konzessiven Gebrauch des Konnektors *wo* im gegenwärtigen Deutsch. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 30, 310—341. (In German).
- Harweg, Roland. (2014) Die andere Seite der Sprachenszene in der globalisierten Welt. In Burkhardt, Arnim et al. (Hrsg.) *Alltags- und Fachkommunikation in der globalisierten Welt. Eine Annäherung*. Frankfurt am Main: P. Lang, 19—29. (In German).
- Ising, Erika. (1983) Die Alltagsliteratursprache. In Fleischer, Wolfgang & Hartung, Wolfdietrich et al. (Hrsg.) *Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie*. 1. Aufl. Leipzig: Bibliographisches Institut, 422—424. (In German).
- Lewis, David. (1986) *On the Plurality of Worlds*. Oxford: Basil Blackwell.
- Mieder, Wolfgang. (1989) *Antisprichwörter*. 3 Bde. Wiesbaden: Quelle & Meyer. (In German).
- Reisigl, Martin. (1999) *Sekundäre Interjektionen. Eine diskursanalytische Annäherung*. Frankfurt a. M., Berlin, New York: P. Lang, 222—236. (In German).
- Schippan, Thea. (1983) Veränderung der Wortbedeutung. Ursachen und Arten. In Fleischer, Wolfgang & Hartung, Wolfdietrich et al. (Hrsg.) *Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie*. 1. Aufl. Leipzig: Bibliographisches Institut, 288—292. (In German).

Словари / Dictionaries

- Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Ю. И. Аверьянов. М.: Издательство коммерческого университета, 1993. [Aver'yanov, Yuriy I. (ed.) *Politologiya: Ehnciklopedicheskij slovar'* (Political Science: an Encyclopedic Dictionary). Moscow: Izdatel'stvo kommercheskogo universiteta. (In Russian)].
- Fleischer, Wolfgang & Hartung, Wolfdietrich et al. (Hrsg.) (1983) *Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie*. 1. Aufl. Leipzig: Bibliographisches Institut. (In German).
- Pfeifer, Wolfgang. (Hrsg.) (1989 / 1993) *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. M—Z*. Berlin: Akademie-Verl. (In German).
- Steiner, Isolde. (Hrsg.) (1995) *Neues Deutsches Wörterbuch*. Bergisch-Gladbach: Lingen Verlag. (In German).

Источники языковых материалов / Language material resources

- Cambourian, Alain. (Hrsg.) (2001) *Textkonnectoren: und andere textstrukturierende Einheiten*. Tübingen: Stauffenburg, (Eurogrammatik 16).
- Deutsch als Fremdsprache*. (1987) Zeitschriften, versch. Auflagen. (In German).
- Motsch, Wolfgang et al. (Hrsg.) (1987) *Satz, Text, sprachliche Handlung*. Berlin: Akademie-Verlag. (*studia grammatica* 25) (In German).
- Schmidt, Wolfgang et al. (Hrsg.) (1981) *Funktional-kommunikative Sprachbeschreibung. Theoretisch-methodische Grundlegung*. Berlin: Akademie-Verl. (In German).
- Wulf, Hans. (Hrsg.) (1978) *Neues evangelisches Gebetbuch*. 1. Aufl. Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlag. (In German).

УДК 811.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-49-63

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ
В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»
(на материале именных суффиксальных дериватов)**

А. А. Кунькова

Московский государственный лингвистический
университет, Москва, Россия

В работе анализируются словообразовательные категории в «Повести временных лет» в когнитивном аспекте. Объектом исследования являются именные суффиксальные дериваты, как одна из наиболее продуктивных групп производных лексем в тексте памятника. В ходе исследования осуществляются наблюдения за «внутренней формой языка» — специфическими формами выражения мысли и их грамматической реализацией, а также творческой и интеллектуальной деятельностью человеческого мышления. Цели и задачи данной работы — определение соотношения производных и непроизводных существительных, выявление продуктивных словообразовательных средств, центральных словообразовательных категорий и их концептуальной структуры, а также анализ словообразовательных моделей, направляющих процесс познания. Посредством контент-анализа анализируются нарицательные существительные по признаку производности / непроизводности, а также выявляются наиболее характерные словообразовательные способы. Статистический метод используется для выявления центральных словообразовательных способов и категорий именных дериватов, а дескриптивно-аналитический метод — для описания их концептуальной структуры. Выявленные в ходе исследования центральные словообразовательные категории позволяют реконструировать опорные координаты языкового сознания средневекового человека и характеризуются разветвленной системой словообразовательных суффиксов. Словообразовательный акт, в частности, обнаруживает тесное переплетение чувственного восприятия с умозрительным и взаимообусловленность структур знания и оценки мира. Кроме того, исследование обнаружило высокий порождающий потенциал ядра непроизводных концептов, лежащих в основе древнеславянской языковой картины мира. Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что древний человек обладал развитым абстрактным мышлением, и что экстериоризация его концептуальной системы на всех этапах своего развития во многом реализовывалась исконными языковыми средствами. Теоретическая значимость работы заключается в синхронном изучении словообразовательных процессов, а также в применении аксиологических методов исследования языковой картины мира. Практические выводы дают представление о языке как деятельности и о значительном потенциале исконных словообразовательных средств древнерусского языка. Материалы исследования могут быть использованы в рамках теоретических курсов по антропо- и этнолингвистике, а также в практике преподавания русского языка как иностранного на продвинутых этапах обучения.

Ключевые слова: когнитивное словообразование; концептуальная структура деривата; концепт источника деривации; концепт цели деривации; грамматическая категория; словообразовательная категория.

**Word-Formation Categories in “*The Tale of Bygone Years*”
(With a Focus on Nominal Suffixed Derivatives)**

Alexandra A. Kunkova
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

The article looks at word-formation categories in the “*Tale of Bygone Years*” from the cognitive perspective, specifically focusing on nominal suffixed derivatives as one of the most productive groups of derivative lexemes in the text of the manuscript. The author makes a number of observations on the “internal form of the language” — i. e. specific forms of expression of thought and their grammatical realization as well as the creative and intellectual activity of human thinking. The primary purpose of the article is to determine the ratio of derivative and non-derivative nouns, to identify the most productive means of word formation, primary word-formation categories and their conceptual structure, and to analyze word-formation models that guide the process of cognition. We used content analysis to categorize common nouns in terms of their productivity/non-productivity and to determine word-formation mechanisms that are characteristic for the text. The statistical method was used to identify key word-formation methods and categories of nominal derivatives, while the descriptive-analytical method was used to describe their conceptual structure. In the course of the study, we identified primary word-formation categories which gave us a better idea of the medieval language consciousness which seems to have been characterized by an extensive system of word-formation suffixes. In particular, the word-formation act reveals a close interweaving of sensory and speculative perception and an interdependence of the structures of knowledge and evaluation of the world. In addition, the study revealed a high generative potential of core non-derivative concepts that underly the ancient Slavic language picture of the world. The results of the study confirm the hypothesis that the ancient man had developed abstract thinking, and exteriorization of its conceptual system at all stages of its development was largely realized by original linguistic means. The theoretical significance of this research project lies in the synchronous study of word-formation processes as well as in applying axiological methods to the study of the linguistic picture of the world. Its practical conclusions throw fresh light at language as activity and demonstrate the high potential of original word-formation means of the Old Slavonic language. The results of this research can be used in theoretical courses in anthropo- and ethnolinguistics as well as in teaching Russian as a foreign language for advanced students.

Key words: cognitive word-formation; the conceptual structure of a derivative; derivational source concept; derivational target concept; grammatical category; word-formation category.

1. Введение

В отечественном языкознании силами представителей разных научных школ накоплен солидный объем исследований, посвященных древнерусскому именному словообразованию (Т. И. Вендина, И. В. Ерофеева, Г. А. Николаев, Р. М. Цейтлин и др.). В данной работе осуществляется по-

пытка осмыслить имеющийся опыт с точки зрения когнитивно-аксиологической парадигмы научного знания, что во многом определяет новизну данного исследования и становится возможным благодаря антропологическому направлению развития наук о языке. Речь, прежде всего, идет о когнитивном словообразовании, которое направлено на «выявление связей между словообразовательными средствами, изучение путей формирования одного из значений на базе другого, поиск общих закономерностей развития словообразовательных значений, концептуальный анализ дериватов» (Абросимова 2015: 8). Актуальность такого подхода связана с тем, что в современной лингвистике деривационные лексемы рассматриваются как двунаправленные единицы, которые «трактуются не только как структуры, содержащие информацию в упорядоченном виде, объективируя данные о мире¹, но и как знания, порождающие концептуальный и языковой мир» (Евсеева 2011: 162). А учитывая то, что «у славян <...> высоко развито ценностное отношение не только к людям, но и ко всем предметам вообще» (Лосский 1957: 7), добавим, что они трактуются и как структуры оценки, так как естественный язык имеет не только способность к «адекватной передаче внеязыковых явлений, но и <...> возможности <...> убеждать, передавать свое отношение, выразить себя» (Николаева 2013: 308).

Источником исследования является «Повесть временных лет» (далее ПВЛ), а объектом — производное «всемогущее существительное», которое способно стать «эквивалентом целых суждений и дефиниций», а также «обобщать целые серии умозаключений» (Кубрякова 1978: 86). Поэтому представляется актуальным решение следующих задач: определение соотношения производных и производных существительных, выявление категорий дериватов и их концептуальной структуры (взаимодействие концептов источника и цели деривации), анализ центральных словообразовательных моделей, направляющих процесс познания. В ходе исследования поставлена цель осуществить наблюдения за «внутренней формой языка»², а именно: какой человеческий опыт маркируется, как осмысляется и оценивается окружающий мир, какой уровень развития мышления отражают вербальные абстракции в ПВЛ.

¹ Имеется в виду хрестоматийное определение производного слова Е. С. Кубряковой как «единицы хранения, извлечения, получения и систематизации нового знания» (Кубрякова 2004: 393).

² Мы используем термин В. фон Гумбольдта, который указывает на то, что «национальный характер проявляется в языке посредством особого видения мира. Языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, которая является выражением “народного духа”» (Гумбольдт 1984: 63).

Мотивацией к исследованию послужило положение Н. Д. Арутюновой о пропозициональных структурах, лежащих в основе построения как слова, так и предложения (Арутюнова 1971), получившее свое развитие в трудах Е. С. Кубряковой, проводящей мысль о том, что в производном «имени» наряду с номинативными эксплицируются и предикативные отношения: «Производное слово выступает <...> как некая промежуточная единица: хотя, подобно слову, она относится к отдельному элементу человеческого опыта, эта единица, подобно предложению, обладает свойством расчлененного представления того, что именуется. В производном слове, благодаря этому свойству, есть, как и в предложении, своя “тема” и своя “рема”, свой “внутренний синтаксис”» (Кубрякова 1977: 226). В этом отношении производные существительные в ПВЛ представляют продуктивный класс лексических единиц, в которых аксиологическая константа отвечает за то, «какие элементы языковой действительности и как словообразовательно маркируются, почему они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» (Вендина 1998: 9).

На этом основании проводится попытка доказать гипотезу о наличии развитого абстрактного мышления у древнего человека, автономной способности исконных языковых единиц и средств к экстерииоризации концептуальной системы человека на всех этапах ее развития, а также их языковой устойчивости в условиях смены историко-культурной парадигмы.

2. Характеристика материалов и методов исследования

Мы разделяем мнение о том, что системное представление о языковых явлениях достигается посредством изучения «не по замкнутым циклам литературных произведений идентичного содержания <...> а по всем сохранившимся от данного времени рукописям этого языка в совокупности» (Цейтлин 1977: 4). Однако результаты данного исследования представляются релевантными, во-первых, в силу того, что, будучи одним из основополагающих текстов русской культуры, ПВЛ несет в себе лингвокультурный код нации и представляет гипертекст с компонентами религиозной, деловой и бытовой тематики. Во-вторых, ПВЛ — это культурно-исторический феномен, возникший вследствие «диалога культур», в котором «один из участников диалога осуществляет передачу некоторых текстов, другой соблюдает паузу и находится на приеме» (Лотман 1992: 121—122). При этом важно отметить, что в такой переломной исторической ситуации «тексты переводятся с ‘чужого’ языка <...> на ‘свой’. Одновременно они подвергаются разнообразной трансформации по законам воспри-

нимающей культуры» (Там же). Подобное положение дел позволяет увидеть в ПВЛ уникальный источник знаний о том, как язык переживает эпоху перелома, которая всегда сопровождается «острой борьбой за духовную независимость» (Там же). И именно так представляется возможным выявить «непосредственность нашего видения мира и самих себя — непосредственность, за которую мы упорно держимся» и которая «сберегается языком и находится в его распоряжении» (Гадамер 1988: 520).

В работе применяется комплексная методика исследования нарицательных существительных в ПВЛ. Посредством контент-анализа анализируются существительные по признаку производности / непроизводности, а также выявляются словообразовательные типы, характерные для текста памятника. Статистический метод используется для выявления центральных словообразовательных способов и категорий именных дериватов. Дескриптивно-аналитический метод применяется для описания концептуальной структуры производных существительных, образованных суффиксальным способом. На заключительном этапе исследования аксиологические методы используются для анализа оценочного компонента дериватов, служащего ключом к пониманию основ лингвокреативной деятельности человека.

Особое внимание в работе уделяется суффиксальным именным дериватам. Во-первых, это одна из групп лексем, образованных посредством исконных словообразовательных формантов, многие из которых до сих пор не утратили свои функции. Во-вторых, исследование дериватов связано со спецификой древнерусского языка (ДРЯ), который принадлежит к разряду скорее «грамматических» или мотивированных языков, в которых произвольность языкового знака ограничена, а предпочтение отдается «грамматическим средствам, а именно — правилам конструирования» (Сосюр 1977: 163—166). В этом отношении суффиксальные дериваты — одна из центральных групп, представляющая значительный объем материалов для исследования.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В ДРЯ обнаружено существенное количество словообразовательных способов, которые носят системный характер и делятся на морфологические и семантические. Среди морфологических преобладают аффиксация, конфиксация, сложение и универбация, а среди семантических — субстантивация, универбация и сращение (Николаев 2009: 115—120). Среди словообразовательных средств центральную роль играют префиксы и суффиксы (Цейтлин 1977: 70—180; Николаев 2009). В ПВЛ центральными способами являются суффиксация, конфиксация, субстантивация и сложе-

ние. Мы остановились на суффиксальном способе: он охватывает 55 % от всех исследованных дериватов (422 лексем)³ и испытал на себе менее активное воздействие греческих калек. Мы видим своей целью исследование максимально исконных словообразовательных средств, что можно сказать о продуктивных суффиксах ДРЯ, которые сформировались в индоевропейскую эпоху и частично сохранили свою продуктивность до настоящего времени (Цейтлин 1977).

Подсчет имен нарицательных в ПВЛ⁴ выявил более 1600 лексем (с учетом словоформ — более 12 200). Соотношение мотивированных и немотивированных имен в ПВЛ составляет 48 % к 52 %. Однако на этапе выявления частотности наиболее регулярными оказались немотивированные существительные, демонстрирующие разнообразие словоформ: *Богъ, лѣто, городъ/градъ, земля, день, сынъ, братъ, отецъ, мужь, мѣсяць, человекъ*⁵, *Господь, миръ, вой/воинъ, люди*. Можно заметить, что они формируют семантические микрополя:

- вера: *Богъ, сынъ, отецъ, Господь*;
- время: *лѣто, мѣсяць, день*;
- место: *земля, городъ / градъ*;
- род: *отець, сынъ, братъ*;
- человек: *человѣкъ, мужь, сынъ, браѣт, отецъ, вой/воинъ*;
- мир (социум): *миръ, вой / воинъ, люди, человекъ*.

Таким образом, отмечаем, что в ситуации смены исторической парадигмы наблюдается устойчивость ядра славянского языка к заимствованной греко-христианской лингвокультуре. Можно рассматривать это как этап в развитии языка, постепенно актуализирующего единицы более сложного порядка. Но при диахроническом осмыслении очевидно, что большинство этих основ по-прежнему входит в состав базовых концептов русской языковой картины мира, концептов-посредников между человеком и окружающим миром — познанным и познаваемым. Видимо, эти застывшие «фигуры», в которых содержатся аксиологические константы, эйдосы, определяющие вневременную эталонность их планов содержания, формируют базовый языковой арсенал, способный в автономном режиме обеспечивать возможность познания человеком мира и принципов мироустройства.⁶

³ Конфигурация — 22 % (170 единиц), субстантивация — 15 % (118 единиц), сложение — 8 % (58 единиц).

⁴ Исследование проводилось по списку Лаврентьевской летописи 1377 г.

⁵ Подобные исторически сложные лексеммы в древнерусском языке функционируют уже как несложные (Цейтлин 1977: 192).

⁶ Это предположение находится в русле идей А. Вежбицкой о том, что «у всех языков есть общее ядро <...> что, <...> это общее ядро является врожденным <...> и что <...>

Определяя когнитивную структуру дериватов, мы использовали параметры словообразовательной категории Е. С. Кубряковой (Кубрякова 2006: 91—96): а) словообразовательная категория (СК); б) грамматическая категория (ГК); в) словообразовательный формант (СФ); г) концептуальная словообразовательная категория⁷. Это обусловлено тесной взаимосвязью ГК и СК в когнитивной структуре деривата (первая закрепляет членение языкового пространства на предметные, процессуальные и признаковые области, а последняя с помощью СФ конкретизирует и развивает заложенные грамматические значения)⁸. В результате мы имеем дело в ГК с концептом источника деривации (в дериватах имплицитно грамматические значения мотивирующей основы), а в СК — с концептом цели деривации (т. е. концептом части речи созданного слова) (Там же). Такую двойственную структуру впервые описывает Дж. Лакофф применительно к процессам метафоризации когнитивного пространства, характеризуя процесс в целом как «метафорическую проекцию» или «когнитивное отображение», когда область цели структурируется по образцу источника (Lakoff 1990: 54). Словообразовательный акт, очевидно, устроен по этому же принципу, потому что в процессе транспозиции одних частей речи в другие мы наблюдаем процессы опредмечивания концептов цели или придания им оттенка процессуальности или признаковости и проч. Кроме того, поливариантная семантика СФ указывает на направление развития познавательного процесса (Там же), а разные СК, отражающие разные способы и уровни познания мира, демонстрируют степень отражательности (конкретности) или номинальности (абстрактности) их дериватов (Кубрякова 2006: 91—96). Отметим, что в работе Н.А. Мишанкиной используются схожие понятия при определении когнитивных моделей, которые «на основании выполняемой ими функции в познавательной деятельности могут быть разделены на идентифицирующе-категоризирующие и синтезирующие. Последние позволяют создавать “возможные, виртуальные миры” <...>, получающие онтологизацию как сложные ментальные конструкты» (Мишанкина 2013: 18).

Центральные производные имена в ПВЛ распределяются по пяти СК и позволяют реконструировать опорные координаты языкового сознания средневекового человека — субъект, опредмеченное действие, объект, аб-

---

это общее ядро может использоваться как своего рода мини-язык для того, чтобы сказать все, что мы пожелаем» (Вежбицкая 2001: 48).

⁷Здесь имеются в виду отражательная (или конкретная), номинальная (или абстрактная) и оценочная словообразовательные категории (Кубрякова 2006: 95).

⁸ Аналогичный подход мы встречаем у Л. Талми, который говорит о лексической и грамматической подсистемах как взаимодополняющих, где последняя выполняет роль концептуального каркаса для лексически выраженного содержания (Талми 1999).

страктное понятие, состояние. Каждая СК характеризуется разветвленной системой словообразовательных моделей (СМ).

СК субъекта занимает первое место в силу антропоцентричности словообразовательной деятельности и реализуется большим количеством СФ, где наиболее продуктивные — [к] / [тък] / [ик] / [ник], [ьц] / [иц] / [ниц], [тель]. Она содержит в своем ядре следующие субкатегории: социальный статус (*даньники, начальник, советник, паропци, купец, жрец, семцо, вдовици, ключницъ, начальницю, властеля*), религиозный статус (*скопонец, ктлейнику, сановники, Владыка, Владычице, служителя*), профессиональный статус (*гребцемь, плотници, работникъ, книжники, учитель*), морально-этический статус (*блудницю, мученикъ, грешником, противникъ, казателю, ругателем*), семейный статус (*сыновца, ближикам, родитель*), возраст (*младенець, отроковицю, дъвица*). Данные значения реализованы в основном деноминативами (47 %) и девербативами (31 %), то есть в источнике деривации преобладает предметная направленность. Но так как основное назначение суффикса *-ьць* «в древнерусском языке — наименование лица по роду занятий, то есть действующего лица» (Ерофеева 2010: 20), то в дериватах с СФ *-ьць* и *-тель* проявляется семантика процессуальности. Для СК субъекта характерна отражательность, так как у большинства лексем есть физический денотат. Но благодаря собирательным существительным (*игуменьство, челоуьчьство, множество, людие*) и лексемам типа «Божество» в ней угадывается оттенок номинальности (в первом случае ощущается тенденция к созданию обобщающих понятий, а во втором мы имеем дело с «нефизическим» субъектом).

В состав СК опредмеченного действия входят субкатегории собственно действия (*бдѣнье, милованье, творением, стьданье, житье, неятью*), результата (*спасение, полонении, учреждение, отмьстье, проклятьи*) и действия, ограниченного временем (*боронения, браченье, пощенье, княженье*). Они обусловлены концептом источника деривации: при транспозиции ведущая роль отводится глаголам, которые не только выводят дериваты в процессуальную область, но и сегментируют ее по признаку завершенности / незавершенности действия (*Nomina actionis, Nomina acti, Nomina temporis*). Концепты цели деривации реализуются посредством таких продуктивных СФ, как [н'иј] / [н'ј], [ј] и др., и являются скорее номинальными. С того момента, как древний человек начинает означивать действие, он начинает глубже проникать в область умопостигаемого и вплотную сталкивается с созданием безденотатной лексики⁹, которую не-

⁹ Говоря о безденотатной лексике, Е. С. Кубрякова развивает идеи Б. Рассела, который еще в 80-х гг. XX в. называет такие единицы концептами, потому что «нигде, даже в мире теней, не существует ничего, что бы соответствовало этому имени» (Рассел 1982: 42).

возможно воспроизвести только посредством готовых именных основ (по аналогии), и которая требует «обозначить предмет мысли» (Кубрякова 2006: 94). В этой СК наблюдается переход к развитию абстрактного мышления.

СК объекта в ПВЛ — следующая по степени продуктивности. Ядро СК составляют субкатегории орудия (*топорцемь, орудие, рогалие, било, точила, тыльемь*), жилища (*вежи, печерка, здание, истобьку, хоромины*), животного мира (*заячины, звърину, скотины*) и растительного мира (*листвием, смоковье, цвѣтокъ*). Наиболее продуктивные СФ — [j] / [ij], [к] / [ѣк] / [ик], [л], [ин]. Так как СК в большей степени представлена деноминативами, для нее характерно опредмечивание. Но так как «все производные имена существительные распределяются по двум основным центрам словообразовательной системы — наименованию лица и наименованию действия» (Ерофеева 2010: 7), СК объекта вторична и использует СФ первых двух категорий, преобразуя их исконное значение. Это и придает оттенок процессуальности концептам цели и говорит о смешанном характере СК объекта: на фоне общей отражательности в ней присутствует номинальный элемент (*имгънье, псанье, основании* и др.).

Ядро СК абстрактного понятия сформировано, прежде всего, девербативами (*Nomina Abstracta*), а также деадъективами и деноминативами с помощью СФ [н'j], [ик] / [ѣк], [ств] и др. Среди субкатегорий выделяются морально-нравственная (*откровенья, доброты, правило, наслѣдья*), перцептивная (*видгънье, приведенье*), пространственная (*начатокъ, путье*), эстетическая (*лгънота, красотою*), духовная (*знаменье*), философская (*художьства, истина*) и категории меры (*высота, долготу, ширину, мѣсячину*) и времени (*дние, годину*). Концепт источника деривации наделяет концепт цели значением процессуальности и признаковости, что говорит о высоком уровне абстракции СК, ибо на этом этапе набор мотивирующих основ гораздо шире и содержит не только и не столько именные основы. Категория весьма разнородна и использует в своем арсенале СФ со значением лица и отвлеченного действия.

СК состояния завершает перечень продуктивных СК в ПВЛ и находится на высокой ступени языковой абстракции. В концепте цели деривации преобладают девербативы (*Nomina Abstracta*) и деадъективы; центральными СФ являются [ѣj], [н'j], [от] / [ет], [ѣств] / [еств] / [ств], [ость] / [есть]. Здесь представлены субкатегории физического состояния (*болести, уности, дгъвство, дгътьства, нетлгънья*), благосостояния (*богатство, нищету*), чувства (*горести, радость, одиночьство, ликъствованье, каянья, страшенья*), эмоции (*ярость, гугнанье, бѣссиванью*), внешнего состояния (*нечистоту, наготу, тишина*) внутреннего состояния (*леность,*

мечтанье). По характеру СК состояния относится к номинальным: ее можно назвать собственно концептуальной, так как в ней формируются логические, философские и обобщающие понятия, которые призваны «обеспечивать описания мира самой высокой степени сложности» (Гадамер 1988: 96).

Необходимо отметить, что в ПВЛ наиболее продуктивными СФ у нарицательных имен являются суффиксы со значением опредмеченного действия *-j-* (*-н'иј / иј / њј*) (32 %) и со значением лица *-k-* (*к / њк / ик / њц / ц / иц / ц / ник*) (26 %). Это коррелирует с тем, что СК субъекта и действия также наиболее продуктивны, а в концептах цели деривации преобладают деноминативы и девербативы, привносящие значение предметности и процессуальности. При этом СФ расширяют деривационный диапазон. Во-первых, инвариантный суффикс *-bj-* и его алломорфы используются для образования слов со значением субъекта, а во-вторых, вместе с инвариантным суффиксом *-k-* они заимствуются вторичными СК со значением объекта (*платки, голубники, сребреники, зелье, рогалие, смоковье*), абстрактного понятия (*святось, избытоксь, вторниксь, добытоксь*), состояния (*негодвань, страшень, хотньемь*), места (*рощениемь, селенье, болонье, устье, сельце*), существа (*звьрь, вьверица, хьщникь*). Развивается вариативность в семантике суффиксов и происходит «варьирование семантики производных одной категории» (Кубрякова 2006: 93). Можно сказать, что производные на *-bj-* и *-k-* образуют многофокусные категории и «демонстрируют целый ряд, казалось бы, разных значений» (Там же): *кланьянь — требованье — рыданье — прощенья — тлнье — откровенья — Успенье — имнье — однья — псанье — селенье — тяжанье — виднье, божонку — истобьку — бчелках — Владыка — цвьтокь — начатокь — избытокь — потока — четвертькь — святось — грешником — поборника — даньники*.

Говоря о «структурах знания», следует сказать о «структурах мнения и оценки мира» (Кубрякова 2006: 95). Наряду с абстрактными категория оценки является одной из «важных для понимания лингвокреативной деятельности человека в языке» (Там же), ведь «именно ценности <...> давали импульс к словообразовательной детерминации реалий внешнего мира» (Вендина 1998: 275). Особенно это важно, как мы уже говорили, для славянской культуры, так как наличие оценочности в русской лексике вслед за отечественными учеными (Лосский, Вендина, Арутюнова и др.) наблюдают и западные лингвисты: «В целом ряде русских слов и выражений отражается тенденция <...> высказывать абсолютные моральные суждения и связывать моральные суждения с эмоциями, так же как и акцент на “абсолютном” и “высших ценностях” в культуре в целом» (Вежбицкая 2001: 17).

Большая часть существительных, эксплицирующих аксиологический компонент, лежит в поле конфликтивных и сложных дериватов (*сердобольянь, високоумьель, срамословье, мясопуста, безаконьникомъ, благовърныхъ, проньрьства, невъголось, перевозникъ, забрала*). Однако суффиксальный способ также содержит ряд способов выражения оценки. На грамматическом уровне мы обнаруживаем дихотомию по признаку уменьшительности — увеличительности в СК субъекта, объекта и абстрактного понятия (*дщице, сыновца, божонку, глазки, печерка, истобъку, оконце, лжицъ, словца, хоромины, судице, игрища, сонмищи, ужища*). На психическом уровне в разных СК мы обнаруживаем оценки-аффективы (чувственное восприятие: *рогалие, зелье, златникъ, толстинам, свѣтила*), оценки-когнитивы (рациональное и психическое восприятие: *ближикам, толковины, сиротъ, казателю, дѣлатель, тыльель, вежи, суетою, рухло*), и оценки-сублиматы (эстетическое и этическое восприятие: *лъпокъ, праведникъ, супротивника, грѣшником, свѣтилникъ, нечистоту*) (Вендина 1998: 18—20). Таким образом, мы наблюдаем в структуре знания два типа информации — о самом предмете и об отношении к нему. Представляется, что человек, называя предмет или явление, естественным образом вносит оценочный компонент, присутствие которого не зависит от степени их значимости (личностной, социальной, морально-эстетической и проч.), однако при комплексном анализе группы дериватов¹⁰ позволяет измерить эту значимость и встроить каждый элемент группы в общую иерархию ценностей, представляющих краеугольный камень языковой картины мира человека.

4. Заключение

Первичный анализ существительных в ПВЛ позволил обнаружить некоторую «выделенность» ядерных участков лексики (семантических микрополей) из словообразовательного процесса. На наш взгляд, это говорит о том, что существование языка как средства познания мира обусловлено наличием в нем постоянных непроеизводных основ-концептов, наделенных внеисторической значимостью и способностью «объяснять мир» в любых условиях. Комплексный анализ дериватов подтвердил гипотезу о том, что древний человек обладал значительным уровнем развития абстрактного мышления, поскольку обнаружил высокий лингвокреативный потенциал средневекового человека, способного оперировать «ментальными конструктами» (Мишанкина 2013: 18) в процессе осмысления предметов, действий, качеств, состояний и проч. То есть исторический человек создавал аб-

¹⁰ Мы имеем в виду группы дериватов, которые в зависимости от целей исследования могут быть сформированы по признаку принадлежности к определенному словообразовательному типу или средству, словообразовательной или оценочной категории и т. д.

страктные понятия уже на начальных этапах своей деятельности, постепенно продвигаясь к более высоким уровням абстракции. Это служит дополнительным доказательством теории современной концептуальной семантики об априорно богатом уровне языка абстрактного мышления, репрезентирующего значения слов и даже выходящего за его пределы (Пинкер 2016: 188—190)¹¹. При этом отмечается, что экстерниоризация центральных ментальных образов во многом реализуется на почве исконных словообразовательных явлений, демонстрирующих «особенности видения и “прочтения” мира тем или иным народом» (Вендина 1998: 6) и являющихся хранилищем его исторической и генетической памяти. Вместе это позволяет сделать вывод, что и на уровне словообразования ДРЯ присуща определенная самодостаточность¹², так как за счет незаимствованных языковых средств он способен к вербализации концептуальной системы на всех уровнях ее развития. При этом на всех этапах словотворчества обнаруживается не только тесное переплетение чувственного восприятия с умозрительным, но и взаимообусловленность структур знания и оценки мира.

Теоретическая значимость исследования обусловлена его вкладом в синхронное изучение когнитивных словообразовательных процессов в лексике ССЯ, а также в развитие аксиологических методов исследования языковой картины мира в области когнитивной лингвистики. В практическом отношении приведенные материалы и выводы исследования служат развитием опорных идей В. фон Гумбольдта о том, что «язык не есть продукт деятельности (*Ergon*), а деятельность (*Energeia*)» (Гумбольдт 1984: 70), так как дают представление о том, что словообразование — это речевая деятельность, направленная на осмысление наблюдаемого и ненаблюдаемого мира, а «“словообразовательный механизм русского языка — мощная и активная сила”, практически не подвергающаяся <...> иноязычному влиянию» (Петрухина 2006: 142). Эти и другие результаты исследования могут быть использованы в рамках курсов по антропологической и этнолингвистике, а также в практике преподавания русского языка как иностранного на продвинутых этапах обучения в целях получения системного представления о лексике русского языка и его морфемной и словообразовательной специфике.

¹¹ Здесь необходимо подчеркнуть, что, по мысли С. Пинкера «понятия хранятся в памяти человека в форме, гораздо более абстрактной, чем предложения», а «язык годится для использования только при поддержке огромной инфраструктуры абстрактного вычислительного механизма в мозге человека» (Пинкер 2016: 188).

¹² В силу устойчивости ядра славянских непроемных основ и значительной доли исконных словообразовательных средств, участвующих в актах словотворчества.

Список литературы / References

- Абросимова Л. С. Словообразование в языковой категоризации мира. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. [Abrosimova, Larisa. S. (2015) *Slovoobrazovanie v yazykovoy kategorizatsii mira* (Word Formation in the Linguistic Categorization of the World). Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д. О номинативном аспекте предложения // Вопросы языкознания. 1971. № 6. С. 63—73. [Arutjunova, Nina. D. (1971) *O nominativnom aspekte predlozhenija* (On the Nominative Aspect of the Sentence). *Voprosy Jazykoznanija* (Topics in the study of language), 6, 63—73. (In Russian)].
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. [Wierzbicka, Anna (2001) *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kljuchevyh slov* (Understanding Culture through Keywords). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russian)].
- Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. [Vendina, Tat'jana I. (1998) *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* (Russian Language Picture of the World through the Prism of Word Formation (the Macrocosm). Moscow: Indrik. (In Russian)].
- Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. [Gadamer, Hans G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevтики* (Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. [Gumbol'dt, Vil'gel'm. (1984) *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* (Selected Works on Linguistics). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Евсеева И. В. Концептуализация опыта человека посредством деривационных единиц // Вестник КемГУ. 2011. № 4 (48). С. 161—167. [Evseeva, Irina V. (2008) *Konceptualizacija opyta cheloveka posredstvom derivacionnyh edinic* (Conceptualization of Human Experience through Derivational Units). *Vestnik KemGU*, 4 (48), 161—167. (In Russian)].
- Ерофеева И. В. Именное словообразование в языке русских летописей: автореферат дис. д-ра филол. наук: 10.02.01. Казань, 2010. [Erofeeva, Irina V. (2010) *Imennoe slovoobrazovanie v yazyke russkih letopisej* (Nominal Word Formation in the Language of Russian Chronicles). Abstract of philol. doct. diss. Kazan'. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация: Виды наименований / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. М.: Наука, 1977. С. 222—303. [Kubryakova, Elena S. (1977) *Teoriya nominatsii i slovoobrazovanie* (Nomination Theory and Word Formation). In Serebrennikov, Boris A. (ed.). *Yazykovaya nominatsiya: Vidy naimenovaniy* (Language Nomination: Types of Names). Moscow: Nauka, 222—303/ (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М.: Наука, 1978. [Kubryakova, Elena S. (1978) *Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii* (Parts of Speech in Onomasiological Treatment). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. К построению типологии словообразовательных категорий. // Актуальные проблемы современного словообразования: Труды Международной научной

- конференции. Томск, 2006. С. 90—96. [Kubryakova, Elena S. (2006) K postroeniyu tipologii slovoobrazovatel'nykh kategoriy (Toward a Typology of Word-building Categories). *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya: Trudy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Actual Problems of Modern Word Formation: Proceedings of the International Scientific Conference). Tomsk, 90—96. (In Russian)].
- Лосский Н. О. Характер русского народа. Франкфурт-на-М.: Посев, 1957. [Losskij, Nikolay O. (1957) *Harakter russkogo naroda* (The Nature of the Russian People). Frankfurt am Main: Posev. (In Russian)].
- Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. [Lotman, Yuriy. M. (1992) *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* (Articles on Semiotics and Cultural Topology). Tallin: Aleksandra. (In Russian)].
- Мишанкина Н. А. Методология когнитивной лингвистики в исследовании научной коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3 (36). С. 16—24. [Mishankina, Natal'ya A. (2013) Metodologiya kognitivnoy lingvistiki v issledovanii nauchnoy kommunikatsii (The Methodology of Cognitive Linguistics in the Study of Scientific Communication). *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 3 (36), 16—24. (In Russian)].
- Николаев Г. А. Способы древнерусского именного словообразования // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Том 151, кн. 6. С. 115—121. [Nikolaev, Georgiy. A. (2009) Sposoby drevnerusskogo imennogo slovoobrazovaniya (Methods of Old Russian Nominal Word Formation). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta* (Scientific Notes of Kazan State University), vol. 151, pt. 6, 115—121. (In Russian)].
- Николаева Т. М. Лингвистика. Избранное. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Nikolaeva, Tat'yana M. (2013) *Lingvistika. Izbrannoe* (Linguistics. Selected Works). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russian)].
- Петрухина Е. В. Актуальные вопросы системного словообразования // Славистика: синхрония и диахрония: междунар. сб. статей к 70-летию И. С. Улуханова / под ред. В. Б. Крысько; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. М.: 2006. С. 142—153. [Petruhina, Elena V. (2006) Aktual'nye voprosy sistemnogo slovoobrazovaniya (Actual Issues of Systemic Word Formation). In Krysk'o, Vadim B. (ed.) *Slavistika: sinhronija i diahronija: mezhdunaodnyy sbornik statej k 70-letiju I. S. Uluhanova* (Slavistics: Synchrony and Diachrony: an International Collection of Articles Dedicated to the 70th Birthday of I. S. Ulukhanov). Moscow: 2006, 142—153 (In Russian)].
- Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. [Pinker Steven. (2016) *Substancija myshlenija: Jazyk kak okno v chelovecheskuju prirodu*. (Substance of Thinking: Language as a Window into Human Nature). М.: URSS: Knizhnyj dom «LIBROKOM» (In Russian)].
- Рассел Б. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. 13. С. 41 – 54. [Russel, Bertrand. (1982) Deskripcii (Descriptions). *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Iss. 13. Moscow: Progress. 41—54 (In Russian)].
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. [Saussure, Ferdinand. (1977) *Trudy po jazykoznaniju* (Works on Linguistics). Moscow: Progress (In Russian)].
- Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета. Серия. 9: Филология. 1999. № 1. С. 30—48. [Talmi, Leonard. (1999) Otnoshenie

grammatiki k poznaniju (The Relation of Grammar to Knowledge). Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologija, 1, 30—48 (In Russian)].

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М.: Наука, 1977. [Tseytlin, Roza. (1977) *Leksika staroslavyanskogo yazyka* (Old Slavonic Vocabulary). Moscow: Nauka (In Russian)].

Lakoff, George. (1990) The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image-Schemas? *Cognitive Linguistics*. 1, 39—74.

Источник языкового материала / Language material resources

Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Андриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 668 с.

УДК 811.11-112

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-64-76

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В. А. Леонтьева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Статья представляет собой обзор и краткое изложение истории изучения модальных глаголов немецкого языка в отечественной и зарубежной лингвистике с Античности до наших дней в русле целостного изучения модальности в мировом языкознании. В работе применены методы обобщения и систематизации. Материалы исследования — монографии и статьи отечественных и зарубежных специалистов в области истории немецкого языка, функциональной грамматики, морфологии. Вопросам семантики претерито-презентных и модальных глаголов в конкретные исторические периоды развития немецкого языка посвящено немало работ зарубежных и отечественных лингвистов XX века, однако в этой области знания всё ещё есть открытые вопросы. В течение практически всего XX века модальные глаголы рассматривались отечественными и зарубежными германистами в основном как средство выражения внутренней модальности, то есть отношения субъекта к совершаемому действию, а с конца XX — начала XXI века германисты начинают активно изучать различные оттенки их субъективного, контекстно обусловленного функционально-семантического потенциала. В связи с этим отдельное внимание в данной статье уделяется этимологическим, семантическим, грамматическим, функциональным особенностям модальных глаголов в современном немецком языке. Представлены такие спорные проблемы, как вопрос о том, являются ли модальные глаголы закрытым или открытым кластером лексики, то есть возможно ли на современном этапе развития языка, согласно определенным семантическим или грамматическим критериям, включить другие языковые единицы в эту группу. Спорным является также вопрос: существует ли однозначное соответствие между модальным глаголом и типом модальных отношений, который выражается с помощью этого глагола в речи, и наоборот? Выделены такие значимые аспекты темы, как грамматикализация модальных глаголов, соотнесение модальных глаголов с типами модальных отношений, первичные и вторичные значения модальных глаголов, характеристика претерито-презентности, сочетаемость модальных глаголов, синтаксические особенности их употребления. Значимость представления данного материала заключается в том, что это даёт понимание системы функционирования и прагматики модальных глаголов как особого лексического кластера в речи.

Ключевые слова: модальность; модальные глаголы; виды модальности; немецкий язык; история немецкого языка.

On the History of Studying Modal Verbs in the German Language

Varvara A. Leontyeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The article is an overview and a summary of the study of modal verbs in the German language in Russian and foreign linguistics, from Antiquity to the present day, in line with the holistic study of modality in world linguistics. Using the methods of generalization and systematization, the author analyzes monographs and articles by Russian and foreign experts in the field of the history of the German language, functional grammar, and morphology. While a considerable number of works by foreign and Russian linguists in the 20th century are devoted to the issues of semantics of preterite-present and modal verbs in specific historical periods of the development of the German language, there are still many open questions in this area. Throughout almost the entire 20th century, Germanists viewed modal verbs mainly as a means of expressing internal modality, i.e., the attitude of the speaker to the action being performed. However, in the late 20th and early 21st century, they began to actively study the subjective use of modal verbs. Much modern literature on the subject is devoted to the study of German modal verbs in the function of subjective (epistemic) modality. This article focuses on etymological, semantic, grammatical, and functional features of modal verbs in modern German and discusses a number of controversial issues, such as the question of whether modal verbs are a closed or open cluster of vocabulary, that is, whether it is possible, at the present stage of language history, to include other linguistic units into the category of modal units, if these other units answer certain semantic or grammatical criteria. It is also open to discussion whether there is a one-to-one correspondence between a modal verb and the type of modal relations that is expressed with the help of this verb in speech, and vice versa. The author highlights such significant aspects as grammaticalization of modal verbs, correlation of modal verbs with various types of modal relations, primary and secondary meanings of modal verbs, characteristics of the preterito-presentia, compatibility of modal verbs, and syntactic features of their usage. The relevance of this study lies in the fact that it gives a more comprehensive understanding of functions and pragmatics of modal verbs as a special lexical cluster in speech.

Key words: modality; modal verbs; types of modality; the German language; history of the German language.

1. Введение

Статья посвящена вопросу исследования модальных глаголов немецкого языка в отечественном и зарубежном языкознании. В германском языкознании модальные глаголы рассматриваются как закрытый кластер — морфологический класс глаголов, характеризующихся претерито-презентностью. Ядро группы составляют глаголы, выражающие модальность необходимости и возможности. Интерес к изучению немецких модальных глаголов проявляется уже давно, и этот интерес определяется их семантикой, разрабатываемой с позиций исторической, системно-структурной, генеративной, функциональной и других научных парадигм. Это демонстрируют работы В. Г. Адмони, В. М. Жирмунского, Л. Р. Зиндера, О. И. Москальской, Т. В. Строевой, Г. Беха, Г. Дивальд, Г. Фритца,

А. Янтти, Е. Лейсс, Х. Мозера, Г. Ольшлегера, Р. Пайлике, К. Вельке, Д. Вундерлиха. Цель данной статьи состоит в обобщении и кратком изложении истории изучения модальных глаголов немецкого языка в русле целостного изучения модальности как языковой категории.

2. Материалы и методы

Статья подготовлена с использованием методов обобщения, систематизации, синтеза, анализа. Материалы исследования — монографии и статьи отечественных и зарубежных специалистов в областях истории немецкого языка, функциональной грамматики, морфологии, опубликованные в течение последних пятидесяти лет.

3. Результаты исследования и их обсуждение

История изучения категории модальности берет своё начало ещё в Античности. Модальность находила своё место в аристотелевской концепции мира, включавшей в себя потенциально и реально сущее. Что касается модальности в рамках подхода Аристотеля, то философ группировал модальные отношения в тип возможности и тип необходимости. Заложив основы модальной логики, Аристотель задал направление её развития и исследования.

С развитием лингвистической науки пришло понимание многогранного отражения модальности и модальных отношений в коммуникации. Одними из первых исследователей, обративших внимание на модальность в лингвистическом аспекте, были Ш. Балли в зарубежном и В. В. Виноградов в отечественном языкознании. Они отмечали, что модальность имеет множество аспектов, поэтому её изучение должно проходить на разных уровнях языка — от семантики для определения модального значения высказывания (Ш. Балли ставился даже вопрос о несостоятельности предложения, если оно лишено какого-либо модального значения) до функциональной грамматики при анализе грамматикализованных модальных элементов (Балли 2001). Модальность в лингвистике прошла целый путь до признания её универсальной языковой категорией. Сегодня утверждается, что модальность — это не просто характеристика окружающей действительности, но полноценный критерий для анализа отношений истинности, достоверности, желательности, субъективной оценки говорящего, вероятности и т. д. между высказыванием и экстралингвистической реальностью.

Категория модальности служит всесторонней характеристике отношения говорящего к сообщению и сообщения — к действительности. Таким образом, модальность — неотъемлемая языковая категория, при этом также универсальная для языков мира: говоря на любом языке, находят

средства для выражения этого типа отношений. Сегодня с этим согласны лингвисты, занимающиеся вопросами семантики и прагматики, например, Т. Н. Бабакина (Бабакина 2006), а также специалисты, исследующие проблемы перевода модальных глаголов, например, С. И. Горбачевская (Горбачевская 2012).

Историческое развитие взглядов на модальность пришло к тому, что модальность можно воспринимать как функционально-семантическую категорию, передающую разные виды отношений высказывания и действительности, а также разные виды субъективной оценки высказывания.

Многие исследователи считают, что термин «модальность» является слишком неточным и широким (например, [Jäntti 1989, Palmer 2001]). Согласно А. Янтти, модальность связана либо с возможностью, либо с необходимостью (Jäntti 1989). Модальность необходимости указывает на то, что утверждение обязательно верно, или что кто-то вынужден совершать действие (Eisenberg 2013, Jäntti 1989). Традиционно типология модальных отношений между языковыми единицами представлена следующими видами:

1) алетическая модальность (модальность достоверности): *Anton ist sehr jung, also muss er unverheiratet sein;*

2) эпистемическая модальность (модальность вероятности): *Oleg trägt keinen Ring, also {muss er unverheiratet sein / kann er nicht verheiratet sein};*

3) деонтическая модальность (модальность долженствования): *In der Ehe muss man tolerant sein.*

В эту классификацию часто включают также такие категории, как:

4) экзистенциальная модальность (модальность наличия): *Italienische Weine müssen gut sein. (,Alle italienischen Weine sind gut‘ oder ,Italienische Weine sind immer gut‘);*

5) динамическая модальность.

Здесь речь идёт о

а) способности: *Maria kann Deutsch (sprechen);*

б) диспозиции: *Jetzt kannst du gut arbeiten (weil du dir ein Wörterbuch gekauft hast);*

в) давлении внешних обстоятельств: *Ute musste wegen ihrer Schulden sein Auto verkaufen* (классификация А. Янтти [Jäntti 1989]).

Модальность описывается как универсальная языковая категория, выражаемая разными способами во всех существующих языках. Модальность включает ряд единовременно несовместимых значений, которые соответствуют различным отношениям между говорящим, адресатом и высказыванием, т. е. ситуации речи. Эти аспекты признаются носителями языка когнитивно и коммуникативно ценными, поэтому находят своё обя-

зательное выражение в языке и присваивают себе некоторые элементы языка в качестве каналов выражения модальности. Здесь можно вспомнить категоричный подход Ш. Балли, утверждавшего, что без модальной окраски предложение не считается предложением (Балли 2001: 44).

Опираясь на определение модальности как универсальной языковой категории, есть возможность изучать языковые и исключительно речевые средства ее выражения. В одних языках, например, в немецком, значительную роль играют модальные частицы, а в других, в зависимости от особенностей функционирования конкретного языка, — модальные глаголы, как, например, в китайском языке.

Ведутся споры по поводу включения в число этих средств косвенной речи, иллюкуции, отрицания и т. д. Например, Б. Вимер (Wiemer 2005) считает, что перечисленные языковые формы не являются специализированными именно для выражения модальности, а В. В. Виноградов (Виноградов 1975) связывает модальность даже с таким синтаксическим аспектом, как тип предложения. О. С. Ахманова делает акцент на роли наклонений в выражении модальных отношений (Ахманова 1966).

Устная речь особенно богата средствами выражения модальности. В немецком языке, например, особую роль играют модальные глаголы (например, *sollen*), модальные частицы (*aber*, *denn*), модальные слова (*eventuell*) и глагольные наклонения (например, сослагательное наклонение *Konjunktiv*).

А. Янтти разделяет мнение, что термин «модальность» играет важную роль как в области философии и логики, так и в лингвистике (Jäntti 1989).

Коммуникативная и когнитивная значимость модальных глаголов немецкого языка демонстрируется тем, что они подвергались анализу и описанию уже в первых немецких грамматиках, то есть, начиная с XVII в. Так называемые классические модальные глаголы были описаны одними из первых, но им не присваивали название «модальных» и, исходя из формальных признаков, относили к ним также глагол *wissen*. Как отмечает Е. А. Крашенинникова, развитие семантики модальных глаголов как единой системы впервые было изучено датским лингвистом Г. Бехом в рамках исследования «Семантическая система модальных глаголов немецкого языка» (*Das semantische System der deutschen Modalverba*) в русле структурализма (Крашенинникова 1954). Там не только описаны значения отдельных глаголов, но и анализируется соотношение между глаголами внутри системы. Становление модальных глаголов как класса сопровождается реформированием всей системы наклонений, потому что часть модализирующих функций стала передаваться грамматикализирующимся модальным

глаголам. В качестве лексико-грамматических средств эти глаголы перенимают категориальные значения, которые первоначально находили выражение только на грамматическом уровне. Это предоставляет широкие возможности для дифференцированного выражения модальности.

В работах по языкознанию конца XIX — начала XX века модальные глаголы рассматривались в качестве вспомогательных. Аналогичным подходом руководствовались и создатели известных словарей Я. Гримм (Grimm 1822) и Г. Пауль (Paul 1917). В этих словарях указывались значения модальных глаголов с примерами и их синтаксические функции. Так, например, в словаре Я. и В. Гримм употребление модальных глаголов описывается в диахроническом аспекте и сопровождается большим количеством примеров из древневерхненемецкого и средневерхненемецкого языков. В работах указанного периода модальным глаголам посвящаются только отдельные статьи, не дающие цельного представления об их системе.

Известные германисты Й. Буша, Э. Хенчель и Х. Вайдт утверждают, что исследователи Г. Дивальд и Г. Ольшлэгер заложили основы изучения коммуникативной и когнитивной релевантности семантики, которую вербализуют модальные глаголы немецкого языка (Buscha 1993; Hentschel, Weydt 2013). Среди российских лингвистов этим вопросом занимаются Т. Н. Бабакина (Бабакина 2006), О. М. Егорова (Егорова 2016) и др. Особенность немецкого языка в том, что модальные глаголы и система наклонений в комплексе с устойчивыми словосочетаниями позволяют дифференцированно выражать модальные отношения в разных стилях.

Модальные конструкции с глаголами позволяют более дифференцированно передать оттенки субъективной оценки, так как сохраняют лексически дифференцированные различия модальных значений. Лексическое содержание подвергается абстракции и частичной грамматикализации, в результате чего конструкции с модальными глаголами получают в позднейшей истории развитие как характерная лексико-грамматическая особенность немецкого языка. Благодаря этому в современном немецком языке модальность переходит из грамматической скорее в стилистическую категорию.

В немецком языке особенно хорошо развита и дифференцирована система модальных глаголов, которые отражают отношение говорящего к высказыванию, что характерно для германской языковой группы в целом. К модальным глаголам в немецком языке традиционно относят глаголы *sollen*, *müssen*, *wollen* (обозначающие разный тип необходимости), *mögen*, *können*, *dürfen* (обозначающие разный тип возможности).

Данной группе глаголов в морфологическом плане характерно свойство претерито-презентности, т. е. форма сильного претерита выступает

как форма настоящего времени. С помощью модальных глаголов выражаются основные принятые в логике и лингвистике оттенки возможности, желательности, долженствования. Это уникальная ситуация среди индоевропейских языков, когда модальными глаголами образован четко ограниченный морфологический класс. Сужая круг и сравнивая модальные глаголы современного немецкого языка с модальными глаголами остальных германских языков, можно сказать, что они выделяются не только количеством, но и разнообразием передаваемых ими оттенков модальности.

Хотя в соответствующей литературе существуют разные классификации немецких глаголов по признаку модальный — немодальный, исследователи согласны с тем, что под категорией «модальные глаголы» в немецком языке, по крайней мере, понимаются глаголы *können*, *dürfen*, *sollen*, *müssen* и *wollen*. Г. Ольшлегер (Öhlschläger 1989: 2) называет эти глаголы классическими модальными глаголами. Основная задача этих глаголов — уточнить содержание основного смыслового глагола (Duden Grammatik 2009: 92). Глагол *mögen* также иногда относят к модальным глаголам. В результате изменений, происходящих в современном немецком языке, форму его сослагательного наклонения *möchte* ввиду высокой частотности и ситуативных особенностей употребления иногда даже выделяют как отдельный модальный глагол со значением, близким к «хотеть», например, в учебнике немецкого языка *Delphin*.

По мнению некоторых исследователей, к числу модальных относятся также и другие глаголы. И. Хиваринен (Huvärinen 1989: 39) считает, что, помимо этих традиционных глаголов, к модальным относится также *lassen*, *brauchen*, *annehmen*, *(nicht) sein*, *haben* (как правило, + *zu* + *Inf*).

Модальные глаголы могут быть моно- или многозначными. С моносемантической точки зрения каждый глагол этого класса имеет единственное основное значение. С другой стороны, с точки зрения полисемантического подхода одна и та же лексическая единица может иметь много разных значений.

Исследователи спорят о том, какой из этих двух подходов является доминирующим. Согласно Ф. Палмеру, большинство работ, касающихся модальных глаголов, трактуют их как моносемантические (Palmer 2001). С другой стороны, Г. Ольшлегер (Öhlschläger 1989: 132) предполагает, что преобладает всё-таки полисемантический подход. Третий, вариативный подход сочетает в себе моно- и полисемантический подходы: для каждого модального глагола разрабатываются различные смысловые варианты в зависимости от речевой ситуации. Вариативный подход является наиболее распространенным в научной литературе. В теоретической и практической грамматике немецкого языка вариативного подхода придерживаются,

например, известные лингвисты Г. Хелбиг и Й. Буша (Helbig, Buscha 2001), а также авторы грамматики «Дуден» (Duden Grammatik 2009).

Свойства класса модальных глаголов включают в себя семантическую полифункциональность. Г. Бех (Bech 1949) указывает, что модальные глаголы имеют различные основные значения, которые разветвляются в многочисленных дополнительных значениях. Он анализирует основные значения в трех семантических измерениях:

(i) различие волеизъявления (*will, soll, darf*), восприятия (*kann*) и причинности (*muss*);

(ii) различие между внутрисубъектными и сверхсубъектными источниками (*soll*);

(iii) различие между «активными» и «пассивными» модальностями (противопоставляются *muss / kann* и *soll / darf*) (цит. по.: [Крашенинникова 1954]).

Это расширение вариативного подхода подразумевает, что косвенные и эпистемические значения в настоящее время считаются основными вариантами значения модальных глаголов, в то время как деонтические и алетические значения являются вторичными вариантами основного описанного значения. Исследователями до сих пор не разрабатывалась проблема иерархии модальных значений, и это, в частности, является одной из задач нашего исследования. Полем для исследования остается вопрос, является ли проблема иерархии модальных интерпретаций диахронической или синхронической деривацией.

Для изучения морфологических, синтаксических и семантических признаков модальных глаголов большую ценность имеет исследование Г. Ольшлегера (Öhlschläger 1989) «К вопросу о синтаксисе и семантике модальных глаголов немецкого языка» (*Zur Syntax und Semantik der Modalverben des Deutschen*). Однако следует отметить, что соотношению модальности и темпоральности он уделяет мало внимания, также это соотношение лишь в незначительной мере затрагивается А. Кратцер (Kratzer 1991: 642), то есть в более ранних исследованиях модальных глаголов не отмечалась существующая системная связь между темпоральностью и модальностью. Эта системная связь базируется на взаимодействии основных и темпоральных значений модальных глаголов.

Модальные глаголы интересны с точки зрения их участия в процессе грамматикализации. Ключевая проблема грамматикализации — поиск возможных лексических источников грамматических показателей. В последнее время был опубликован ряд работ по грамматикализации немецких модальных глаголов. Наиболее полный анализ приложения теории грамматикализации к становлению модальных глаголов в немецком

языке отражен у Г. Дивальд (Diewald 2002). При изучении развития субъективной семантики модальных глаголов и описании стадий их идиоматизации и грамматикализации Г. Дивальд берет за основу теорию контекстного переосмысления Б. Хайне, но выделяет новые контексты на основе их структурных особенностей (Diewald 2002).

Неоспоримым является положение о том, что модальные глаголы как наиболее однозначные и в некотором смысле достаточно независимо употребляемые языковые единицы играют значительную роль в системе средств речевого выражения модальности. Для немецкого языка понимание этого факта особенно актуально, так как этот язык выработал четкую систему функционирования модальных глаголов в отличие, например, от русского языка. Модальные глаголы немецкого языка формируют специфическую и обособленную, в некотором плане закрытую лексико-грамматическую группу. Особенности функционирования сближают их с наклонениями немодальных глаголов. Прослеживается параллель, например, между изъявительным наклонением и эвиденциальной модальностью уверенности в достоверности источника, сослагательного наклонения с модальностью желательности или нереальности и т. д. Приведем пример: *Anna soll in den Laden gehen! Anna, gehe in den Laden!* — Анна должна пойти в магазин! Анна, иди в магазин! Здесь прослеживается параллель императивного наклонения и модальности долженствования.

Модальные глаголы обладают широким потенциалом употребления. Ученые сходятся во мнении, что первичный способ употребления — не-эпистемический, а эпистемический способ скорее вторичен (Öhlschläger 1989: 133). Термины этих двух типов модальности в отечественной и зарубежной лингвистике получают разные эквиваленты. Отечественные лингвисты предпочитают наименования «объективная модальность» и «субъективная модальность», которые впервые использовал в своих работах В. В. Виноградов. Отношение истинности между высказыванием и экстралингвистической реальностью относится к объективной модальности, а отношение говорящего к выражаемой информации — к субъективной ситуативной модальности (Виноградов 1975). Формируются семантические группы выражения ситуативной модальности: отношения обязательства, неизбежности, потенциальных возможностей, желательности. В некоторых лингвистических исследованиях, например, у Л. С. Ермолаевой (Ермолаева 1987), выделяется также модальность внутреннего или внешнего порядка. Передача субъективной оценки говорящим описанного факта или действия осуществляется средствами внутренней модальности; а выражение степени истинности или достоверности высказывания по отношению к действительности входит в сферу внешней модальности. Эти типы часто характе-

ризуют как эпистемическую — выражающую субъективную оценку, и эвиденциальную — свидетельствующую о достоверности высказывания, пропозиции. Эти два типа модальных значений, безусловно, являются смежными, по словам А. В. Авериной, и тот и другой «служат для обозначения объективно неустановленного факта» (цит. по: [Егорова 2016: 119]). Эвиденциальность, или указание на истинность сообщения, часто включает в себя обозначение и самого источника информации. Это могут оказаться более или менее достоверные источники — слухи, общее знание, бытовой опыт людей, а также умозаключения с более или менее приемлемым логическим обоснованием. Исходя из этого, можно охарактеризовать эвиденциальность скорее как сенсорную, основанную на интуиции и догадках, либо информационную, основанную на знании, категорию.

Обратим внимание на следующий тип модальности, имеющий отношение не к достоверности, а к источнику мотивации действия либо к сопутствующим экстралингвистическим условиям. Это деонтическая, иначе — динамическая модальность. Этот тип модального значения считается событийным и характеризует ситуацию, возможно, без учета источника информации или отношения говорящего, но обязательно с указанием на дозволение, общественные или лично принятые нормы и соответствие действия этим нормам. При должествовании во многих языках, особенно германской группы, принимается во внимание источник этого должествования — сам субъект высказывания или другие внешние предписывающие факторы. Это различие воспринимается как существенное, поэтому в современном немецком языке в зависимости от контекста должествование по своей либо чужой воле выражается с помощью разных модальных глаголов. Так же и с необходимостью — является ли она вынужденной или самопроизвольным желанием. Изучение деонтической модальности получает широкое развитие в лингвистике германских языков: можно привести в пример труды В. Палмера (Palmer 2001) и Г. Дивальд (Diewald 2002). Германские языки предоставляют богатую почву для исследований такого плана, в частности, благодаря тому, что, например, в немецком языке есть очень развитая и разветвленная в семантическом и прагматическом плане система модальных глаголов, а остальные германские языки имеют другие многочисленные структурированные средства для выражения событийной модальности. Все эти средства позволяют максимально точно и дискретно выразить модальные значения личного интереса, внешнего запрета, внутренней моральной нормы и т. п. Деонтическая, волитивная, динамическая модальность становятся темой исследований современных германистов.

Большое значение для истории вопроса корреляции модальных глаголов и модальных значений имеют два возможных типа употребления

модальных глаголов в немецком языке. В грамматически верном высказывании на немецком языке, включающем в свой состав модальный глагол, наблюдается деонтическое либо эпистемическое употребление последнего. Деонтическая интерпретация, характеризующая субъективную оценку говорящего, является первичной, а эпистемическая, свидетельствующая о достоверности, — вторичной. Разветвленная система модальных глаголов предоставляет носителям немецкого языка широкие возможности дифференцированного и дискретного выражения модальных значений.

Некоторые исследователи, например, Б. Вимер, объединяют представления об эпистемической и субъективной модальности (Wiemer 2005). Роль модальных глаголов в процессах модализации высказывания оценивается исследователями различным образом. Например, М. Крифка, с одной стороны, не отказываясь от классического понимания модальных отношений, с другой стороны, всё же разработал свою классификацию: оптимативная, эпистемическая, алетическая, деонтическая, динамическая модальность (Krifka 2007).

4. Заключение

В данной статье мы попытались представить всесторонний обзор истории изучения модальных глаголов в русле целостного изучения модальности в мировом языкознании. Это даёт понимание системы функционирования и прагматики этих языковых единиц в речи. Важным явлением оказалась грамматикализация многих модальных элементов, как это произошло, например, в немецком языке с модальными глаголами. Активное участие модальных глаголов в этом универсальном процессе динамического развития языка типично и играет большую роль для понимания тенденций в истории изучения модальности и средств её выражения. Модальные глаголы имеют ценность для языкового оформления модальных контекстов, так как благодаря сложности своей лексико-грамматической структуры и развитости этой лексической группы, в частности, в немецком языке могут дифференцированно выражать модальные отношения. В заключение отметим, что история изучения модальных глаголов затронула такие области лингвистики, как сравнительно-историческое языкознание, теория грамматикализации, когнитивная лингвистика, теория динамического развития языка. Наше исследование также охватывает сферу и методологию многих дисциплин и, в свете истории изучения объекта, вносит вклад в теорию грамматической семантики и прагматики, когнитивной семантики, грамматической семантики и функциональной грамматики.

Список литературы / References

- Адмони В. Г. Основы теории грамматики. Л.: Наука, 1964. [Admoni, Vladimir G. (1964) *Osnovy teorii grammatiki* (Principles of Grammar Theory). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. [Akhmanova, Ol'ga S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* (Glossary of Linguistic Terms). Moscow: Sowetskaya encyclopedia. (In Russian)].
- Бабакина Т. Н. Становление модальных глаголов как выразителей внутренней модальности в немецком языке (на материале древне-, средне- и ранненововерхненемецкого языков) // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки. Филология. 2006. Вып. 4 (55) С. 38—45. [Babakina, Tatyana N. (2006) *Stanovlenie modal'nyh glagolov kak vyrazitelej vnutrennej modal'nosti v nemetskom yazyke (na materiale drevne-, sredne- i rannenovoverhnenemetskogo yazykov)* (The Formation of Modal Verbs as Spokesmen of the Internal Modality in the German Language (Based on the Material of the Old, Middle and Early High German Languages)). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 4(55), 38—45. (In Russian)].
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. [Bally, Charles. (2001) *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* (General Linguistics and French Linguistics). Moscow: Editorial URSS. (In Russian)].
- Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике: избранные труды. М.: Наука, 1975. С. 53—87. [Vinogradov, Viktor V. (1975) *O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom yazyke*. (To the Category of Modality and Modal Words in the Russian Language). In *Issledovaniya po russkoj grammatike: izbrannye Trudy* (Research on Russian grammar: selected works). Moscow: Nauka. 53—87. (In Russian)].
- Горбачевская С. И. Изоморфизм средств выражения субъективной модальности как переводческая проблема // Преподаватель XXI век. 2012. № 3. Ч. 2. С. 302—306. [Gorbachevskaya, Svetlana I. (2012) *Izomorfizm sredstv vyrazheniya subjektivnoj modal'nosti kak perevodcheskaya problema* (Isomorphism of Means of Expression of Subjective Modality as a Translation Problem). *Prepodavatel XXI vek* (Prepodavatel XXI vek), 3,2, 302—306. (In Russian)].
- Егорова О. М. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы: Монография / под науч. ред. Н. А. Голубевой. Н. Новгород: НГЛУ, 2016. [Egorova, Ol'ga M. (2016) *Modal'nye glagoly nemetskogo yazyka kak grammaticheskie pretsedentnye jedinitsey* (Modal Verbs of the German Language as Grammatical Precedent Units: Monograph) by N. A. Golubeva scientific ed. Nizhny Novgorod: NGLU. (In Russian)].
- Ермолаева Л. С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М.: Наука, 1987. [Ermolaeva, Ljubov' S. (1987) *Ocherki po sopostavitel'noj grammatike germanskih yazykov* (Essays on the Comparative Grammar of Germanic Languages). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Крашенинникова Е. А. Модальные глаголы в немецком языке. М.: Учпедгиз, 1954. [Krashenninnikova, Ekaterina A. (1954) *Modal'nye glagoly v nemetskom yazyke* (Modal Verbs in the German Language). Moscow: Uchpedgis. (In Russian)].

- Bech, Gunnar. (1949) Das semantische System der deutschen Modalverba. *Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague*, 4, 384—400. (In German).
- Buscha, Joachim. (1993) Modalverben: Zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. 8., durchges. Aufl. Leipzig: Langenscheidt, Verlag Enzyklopädie. (In German).
- Delfin, Arbeitsbuch. (2002) Lehrwerk für Deutsch als Fremdsprache. Ismaning: Hueber. (In German).
- Diewald, Gabriele (2002) A Model for Relevant Types of Contexts in Grammaticalization. *New Reflections of Grammaticalization* In Ilse Wischer, Gabriele Diewald (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 103—120.
- Duden. (2009) Bd. 4. Die Grammatik. 8. Überarbeitete Auflage. Duden-Verlag: Mannheim. (In German).
- Eisenberg, Peter. (2013) Grundriss der deutschen Grammatik. Bd. 2. Der Satz. 4, aktualisierte und überarbeitete Auflage. Metzler: Stuttgart / Weimar. (In German).
- Grimm, Jacob. (1822) Deutsche Grammatik. Teil 1, 2. Ausgabe. Göttingen. (In German).
- Helbig, Gerhard, Buscha, Joachim. (2001) Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Langenscheidt: Berlin / Wien / Zürich / New York. (In German).
- Helbig, Gerhard. (1996) Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig: Verlag Enzyklopädie Langenscheidt. (In German).
- Hentschel, Elke, Weydt, Harald. (2013) Handbuch der deutschen Grammatik. 4., vollständig überarbeitete Auflage. De Gruyter: Berlin / Boston. (In German).
- Hyvärinen, Irma. (1989) Die deutschen Modalverben — Hilfs- oder Vollverben?. In: Jäntti (Hg.), 37-59. (In German).
- Jäntti, Ahti. (1989) Zum Begriff der Modalität in der Sprachforschung (Hrsg.): Probleme der Modalität in der Sprachforschung. Jyväskylä: Universität Jyväskylä (*Studia philologica Jyväskyläensia* 23), 11—36. (In German).
- Fleischer, Wolfgang, Helbig, Gerhard, Lerchner, Gotthard (Hrsg.). (2001) Kleine Enzyklopädie. Deutsche Sprache.: Frankfurt am Main. (In German).
- Kratzer, Angelika. (1991) Modality. Semantik. Ein Internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung: A. von Stechow, D. Wunderlich (Hrsg.). Berlin, New York: Walter de Gruyter, 639—650. (In German).
- Krifka, Manfred. (2007) Modalität und Konditionalsätze. Retrieved from: http://amor.cms.hu-berlin.de/~h2816i3x/Lehre/2007_GK_Semantik/GK_Semantik_2007_00.pdf (In German).
- Öhlschläger, Günther. (1989) Zur Syntax und Semantik der Modalverben im Deutschen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. (In German).
- Palmer, Frank Robert. (2001) *Mood and Modality*. Cambridge: University Press.
- Paul, Hermann. (1917) Deutsche Grammatik, Band 2, Teil 3: Flexionslehre. Halle a.S[aale]. Verlag Von Max Niemeyer (in German).
- Wiemer, Björn. (2005) Einführung in die Linguistik. Vorlesung. Teil 3: Semantik-Pragmatik. (In German).
- Zifonun, Gisela, Hoffmann, Ludger, Strecker, Bruno (Hgg), Walter de Gruyter. (1997) IDS-Grammatik: Grammatik der deutschen Sprache. Berlin / New York. Bd. I — S. 1—952, Bd. II — S. 953—1680, Bd. III — S. 1681—2569. (In German).

УДК 811.161.1'276.45

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-77-89

ФУНКЦИИ АРГО ЗАИМСТВОВАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Г. М. Лисина

Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия

Статья посвящена изучению и описанию функций лексем деклассированных групп уголовного мира заимствованного происхождения в русском языке, возникших в разное время. Основная цель настоящего исследования — анализ работ исследователей, изучавших функции арго, их обобщение и систематизация, а также описание выявленных автором особенностей функционирования арготизмов иноязычного происхождения на материалах художественных текстов, толковых, этимологических, иностранных словарей.

В работе использовались методы описания и сравнения, сопоставительный метод, оппозитивный метод.

Общеуголовное, специализированное и тюремное арго отличается богатейшей по своей функциональности формой социолингвистического пространства, выполняет различные задачи и постепенно проникает в литературную речь. Выявленные функции помогают объяснить языковые реалии современного русского языка, понять психологию носителя арго.

В результате анализа разнообразного корпуса источников выявлено 16 функций, которые присущи общеуголовному, специализированному и тюремному арго заимствованного происхождения: функция обслуживания, тайная, опознавательная, номинативная, мировоззренческая, экспрессивная, утилитарная, коммуникативная, сигнальная, магическая, псевдоэстетическая, агитационная, игровая функция, функция гендерной детерминированности, функция запугивания, а также средство стилистической характеристики речи литературных героев.

Полученные данные исследования могут быть использованы в курсе современного русского языка на юридическом и филологическом факультетах, на спецкурсах по социальной лингвистике и культурологии, на занятиях по культуре речи в школах и университетах.

Ключевые слова: русский язык; арго; арготизм; функция; криминальная субкультура; заимствования в русском языке.

Functions of Borrowings in the Russian Argot

Gulnara M. Lisina

Kazan State Medical University, Kazan, Russia

The article explores and describes the functions of borrowings which, at different time periods, entered the argot of Russian fringe population groups. The main purpose of the study is to present a systematizing critical review of the existing literature on the functions of argot

and to describe the characteristic features of borrowed argotisms found in Russian literary texts as well as Russian explanatory, etymological, and foreign word dictionaries. The author uses the methods of description and comparison, the comparative method, and the opposition method. Since the general criminal argot, the specialized argot, and the prison argot are rich in their forms and functionality, they perform a number of important tasks, and gradually penetrate into literary speech. Thus a careful study of their functions helps to explain some of the linguistic realities of the modern Russian language and throws a fresh light on the psychology of native Russian speakers. After analyzing a diverse body of sources, the author identifies sixteen separate functions of borrowed words that are common for the general, specialized, and prison argot, namely: service, secret, identification, nominative, worldview, expressive, utilitarian, communicative, signaling, magic, pseudo-aesthetic, agitation, and game function as well as the function of gender determinism, the function of intimidation, and, finally the function of stylistic characterization of literary characters through their speech. The results of the research can be used in college-level courses of modern Russian for law and language students, in special courses in social linguistics and cultural studies as well as in language and public speaking courses in schools and universities.

Key words: Russian language; argot; argotism, function; criminal subculture; borrowings in Russian.

1. Введение

Научное исследование современного русского языка нельзя представить без рассмотрения такого большого пласта лексики, как арго, которое мы, вслед за М. А. Грачевым, определяем как «лексику деклассированных элементов» (Грачев 1997: 11), то есть речь деклассированных групп уголовного мира: воров, мошенников, лиц, занимающихся сбытом наркотических средств и т. п. В лингвистической науке наблюдается некоторое смешение терминов «социальный диалект», «жаргон», «сленг», «арго» и т. д., поскольку они фрагментарно совпадают. Мы в своей статье останавливаемся не на их различии, но рассматриваем их как синонимы.

Основной целью настоящей статьи является анализ работ отечественных исследователей, изучавших функции арго; систематизация, обобщение и описание выявленных особенностей функционирования арготизмов иноязычного происхождения в русском языке. В ходе проведенной работы выявлено 16 функций, которые несет в себе речь арготирующих.

Материалом анализа послужила выборка арготической лексики, возникшей в разное время в результате заимствований из других языков, взятая из современных художественных текстов, толковых, этимологических, иностранных словарей (Балдаев 1992, Грачев 2003, Томпсон 2007, Торн 2010, Габдреева 2012, Зугумов 2015, Берроуз 2018).

Изучением данного пласта лексики, его назначением, типологией и ролью в системе русского языка занимались такие авторы, как Б. А. Ларин (Ларин 1931), Д. С. Лихачев (Лихачев 1935), В. М. Жирмунский (Жирмунский 1936), М. А. Грачев (Грачев 1997), В. Ф. Пирожков (Пирожков 2007),

М. Надель-Червиньска (Надель-Червиньска 2008, 2010), Я. Э. Красковский (Красковский 2014), А. В. Агеева (Агеева 2016). Интересна позиция В. Д. Бондалетова, который под термином «арго» понимает язык «бродячих ремесленников и торговцев», а под термином «воровской жаргон» — язык «деклассированных» элементов (Бондалетов 1987, 1992).

Ряд авторов обращает внимание на функционирование речи арготирующих. Так, Т. В. Артемова, П. А. Катышев, С. В. Оленев, Ю. С. Паули, С. К. Соколова на материале социолингвистических опросов и словарей жаргона рассматривают функции жаргона наркоманов и словообразовательные средства их осуществления (Артемова 2014). В. А. Ефремов рассматривает функции через образ мужчины в общем жаргоне с точки зрения концептуализации (Ефремов 2012). О проблемах, связанных с криминальным языкотворчеством, и о секретности такого языка говорят Т. Г. Голощапова, Т. Д. Мирмович (Голощапова, Мирмович 2016), К. Н. Тангир (2016). К. А. Егизарян, К. Н. Черняева, А. В. Лошкарев ставят вопрос о функциях с точки зрения истории появления арго (Егизарян, Черняева, Лошкарев 2016); Л. А. Брусенская указывает на игровую функцию жаргонов в целом (Брусенская 2014). А. А. Платонова, рассматривая аббревиацию как способ словообразования в тюремном жаргоне, говорит об эзотерической функции и функции пароля в арго (Платонова 2011); В. А. Саляев описывает особенности функционирования закрытых словесных комплексов, в частности арго (Саляев 2010); Л. В. Шиянова особо выделяет лингвистическую специфику жаргонизмов как элемента криминальной субкультуры и дает характеристику некоторым функциям арго (Шиянова 2013). Г. М. Лисиной, Н. В. Габдреевой описаны основные тематические группы и их функционирование в рамках этих групп (Лисина, Габдреева 2018).

2. Функции, присущие носителям арго

В настоящей статье мы рассматриваем лексемы заимствованного происхождения, а также производные от них образования. Отметим, что круг языков-источников довольно широк: это английский, французский, цыганский, украинский языки. В разные периоды влияние различных систем было неодинаковым: так, в настоящее время доминирующей является позиция английского языка, в то время как ранее доминантными могли быть другие языки (немецкий, польский, цыганский, идиш и т. д.). Суммируя выводы указанных авторов и свои собственные наблюдения, мы выделяем следующие функции, присущие общеуголовному, специализированному и тюремному арго заимствованного происхождения:

1) **Тайная функция:** появляется как результат противопоставления себя носителями арго законопослушным гражданам, своего рода самоза-

щита. Одним из ярких проявлений становится активное пополнение словаря арго заимствованиями из других языков, с помощью которых происходит постоянное зашифровывание носителем жаргона окружающих реалий. Сравните, например, арготизмы со значением ‘нож’: *джага*, *кучик*, *тор*, *хомка*. На место устаревших слов (*хомка*, *кучик*, *тор*) приходят другие, актуальные в современном арго (*джага*, *мессер*). Все эти слова появились в арго путем заимствования из разных языков.

2) Об **идентифицирующей функции** можно говорить всякий раз, когда элементы арго в речи выступают своего рода указателем принадлежности преступника к той или иной группировке, сообществу. Функция актуальна для специализированного арго, ведь каждая криминальная «специализация» имеет свои семы. Сравните, например, заимствованные арготизмы: *бакс* — ‘вор’, *баксить* — ‘воровать’, но: *баксилить* — ‘заниматься валютной проституцией’, *баксилка* — ‘валютная проститутка’. В некоторых случаях можно говорить о функции пропозиционирования, когда носитель, используя жаргон, нарочито демонстрирует свою принадлежность к тому или иному сообществу.

3) **Номинативная функция** реализуется при наименовании реалий, не имеющих подходящих слов-аналогов, однословов в литературном языке. Для подобных наименований часто используются заимствования из других языков: это названия лиц, имеющих различные специализации в совершаемых преступлениях: *айкер* — ‘перекупщик икон’, *янговка* — ‘молодой вор’; наименования жертв преступления: *бауэр* — ‘богатая жертва преступления’, *миша* — ‘жертва воровки-проститутки’; названия определенных черт характера: *алес* — ‘слабовольный человек’, *асмодей* — ‘арестант, отказывающийся от накопления денег, от самого необходимого’ и т. д.

4) **Мировоззренческая функция** отражает искаженное понимание мира носителями арго. Выделенные нами лексико-семантические группы отражают систему их взглядов, так называемую картину мира: обозначение лиц, совершающих преступления; лексемы, связанные с названиями сотрудников правоохранительных органов; объекты полового влечения; родные, близкие люди; социальный статус человека; жертвы преступления; статус в уголовной иерархии; названия национальностей, профессий; деньги, драгоценности; преступления и сопутствующие им действия; арготизмы-сигналы, коротко доводящие какую-либо необходимую информацию; места жительства, преступлений, сбора преступников, места лишения свободы или временного пребывания преступника; слова, номинирующие азартные игры, одежду, животных, еду, напитки, табачные изделия, наркотики; различные бытовые действия; названия частей тела, органов человека.

5) **Экспрессивная функция** арго выражает отношение говорящего к человеку или предмету, а также его точку зрения на определенные события.

Речь носителей арго отражает презрительное отношение к окружающим реалиям. Это проявляется при анализе внутренней формы заимствованных слов: *хорь* — ‘женщина’ (от цыг. *хар* — «дыра, дырка»), *ганка* — ‘милиционер’ (от укр. прост. *ганка* — «ягодицы»). Положительно-оценочных арготизмов (мелиоративов) немного: *стейц* — ‘хороший человек’ (от нем. *stets* — «всегда, постоянно»). Положительное отношение наркоманов к наркотикам в арго выражено оформлением слова (звуковым, словообразовательным): *кексик*, *кока-кола* — ‘кокаин’, *мэри* — ‘марихуанна’, *гашик* — ‘гашиш’.

6) **Функция запугивания** связана с желанием арготирующих изначально указать доминирующую позицию. Так или иначе, арго и поведение арготирующих оказывает влияние на собеседника, пугает. Достигается это использованием обсценной лексики, арготизмов. Специфический язык насилия, уничтожения является средством общения в криминальной среде и переносится иногда в другие сферы («дедовщина» в армии, в какой-то мере — общение начальника с подчиненными в российских реалиях).

7) **Функция обслуживания.** Арго, фактически являясь полноценным языком, обслуживает все сферы жизнедеятельности: лексика нацелена на как можно более точное описание любого характера бытовых и преступных (профессиональных), а также тюремных реалий уголовного.

8) **Утилитарная функция** проявляется в частых усечениях, характерных для заимствованных арготизмов: *ан* — ‘анус, заднепроходное отверстие’, *гаш* — ‘гашиш’, *фен* — ‘фенамин’, *пэк* — ‘пакет, в который помещают наркотик’.

Кроме того, тенденция к экономии речевых средств наблюдается и в заимствованиях из языков слов с более короткой по сравнению с русским аналогом основой: *бэч* — ‘саквояж’, *шопа* — ‘магазин’, *баиш* — ‘голова’, *флэт* — ‘притон преступников’, *гейм* — ‘убийство’ и т. д.

При заимствовании в русский язык наблюдается семантическое расширение слов, прототипы которых не всегда принадлежали к аналогичной тематической группе в языке-источнике, а были общеупотребительными: *мэн* в русском жаргоне — не просто человек, а ‘богатый человек’, *ботл* — не просто бутылка, а ‘бутылка какого-либо алкогольного напитка’.

9) **Коммуникативная функция:** арго обеспечивает связанность людей, выбравших уголовную среду определенного временного и территориального пространства. Так, например, в словаре З. М. Зугумова (Зугумов 2015) содержится ряд слов и выражений, отмеченных пометой: слово употребляется (употреблялось) в местах лишения свободы на всей территории

бывшего СССР. Остальные же слова, не имеющие таких помет, могут быть или могли быть не поняты в другом месте в силу территориальной или временной отдаленности.

10) **Сигнальная функция** проявляется в русском арго через слова-сигналы. Это восклицания, выражающие различные эмоционально-волевые реакции на окружающее: *ша* — ‘тихо, спокойно, достаточно’, *шаба* — ‘молчи’, *вассер* — ‘сигнал опасности’, *вира* — ‘беги, отойди’, *адья* — ‘уходи’, *чакмо* — ‘призыв к молчанию’, *атанде* — ‘сигнал тревоги’. А.А. Реформатский приводил в качестве внутренней формы слова *караул* именно такой сигнал-восклицание (из тюрк. *кара* — ‘смотри’, *аул* — ‘поселение’).

Д. С. Лихачев верно указывает на то, что примитивность воровской деятельности и «производственных» отношений играет в проявлении этой функции основную роль. Примитивные формы труда создают положение, при котором достаточно указать на ситуацию, чтобы характер действия был ясен (Лихачев 1935: 58).

11) **Магическая функция**. Суть магической функции заключается в том, что энергия перманентной брани и использования арготизмов активно воздействует на слушателя, обилие таких слов завораживает как заклинание, цель которого — привести в состояние послушности и покорности. Кроме Д. С. Лихачева, который подробно останавливается на данной функции (Лихачев 1935), интересна статья ученого В. А. Саляева, который говорит, что «важной предпосылкой зарождения новой функциональной страты становится разгерметизация арго». Арго, теряя герметичность, переходит в сленг и, по сути, теряет свои магические, заклинательные свойства (Саляев 2010: 286).

Мы видим повсеместный переход огромного числа арготизмов в общий язык, когда арго осваивается молодежью, смешивается с просторечием, входит в культурное пространство и качественно преобразовывается: *мент*, *лох*, *афера*, *баксы*, *кайф*, *лафа*, *пацан*, *туфта*, *фрайер*, *хавать*, *чувак*, *шмальнуть* и т. д. Явление разгерметизации арго наблюдается достаточно часто, следовательно, магическая функция редуцируется.

Гипертрофированная брань, о которой говорит Д. С. Лихачев, как стремление сделать свою речь действенной и активно воздействующей также в настоящее время претерпевает изменения (Лихачев 1935). Ученый говорит о лагерных реалиях 30-х гг. Сейчас чрезмерная брань может существовать в криминальных кругах, но редуцируется, не проявляется в таких количествах, как ранее. Сегодня в местах лишения свободы магическая сила проявляется в отсутствии слова. Главное правило, чтобы выжить: сел на нары — молчи.

12) *Псевдоэстетическая* и 13) *агитационная функции* связаны самым тесным образом и выражаются в оправдании всего противоправного и одновременно в придании всему противоправному флёра притягательности, привлекательности. В этом месте псевдоэстетическая функция перерастает в агитационную. О псевдоэстетизации можно говорить потому, что совершение преступлений, наркотики, проституция для разумного человека изначально не являются объектами идеализации и романтизации.

Псевдоэстетизация и агитация проводятся различными словами. Среди них много заимствованных слов, являющихся наименованиями наркотических средств. Это слова, с положительной эмоционально-экспрессивной окраской: *кадиллак* — ‘кодеиносодержащие препараты’, *красоуля* — ‘бутылка водки’, *кокос* — ‘кокаин’; образованные с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов: *гашик* — ‘гашиш’, *кексик* — ‘кокаин’.

14) Об *игровой функции* можно говорить, рассматривая весь сложный коммуникативный процесс, в котором взаимосвязаны все стороны жизнедеятельности в местах лишения свободы и вне ее.

Рассматривая речь арготирующих, наблюдаем спектр игры со смыслом, достигаемый различными средствами: используется фонетическая мимикрия, контаминации, включается ироничность, то есть имеются морфологические, фонетические, лексико-семантические приемы и способы.

При этом особенностью становится особый цинизм, который проявляется в этой игре, с точки зрения лингвистики свободные словосочетания в языке-источнике подвергаются в русском семантическим метаморфозам, приобретают иные значения: так, арготизм *бамон* от фр. *Baumont* — «высший свет» означает в арго ‘место сбора гомосексуалистов’, *гутенморген* от нем. *guten Morgen* — «доброе утро» — ‘элегантно одетый вор, специализирующийся по кражам в гостиницах’, *акробат* — от др.-греч. «ходящий на цыпочках» — ‘пассивный гомосексуалист’ и т. д.

В языковой игре используются композиты: *колесман* — ‘наркоман, употребляющий наркотики в таблетках (колёсах)’, *хохломэн* — ‘украинец’; контаминация: *банжиха* — ‘привокзальная проститутка’ (контаминация двух слов: «бан» от нем. *Bahnhof* — «вокзал» + бомжиха — «женщина без определенного места жительства»), *миша* — ‘жертва воровки-проститутки’ (контаминация франц. арг. *Miche* — «клиент проститутки» + русское имя собственное Миша) и т. д. Отметим, что композиты сегодня составляют заметный пласт среди новообразований в русском языке, в том числе они отмечаются и в сленговой лексике (Габдреева 2012).

Фонетическая игра часто основывается на ассоциативном потенциале арготизма, наиболее часто встречается фонетическая мимикрия, представляющая собой звуковое уподобление одного слова другому: *гарсон* —

‘гашиш, смола каннабиса’, *гербалайф* — ‘героин’, *глюк, глюква* — ‘галлюцинация от действия наркотиков’, *кока-кола, кокос* — ‘кокаин’.

15) **Функция гендерной детерминированности** проявляется в наборе слов, входящих в лексикон арготирующих с ярко выраженными доминирующими мужскими чертами. Данная функция отражается в арготизмах, номинирующих человека. Например, для обозначения лиц, совершающих различные общественно опасные деяния и приближенных к преступному миру, предусмотрены в основном арготизмы мужского рода: *халамидник, армай, шнифер, шопенфиллер, фармазон, капорщик, шохер, шмуглер, кабурист, бой, таловень, грак, форшмак* и т. д.

То же касается названий профессий: *кремер, мореман, инглиш, гудбой, вайс*, либо просто название человека, его национальности: *углан, хохломен, юган* – найдены только варианты для обозначений мужчин.

Имеются исключения, когда арготизм имеет соотносительную (коррелятивную) родовую пару: *шварцмахер / шварцмахерша* — ‘расхитители социалистической собственности (обоих полов)’, *абортмахер / абортмахерша* — ‘люди, делающие незаконные аборты’, *драг-дилер / драг-дилерша* — ‘продавцы наркотиков’, *айкер / айкерша* — ‘перекупщики икон’. Для образования коррелята по роду часто используется суффикс – *ш(а)*, дающий стилистически сниженный вариант слова, так называемый феминитив.

Также можно увидеть, что часто арготизм, имеющий коррелятивную пару при образовании феминитива, изменяет свое значение: *факарь* — ‘насильник’, *факуша* — ‘женщина как предмет половой страсти’; *бакс* — ‘вор’, *баксилка* — ‘валютная проститутка’, *марвихер* — ‘высококвалифицированный вор-карманник’, *марвихерша* — ‘воровка, специализирующаяся по кражам из карманов’.

Лексемы, обозначающие сотрудников органов внутренних дел и лиц, сотрудничающих с ними, также чаще всего обозначают лиц мужского пола: *гадмен, мент, шпик, шпигун, рай, шлейш, чунар, капарник*. Есть, конечно, коррелятивные пары, но, во-первых, они используются реже, во-вторых, они образованы от мужской пары, например, *мент / ментовка*.

Арготизмы, номинирующие женщин и мужчин, также чаще всего сексуально ориентированы на мужчин. Очень распространены названия женщин-проституток: *шлёндра, амара, мара, чувиха, алюра, бикса, нюшка, гарандесса, гейгерл* и т. д., а также названия мужчин-гомосексуалистов, чаще исполняющих пассивную роль: *плашкет, афедронщик*. Некоторые из арготизмов, номинирующих данное явление, имеют соотносительную родовую пару: *минет / минетка, бахур / бахурка, лэкушник / лэкушница*.

В самом подборе арготизмов для обозначения той или иной реалии уголовного мира доминирует маскулиненная составляющая, которая проявляется в многочисленных обозначениях орудий преступлений, общественно опасных деяний, в гипертрофированном наличии слов, связанных с сексуальностью, материально-телесным низом в целом — в обозначениях спиртных напитков, табачных изделий, наркотических веществ, для выражения грубости, циничности.

16) Арго *как средство стилистической характеристики речи* литературных героев используется часто при изображении советской или иной системы лагерей, мест лишения свободы, уголовного мира в целом, бытовых и иных характеристик жизни наркоманов.

В любой период времени и в любой стране арго привлекает, интересует не только специалистов, но и читателей. Это неизведанная земля, в которую хочется заглянуть и познать. Описание преступлений как бы изнутри, жизнь наркозависимых и распространителей наркотиков проводится средствами использования арго в художественной литературе. Яркими примерами стали романы «Страх и отвращение в Лас-Вегасе» Хантера Стоктона Томпсона (Томпсон 2007) и «Джанки» Уильяма Берроуза (Берроуз 2018), которые изображают жизнь наркозависимых. Книги приобретают дополнительную достоверность благодаря многочисленным наркоманическим арготизмам и описанию жизни наркоманов.

Особый интерес в книге Берроуза представляет глоссарий сленга наркоманов, так называемый *джайв*, объясняющий наркоманские термины, использованные в романе (названия наркоманов, наркотиков, основных реалий и действий, сопровождающих жизнь наркомана). Кроме того, справедливо указано на то, что «составить окончательный словарь из слов и выражений, понятия которых столь непрочны и изменчивы, просто невозможно» (Берроуз 2018: 222).

Заметим, арго как средство стилистической характеристики речи литературных героев всякий раз становится мощным средством эмоционального воздействия равно как на российского, так и на зарубежного читателя, погружая его в атмосферу мира уголовников и сотрудников исправительных учреждений, жизни дна общества в целом.

3. Заключение

Таким образом, следует отметить, что арго является богатейшей по своей функциональности формой социолингвистического пространства. Каждый арготизм органично существует в речи носителя арго, выполняя свою собственную задачу, при этом соединяя в себе несколько особенностей.

При изучении заимствований в арго выявлено 16 функций, которые оно выполняет в специальной речи. Значительный пласт слов образован от заимствованной основы-прототипа в русском языке и не только грамматически переоформлен, но претерпел семантические метаморфозы, приобретаемые в языке жаргона новые или дополнительные значения.

Список литературы / References

- Артемова Т. В., Катышев П. А., Оленев С. В., Соколова С. К. Функции жаргона наркоманов и словообразовательные средства их осуществления (на материале социолингвистических опросов и словарей жаргона) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3. Т. 3. С. 165—169. [Artemova, Tat'jana. V., Katyshev, Pavel A., Olenev, Stanislav V. & Sokolova, Svetlana K. (2014) Funkcii zhargona narkomanov i slovoobrazovatel'nye sredstva ih osushhestvlenija (na materiale sociolingvisticheskikh oprosov i slovarej zhargona) (Functions of Drug Addicts' Jargon and Word-building Means of their Implementation (a Case Study of Sociolinguistic Questionnaires and Jargon Dictionaries)). Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, 3. V. 3, 165—169. (In Russian)].
- Бондалетов В. Д. Типология и генезис русских аргю: учебное пособие к спецкурсу. Рязань: Рязан. пед. ин-т, 1987. [Bondaletov, Vasilij D. (1987) *Tipologija i genezis russkih argo: uchebnoe posobie k speckursu* (Typology and Genesis of Russian Argo: a Manual for a Special Course). Ryazan: Ryazanskii pedinstitut. (In Russian)].
- Бондалетов В. Д. Финно-угорские заимствования в русских аргю: учебное пособие. Самара: СамГПИ, 1992. [Bondaletov, Vasilij D. (1992) *Finno-ugorskie zaimstvovanija v russkih argo: uchebnoe posobie* (Finno-Ugric Borrowings in Russian Argo: A Tutorial). Samara: SamGPI. (In Russian)].
- Брусенская Л. А. Криминализация институционального дискурса: проблема жаргонизации современного русского языка // Философия права. 2014. № 3. С. 84—87. [Brusenskaja, Ljudmila A. (2014) Kriminalizacija institucional'nogo diskursa: problema zhargonizacii sovremennogo russkogo jazyka (Criminalization of Institutional Discourse: the Problem of Jargon in Modern Russian). *Philosophy of Law Journal*, 3, 84—87. (In Russian)].
- Голощанова Т. Г., Мирмович Т. Д. Наименование лица в криминальном мире // Викимнология. 2016. № 1. С. 18—23. [Goloscharova, Tatyana G. & Mirmovich, Tatyana D. (2016) Naimenovanie lica v kriminal'nom mire (The Nicknames of the Person in the Criminal World). *Journal of Victimology*, 1, 18—23. (In Russian)].
- Грачев М. А. Русское аргю. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 1997. [Grachev, Mihail A. (1997) *Russkoe argo* (Russian Argo). NGLU im. N. A. Dobrolyubova. (In Russian)].
- Егиазарян К. А., Черняева К. Н., Лошкарёв А. В. История и значение воровского жаргона в преступной жизни // Новая наука: проблемы и перспективы. 2016. № 53(79). С. 170—174. [Egiazarian, Kamilla A., Cherniaeva, Kristina N. & Loshkarev, Andrei V. (2016) Istorija i znachenie vorovskogo zhargona v prestupnoi zhizni (The History and Meaning of Thieves' Jargon in a Life of Crime). *New Science: Problems and Prospects*, 53 (79), 170—174. (In Russian)].

- Ефремов В. А. Концептуализация образа мужчины в общем жаргоне // IV Всероссийская научно-методическая конференция «Слово и текст в культурном сознании эпохи». 2012. С. 107—113. [Efremov, Valerij A. (2012) Konceptualizacija obraza muzhchiny v obshhem zhargone (Conceptualizing the Image of a Man in General Jargon). *IV Vserossijskaya nauchno-metodicheskaya konferenciya «Slovo i tekst v kulturnom soznanii epohi»* (IV All-Russian Scientific-Methodical Conference “Word and text in the cultural consciousness of the era”), 107—113. (In Russian)].
- Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Ленинград: Художественная литература, 1936. [Zhirmunskij, Viktor M. (1936) *Nacional'nyj jazyk i social'nye dialekty* (National Language and Social Dialects). Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)].
- Красковский Я. Э. Уголовный жаргон // Труды международного симпозиума надежность и качество. 2014. Т. 2. С. 309—310. [Kraskovskij, Jan J. (2014) Ugolovnyj zhargon (Criminal Jargon). *Proceedings of the International Symposium “Reliability and Quality”*, V. 2, 309—310. (In Russian)].
- Ларин Б. А. Западноевропейские элементы русского воровского аргю // Язык и литература. 1931. № 7. С. 113—130. [Larin, Boris A. (1931) Zapadnoevropeiskie elementy russkogo vorovskogo argo (Western European Elements of the Russian Thieves' Argo). *Language and Literature*, 7, 113—130. (In Russian)].
- Лисина Г. М., Габдреева Н. В. Лексико-семантические группы арготизмов иноязычного происхождения // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2018. № 3. С. 78—86. [Lisina, Gulnara M. & Gabdreeva, Natalia V. (2018) Leksiko-semanticheskie gruppy argotizmov inojazychnogo proishozhdenija (Lexical Semantic Groups of Argotism of Other Foreign Origin). *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 3, 78—86. (In Russian)].
- Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. Т. 3—4. С. 47—100. Москва—Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1935. Институт языка и мышления имени Н. Я. Марра [Lihachev, Dmitrij S. (1935) Cherty pervobytnogo primitivizma vorovskoj rechi (Features of the Primitive Primitivism of Thieves). *Yazyk i myshlenie* (Language and Thinking). Moscow — Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, Institut yazyka i myshleniya imeni N. YA. Marra, vol. 3—4, 47—100. (In Russian)].
- Надель-Червиньска М. Жаргонные элементы современного «новояза»: проблема культуры речи или уголовной психологии? // Политическая лингвистика. 2008. № 3. С. 64—79. [Nadel'-Chervin'ska, Margarita (2008) Zhargonnye jelementy sovremenogo “novojava”: problema kul'tury rechi ili ugolovnoj psihologii? (Slang Elements of the Modern “newspeak”: the problem of speech culture or criminal psychology?). *Political Linguistics Journal*, 3, 64—79. (In Russian)].
- Надель-Червиньска М. Язык Совдепии и мотивация семантического переноса в языке маргинальных сред: имена собственные как этнические стереотипы в уголовных жаргонах польском и русском // Политическая лингвистика. 2010. № 1. С. 109—125. [Nadel'-Chervin'ska, Margarita (2010) Jazyk sovdep'ii i motivacija semanticheskogo perenosa v jazyke marginal'nyh sred: imena sobstvennye kak jetnicheskie stereotypy v ugolovnyh zhargonah pol'skom i russkom (The Language of Soviets and the Motivation of Semantic Transfer in the Language of Marginalized Environments:

- Proper Names as Ethnic Stereotypes in Criminal Slangs Polish and Russian). *Political Linguistics Journal*, 1, 109—125. (In Russian)].
- Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М.: Ось-89, 2007. [Pirozhkov, Viktor F. (2007) *Kriminal'naja psihologija* (Criminal Psychology). Moscow: Os'-89. (In Russian)].
- Платонова А. А. Аббревиация как способ словообразования в тюремном жаргоне // Вестник Волгоградского государственного университета. 2011. № 2. С. 183—185. [Platonova, Anastasiya A. (2011) *Abbreviatsiya kak sposob slovoobrazovaniya v tyuremnom zhargone* (Abbreviation as a Way of Word Formation in Prison Jargon). *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2, 183—185. (In Russian)].
- Салыев В. А. Карнавальная разгерметизация арго как предпосылка формирования сленга // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 2. С. 286—291. [Salyaev, Vladimir A. (2010) *Karnaval'naya razgermetizatsiya argo kak predposylka formirovaniya slenga* (Carnival Depressurization of Argo as a Prerequisite for the Formation of Slang). *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*, 2, 286—291. (In Russian)].
- Тангир К. М. Уголовные жаргонизмы в текстах публицистики // Фундаментальные и прикладные науки сегодня: материалы IX международной научно-практической конференции. 2016. С. 139—144. [Tangir, Kizlargul M. (2016) *Ugolovnyye zharгонизмы v tekstakh publitsistiki* (Criminal Slang in Journalism Texts). In *Fundamentalnye i prikladnye nauki segodnya: materialy IX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Basic and Applied Sciences Today: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference), 139—144. (In Russian)].
- Шиянова Л. В. Лингвистическая специфика жаргонной речи как элемента криминальной субкультуры // Пеницитарное право и пеницитарная безопасность: теория и практика. Материалы III Международной научно-практической конференции 22-23 июня 2012 г. Самара: Самарский юридический ин-т, 2013. С. 356—361. [Shiyanova, Lyudmila V. (2013) *Lingvisticheskaya spetsifika zhargonnoi rechi kak elementa kriminal'noi subkul'tury* (Linguistic Specifics of Slang Speech as an Element of Criminal Subculture). *Penicitarnoe pravo i penicitarnaya bezopasnost': teoriya i praktika. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, 22-23 iyunya 2012 g. (Penal Law and Penitentiary Security: Theory and Practice. Materials of the III International Scientific and Practical Conference). Samara: Samarskij yuridicheskij in-t, 356—361. (In Russian)].
- Ageeva, Anastasia V., Gabdreeva, Nataliya V. & Amirkhanova, Karina M. (2016) Gallicisms in the Russian Language: Theory and Practice of Language Contact Study. *Social Sciences*, 11, 4085.

Художественные источники / Literary resources

- Берроуз У. Джанки. М.: АСТ, 2018. [Berrouz, Uil'yam (2018) *Dzhanki* (Junkie). Moscow: AST. (In Russian)].
- Томпсон Х. Страх и отвращение в Лас-Вегасе: Дикое путешествие в Сердце Американской Мечты. М.: АСТ, 2007. [Tompson, Khanter, S. (2007) *Strakh i otvrashchenie v Las-Vegase: Dikoe puteshestvie v Serdtse Amerikanskoi Mechty* (Fear and Loathing in

Las Vegas: A Savage Journey to the Heart of the American Dream). Moscow: AST. (In Russian)].

Словари / Dictionaries

- Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М.: Края Москвы, 1992. [Baldaev, Dantsig S., Belko, Vladimir K. & Isupov, Igor' M. (1992) *Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoi i graficheskii portret sovetskoi tyur'my)* (Dictionary of Prison Slang (Speech and Graphic Portrait of a Soviet Prison)). Moscow: Края Moskvу. (In Russian)].
- Габдреева Н. В., Гурчиани М. Т.* Словарь композитов русского языка новейшего периода. М.: Флинта; Наука, 2012. [Gabdreeva, Natalia. V. & Gurchiani, MIMOZA T. (2012) *Slovar' kompozitov russkogo iazyka noveishego perioda* (The Dictionary of Russian Composites of the Modern Period). Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian)].
- Грачев М. А.* Словарь тысячелетнего русского аргю: 27000 слов и выражений. М.: Рипол Классик, 2003. [Grachev, Mihail A. (2003) *Slovar' tysyacheletnego russkogo argo: 27000 slov i vyrazhenii* (Dictionary of the Millennial Russian Argo: 27,000 Words and Phrases). Moscow: Ripol Klassik. (In Russian)].
- Зугумов З. М.* Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира. М.: Книжный мир, 2015. [Zugumov, Zaur M. (2015) *Russkoyazychnyi zhargon. Istoriko-etimologicheskii, tolkovyi slovar' prestupnogo mira* (Russian-language Jargon. Historical-etymological, Explanatory Dictionary of the Underworld). Moscow: Knizhnyi mir. (In Russian)].
- Торн Т.* Словарь современного англоязычного сленга. М.: АСТ Астрель, 2010. [Torn, Toni (2010) *Slovar' sovremennogo angloyazychnogo slenga* (Dictionary of Modern English Slang). Moscow: AST Astrel'. (In Russian)].

УДК 81.373.43

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-90-106

АДЪЕКТИВНЫЕ И АДВЕРБИАЛЬНЫЕ ИНТЕНСИФИКАТОРЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: МЕХАНИЗМЫ РАСШИРЕНИЯ КЛАССА

М. В. Сандакова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Цель данной статьи — исследование развития класса лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода. Используется метод семантического анализа, привлекаются лексикографические данные и материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в исследование функционально-семантической категории интенсивности, а также в осмысление активных процессов в лексике и лексической семантике современного русского языка. Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности применения материалов статьи при создании толковых словарей русского языка, в частности словарей неологизмов.

Класс лексических интенсификаторов представлен прежде всего прилагательными и наречиями. Наиболее разработанным участком интенсификационной шкалы является «правый»: единиц для выражения значения высокой и абсолютной степени гораздо больше, чем для выражения средней и низкой. Новые интенсификаторы, возникающие в языке, также сосредотачиваются на данном участке шкалы.

Интенсификаторы составляют открытый, непрерывно пополняющийся класс слов, основные ресурсы развития которого лежат в сфере семантической деривации прилагательных и наречий. В русском языке конца XX в. и в XXI в. появляются интенсификаторы — семантические неологизмы (*исполнение распоряжения нереально — нереально вкусное мороженое*).

Можно выделить следующие механизмы языкового расширения интенсификаторов: 1. Синтагматическое расширение: выход за пределы сочетаемостного круга, определяемого правилами лексической сочетаемости и закреплённого в словарях. Изменения синтагматики затрагивают не только единицы с семантически мотивированной сочетаемостью (*запредельный, космический*), но и фразеологически связанные (*крошечный, закадычный*); 2. Стилистические изменения, проявляющиеся в детерминологизации, выходе из книжной речи, что расширяет возможности употребления слова в различных сферах функционирования языка (*астрономические цены, клиническая дура*); 3. Грамматическое расширение: появление у адъективного интенсификатора пары в виде его синтаксического деривата — наречия (*космический — космически, закадычный — закадычно*).

Изучение развития класса лексических интенсификаторов представляется актуальным в лексикологическом, лексикографическом и нормативном аспектах.

Ключевые слова: лексическая семантика; адъективные и адвербиальные интенсификаторы; семантическая деривация; семантический неологизм; сочетаемость; детерминологизация; лексикография.

The Class of Adjective and Adverbial Intensifiers in the Russian Language and Mechanisms of its Expansion

Marina V. Sandakova

Lobachevsky State University of Nizhnij Novgorod, Nizhnij Novgorod, Russia

The purpose of the article is to study the development of lexical intensifiers in modern Russian. Using the methods of semantic analysis, the author examines lexicographical data and materials from the Russian National Corpus. Lexical intensifiers continue to inspire scholars' interest in lexicological, lexicographic, and normative aspects, and this study makes a new theoretical contribution to the study of the functional and semantic category of intensity as well as to the conceptualization of active processes in the vocabulary and lexical collocations of modern Russian. The results of the study can be used in the work of compiling definition dictionaries of the Russian language, namely coinage dictionaries.

The class of lexical intensifiers includes primarily adjectives and adverbs. The most well-developed part of the intensifying scale is its right extreme: there are more units that express meaning of the high and absolute degree than those that express the middle and low degree of intensity. New intensifiers that appear in the language are also concentrated in this area of the scale. Intensifiers present an open and constantly widening class of words, new additions typically being semantic derivations of adjectives and adverbs. In the late 20th and early 21st century, the Russian language acquired new intensifiers that can be categorized as semantic neologisms (*исполнение распоряжения нереально — нереально вкусное мороженое*).

The authors singles out the following mechanisms of expanding the class of intensifiers: 1. Syntagmatic widening: going beyond the typical collocation circle, determined by the rules of lexical collocations and fixed in the dictionaries. Here syntagmatic changes involve not only units with the semantically motivated collocation (*запредельный, космический*), but also those phraseologically connected (*крошечный, загадочный*); 2. Stylistic changes, manifested in determinologization of words and their "escape" from the bookish style, which widens the possibilities of using them in new and non-typical contexts (*астрономические цены, клиническая дура*); 3. Grammatical widening, when an adjective intensifier acquires its adverb "pair," i. e., its syntactic derivative (*космический — космически, загадочный — загадочно*).

Key words: lexical semantics; adjective and adverbial intensifiers; semantic derivation; semantic coinage; collocation; determinologization; lexicography.

В современной лингвистике интенсивность рассматривается как особая семантическая или функционально-семантическая категория (Родионова 2005; Ермакова 2015). Основными лексическими средствами её выражения в русском языке служат интенсификаторы — качественные прилагательные и наречия, которые содержат «количественную характеристику действия, признака или состояния» (Панова 2014: 178). Интенсификаторы сочетаются с наименованиями явлений и свойств, поддающихся градуированию (Кустова 2014). Ядро класса лексических интенсификаторов составляют слова, выражающие в чистом виде значение величины, количе-

ства или степени. Например, наречия *очень, совсем, немного, чуть-чуть*, прилагательные *большой, малый, абсолютный* и др.

Интенсификационную семантику можно представить в виде шкалы, на которой интенсификаторы располагаются в зависимости от степени выражаемой градации. Условно, по расположению на определённом отрезке шкалы, можно выделить следующие типы интенсификаторов: 1) низкой степени (*чуть-чуть, немного, минимальный*); 2) средней степени (*достаточно, довольно*); 3) высокой степени (*очень, чрезмерно, потрясающий*); 4) абсолютной, или высшей степени свойства или процесса (*совершенно, совсем, абсолютный*).

В русском языке правый участок шкалы разработан гораздо более левого: репертуар слов со значением высокой степени гораздо богаче. Кроме того, пополнение класса интенсификаторов происходит главным образом единицами с семантикой высокой степени градации.

В лингвистической литературе описаны семантические типы интенсификаторов высокой степени. Так, Г. И. Кустова различает три типа: 1) слова со значением высокой степени свойства или явления (синонимичные слову *очень*): *баснословно дорогой, страшно далеко, неузнаваемо измениться*; 2) слова, обозначающие либо полную (предельную), либо максимальную степень проявления признака или реализации ситуации: *абсолютно верно, безоговорочная капитуляция, всецело полагаться*; 3) слова со значением большой величины (выражение размера, количества, в том числе метафорическое): *крупные достижения, гигантские успехи* (Кустова 2014: 8).

Категория интенсивности имеет прагматическую составляющую (см. (Родионова: 156—157)). Использование интенсификаторов в речи связано с выражением субъективного отношения человека к миру: с выделением из числа других какого-либо объекта, который воспринимается говорящим как значимый, с его оценкой и эмоционально-экспрессивной характеристикой. Обычно семантика степени несёт содержание не только градуальное (*весьма, очень талантливый*), но и эмоционально-экспрессивное (*необыкновенно, ужасно, потрясающе, космически талантливый*).

Это сопряжено с общим глубинным свойством русской речи — эмоциональностью, которая отражает особенности национального менталитета и русской языковой картины мира. По замечанию А. Вежбицкой, русский язык — это «язык, уделяющий эмоциям гораздо большее внимание [по сравнению с английским — М. С.] и имеющий значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения» (Вежбицкая 1997: 44).

Происходящие в конце XX в. и в XXI в. процессы демократизации языка, усиления в речи личностного начала, повышения эмоциональности и раскованности, размывания литературной нормы создают благоприятные условия для развития класса интенсификаторов. Сегодня интенсификаторы — это открытый и активно пополняющийся класс слов.

При этом характерно, что в его развитии словообразовательная система языка практически не участвует. Одним из источников лексически новых единиц является внутреннее заимствование из некодифицированных подсистем языка (жаргонов и просторечия), что было отмечено в работе С. Е. Родионовой (Родионова 2005: 162).

Целый ряд интенсификаторов-жаргонизмов зафиксирован в словаре «Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона»: *неслабый, нехилый, обалденный, чумовой* и др. Приведём толкование слова *неслабый*: «Большой, сильный, громкий. *Неслабая драка, неслабые деньги, неслабая карьера*» (ТСРОЖ: 123).

Однако число внутренних заимствований сравнительно невелико. Кроме того, их употребление ограничивается в основном сферой разговорной речи и языком СМИ, например: *Пока наша страна «спала» во внешней политике, США проделали неслабую работу* (Литературная газета. 08. 04. 2015); *Русофобия — термин научный, исторический, имеющий древние корни, русофобия бывает торговой, военной, политической. Об этом написано много исторических обзоров и профессиональных трудов, часть из них неслабо представлена в интернете...* (Литературная газета. 12. 11. 2015).

Основные ресурсы развития класса интенсификаторов в русском языке лежат в области семантической деривации прилагательных и наречий. Происходящие при этом семантические изменения описаны в работах (Кустова 2011; Ермакова 2015) и др., а также в наших статьях. Сущность изменений обычно состоит в том, что в значении происходит актуализация компонента ‘высокая степень’ либо семантическая редукция признакового слова до идеи чистой интенсивности (см. подробнее в [Сандакова 2020]). Ср.: *написать фантастический роман* ‘такой, который относится к фантастике’ (исходное относительное значение) — *назвать фантастические причины* ‘неправдоподобные, невероятные, придуманные’ (метафорическое значение) — *проявлять фантастические способности* ‘настолько большие, что кажутся невероятными, фантастическими’ (интенсификационное значение).

В русском языке новейшего периода семантическая деривация выступает совместно с другими процессами, которые можно отнести к механизмам языкового расширения интенсификаторов. Среди них выделим

следующие: 1) синтагматическое расширение; 2) стилистические изменения; 3) грамматическое расширение. Остановимся на них более подробно.

Синтагматическое расширение

Сочетаемость интенсификаторов колеблется от самой широкой до ограниченной.

Самой широкой сочетаемостью, как правило, обладают интенсификаторы, выражающие наиболее общие значения, — ‘очень’, ‘абсолютный / абсолютно’, ‘большой’. Однако и для них существуют ограничения, ср.: *очень — красивый, умный, глупый, быстро, медленно, любить, не любить* и др., при невозможности **очень прекрасный, *очень потрясающий*.

«Частные» интенсификаторы, в значении которых интенсификационная сема сочетается с другими смысловыми компонентами, обычно имеют сочетаемость, обусловленную закономерностями семантического согласования или правилами лексической сочетаемости.

Сочетаемость тесно связана с оценочностью. Как правило, одни интенсификаторы тяготеют к положительно-оценочным, другие — к отрицательно-оценочным номинациям. Ср.: *оглушительный успех, несказанно любить, божественно прекрасен — вопиющая несправедливость, непроходимая тупость, беспардонная наглость, невыносимо скучный*.

Интенсификаторы, имеющие метафорическое происхождение, сохраняют «память» об образе, лежащем в основе метафоры. Их сочетаемостный диапазон формируется признаками того концепта, который стоит за словом, словообразовательно мотивирующим интенсификатор. Например, слово *ангельский* имеет интенсификационное значение: «Такой, как у ангела; чрезвычайно добрый, кроткий, нежный» (БТС 2001: 39). Концепт *ангел* имеет когнитивные признаки *чистота, кротость, доброта, красота, безгрешность* и др., которые объективируются в возможных словосочетаниях: *ангельское терпение, ангельски мила, ангельски кроткий*.

Значительная часть интенсификаторов представляют собой слова с фразеологически связанной или идиоматической сочетаемостью, заданной ограниченным кругом слов. Например: *жгучий — брюнет; ослиное — упрямство; напроць — оторвать, наглухо — закрыть, вдребезги — разбить*.

Выход за рамки «законной» (семантической или фразеологической) сочетаемости постоянно наблюдается в речи. Окказиональное нарушение сочетаемости используется как стилистический приём. Например, намеренная «перестановка» интенсификаторов у А. С. Пушкина: *Дни любви посвящены, / Ночью царствуют стаканы, / Мы же — то смертельно пьяны, / То мертвецки влюблены* (А. С. Пушкин). Ср. в норме: *пьяный — мертвецки; влюблённый — горячо, страстно, самозабвенно, безумно*. Индивидуаль-

но-авторские особенности сочетаемости общих интенсификаторов в произведениях Ф. М. Достоевского описаны в статье (Шарапова 2016).

В языке новейшего периода наблюдается синтагматическое развитие интенсификаторов. Частотность, востребованность в речи создаёт условия для преодоления прежних синтагматических запретов и выхода за пределы «предписанного» и лексикографически закреплённого сочетаемостного круга. Рост синтагматического потенциала интенсификаторов описан в наших статьях на материале ряда слов: *ажютажный*, *астрономический*, *космический*, *крайне* и др., (см. [Сандакова 2019; Сандакова 2020]). Остановимся ещё на двух показательных примерах.

Для прилагательного *запредельный* в «Словаре русской идиоматики» приводятся только два словосочетания: *запредельная цена*, *запредельные цены*. Реальный сочетаемостный круг в современном употреблении гораздо шире. По данным НКРЯ, *запредельными* могут также быть: *блага*, *высота*, *галлюциногенность*, *громкость*, *доза*, *жестокость*, *занятость*, *качество*, *нагрузка*, *напряжение*, *нарушения*, *насилие*, *наслаждение*, *обязательства*, *отчуждённость*, *перегрузки*, *скорость*, *скука*, *сложность*, *страдание*, *счастье*, *торможение*, *удовольствие*, *ужас*, *уровень*, *цифры*, *чуждость*, *энергопотребление*, *эфмерность* и многое другое.

Примечательно, что расширение синтагматических возможностей наблюдается и у слов с идиоматической сочетаемостью. Г. И. Кустова отметила, что «фразеологическая связанность и устойчивость успешно “преодолевается” тенденциями семантически мотивированной сочетаемости и закономерностями семантического расширения» (Кустова 2011: 267).

Это можно наблюдать на примере употребления прилагательного *крошечный*. По словарям, его сочетаемость ограничена узким кругом слов. Например, данные МАС: «*Крошечный ад* и *крошечная мука* — о чём-либо, что мучительно трудно переносить; о невыносимой остановке. <...> *Крошечная тьма* и *крошечный мрак* — полная, непроглядная, беспросветная тьма» (МАС 1985: т. II, 134). Та же сочетаемость отражена в БТС (БТС 2001: 472—473). В «Словаре русской идиоматики» приводится несколько более широкий круг слов: *крошечный* — *мгла*, *ночь*, *темнота*, *тьма*, *чернота*, *ад*, *мрак* (СРИ 2008).

Современные употребления говорят о тенденции к явному выходу и за пределы этого круга. Приведём некоторые данные из НКРЯ. Полная, непроглядная физическая темнота обозначается наиболее близкими к стандартным сочетаниями: *темень*, *потёмки*, *полночь*, *мгла*. При описании невозможности видеть, различать предметы и ориентироваться в каком-либо пространстве встречаются и более разнообразные словосочетания: *крошечный снегопад*, *вьюга*, *даль*, *чаща*, *пещера*; а также: *Во всяком слу-*

чае, когда я бросал беглый взгляд на обочину, мелькание снежных белых пятен между деревьями казалось мельтешением, а мельтешение — **кромешной** белой **вьюгой**, стеной, вставшей у насыпи (В. Слипенчук. «Зинзивер») [НКРЯ]; Однако скоро я заплутал в **кромешной чаще**, чистый лес давно кончился, я ломился через бурелом... (А. Иличевский. «Костёр») [НКРЯ].

Интенсификатор употребляется и для обозначения абсолютной тишины. Ср. *кромежная тишина*: Вдалеке, над желтеющими сопками, беспомощно кувыркался истребитель. В **кромежной тишине** он тюкнулся носом о сопку, и взрыв пламени разорвал тишину (В. Сеницына. «Муза и генерал») [НКРЯ].

Наиболее заметное сочетаемостное расширение происходит при выражении значения трудности, мучительности, невыносимости какой-либо ситуации. *Кромежный* выступает как синоним слов *абсолютный*, *полный*, а также *мучительный*, *невыносимый*, *страшный*, *ужасный*, *адский*.

Внешние условия, жизненные обстоятельства характеризуются словосочетаниями: *кромежное бездорожье*, *грязь*, *коммуналка*, *трущобы*: ...Шалаши из свежесрубленных тополиных ветвей в саду вокруг химкинского барака, бывшего, конечно, элитарным, если сравнивать его с коммунальным **кромежным жильём** заводского рабочего люда... (Н. Климонтович. «Далее — везде») [НКРЯ]; При свете ночника возникали неведомые мне русские города и городишки, дома, квартиры, именья, семьи — потом ухабистые пути бегства, **кромежные трущобы** сказочного Константинополя и его притоны... (К. Фараджев. «Предисловие») [НКРЯ].

Состояния и чувства человека обозначаются словосочетаниями: *кромежное одиночество*, *отчаяние*, *старость*, *страдание*: И вечная бредовая идея русских — отвоювать Константинополь назад — это порыв ребёнка: найти мать! Спасись от **кромежного одиночества** (А. Терехов. «Коммуналка») [НКРЯ]; Идти по снегу было не слишком легко, ноги проваливались, в лицо дул ветер, но душу грела слабая надежда, что уж сегодня мы будем вознаграждены за два дня **кромежных страданий** (А. Варламов. «Падчевары») [НКРЯ].

Интенсификатор способен употребляться при характеристике нравственных и социально-политических явлений, которые воспринимаются как страшные, невыносимые или недопустимые: *бардак*, *бедность*, *блат*, *зло*, *порнуха*, *разврат*, *скандал*, *смута*, *срам*, *схватка*, *угроза*, *ужас*, *фантасмагория*, *чревоугодие*. Ср. также: Ответ государства Российского на эту реальную **кромежную угрозу** — форсированное воссоздание оборонно-промышленного комплекса..., оснащение армии, способной побеждать в

условиях новой, не имеющей аналогов войны (А. Проханов. «Русский вихрь»); *Взрывы, атаки, контратаки. Пламя зениток и дальнобойных орудий. **Кромешная** схватка двух сил...* (А. Проханов. «Русский вихрь»); *Да, распрямиться, позабыть о **кромешной бедности** можно и благодаря спортивному успеху* (Труд. 25. 01. 2000); *Именно царивший в АН СССР **кромешный бардак** позволял одним решать интереснейшие научные задачи, другим — ловить рыбку в мутной воде, делая карьеру на критике буржуазных теорий, как правило, не утруждая себя сколько-нибудь основательным знакомством с ними...* (В. Шупер. «Время Курдюмова») [НКРЯ]; *Лев ещё долго готов был на стену лезть, рисуя в воспалённом воображении картины **кромешного разврата**...* (С. Гандлевский. «НРЗБ») [НКРЯ]; *...Даже **кромешный семейный скандал** уже не мог встряхнуть его, не мог придать ни капли энергии, возмущения или боли* (Д. Рубина. «Русская канарейка. Блудный сын») [НКРЯ].

Встречаются даже контексты с именами лиц: *кромешный бабник, диссидент, номенклатуристик: В одной из таких бесед **кромешный номенклатуристик** — позже его сняли за взятки — воскликнул...* (Н. Климонтович. «Далее – везде») [НКРЯ]; *... На втором курсе чуть не выскочила замуж, но вовремя опомнилась, блестящий молодой человек оказался наркоман и **кромешный бабник**...* (А. Слаповский. «Большая Книга Перемен») [НКРЯ].

Итак, сочетаемое развитие слова *кромешный* обусловлено расширением денотативного диапазона характеризуемых явлений: от физической темноты (черноты) и невозможности ориентироваться в окружающем пространстве — до метафорически переосмысленной тьмы, уподобленных аду тяжёлых сторон человеческой жизни.

Стилистические изменения

Класс интенсификаторов пополняется словами разных стилей.

Интенсификаторы, употребляемые преимущественно в книжной речи, обычно сохраняют свою книжность (в большей или меньшей степени). Например, *диаметральный, калейдоскопический, неукоснительный, стоический, филигранный, циклопический, экстраординарный* и др., а также их наречные соответствия.

Другие интенсификаторы книжного, в частности терминологического происхождения, покидают данную сферу. Это явление вписывается в общий процесс детерминологизации, происходящий в лексике русского языка в конце XX века и в XXI веке (См. [Ермакова 2008: 43—55] и др.). Суть детерминологизации заключается «в выходе термина за пределы терминологического поля, утрате свойств, обуславливающих терминологичность, последующей узуализации терминологического значения общеязы-

ковым употреблением, а также осознанном использовании термина в неспециальных текстах» (Касьянова 2006: 67). При этом слово терминологического происхождения изменяется семантически (нередко это связано с расширением лексического значения), приобретает эмоционально-экспрессивную окраску и прагматические особенности.

Покажем на примерах. Прилагательное *астрономический* словообразовательно соотносится со словами *астрономия*, *астроном*, относящимися к книжной лексике. Употребляясь как интенсификатор, оно приобретает новое значение, а также новые стилистические признаки. В толковом словаре Д. Н. Ушакова констатируется шутливый характер интенсификационного значения, возникшего метафорическим путём: «// *Перен.* Чрезвычайно большой — о количествах, цифрах вследствие того, что в астрономии оперируют чрезвычайно большими числами, выражающими расстояния между светилами (с оттенком шутки)» (СУ). В «Большом толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова помета указывает на разговорный характер значения высокой степени: «3. *Разг.* Очень большой, высокий (о величине, цене, стоимости). *Астрономические цифры, числа. Астрономический долг*» (БТС: 50). У наречия *астрономически* такая помета есть в «Словаре наречий и служебных слов русского языка» В. В. Бурцевой: «*Разг.* В высшей степени, чрезмерно, чрезвычайно. *Цены поднялись астрономически*» (СНССРЯ: 13).

Аналогичны стилистические изменения у слов, которые стали употребляться как интенсификаторы в последующие годы. Например, у прилагательных *патологический* и *клинический*, пришедших из медицинской сферы.

Толковые словари дают возможность проследить, как на протяжении XX века у слова *патологический* развивалось интенсификационное значение. Уже в словаре Д. Н. Ушакова зафиксировано вторичное значение, сохраняющее связь с медицинской сферой и имеющее пометы «перен.» и «книжн.»: «2. *Перен.* Представляющий собой болезненное отклонение от норм, болезненно-ненормальный (книжн.). *Патологическое явление*» (СУ). На его основе развивается интенсификационная семантика.

В Толковом словаре Н. Ю. Шведовой значение иллюстрируется примерами *патологическая лживость*, *патологически ревнив*, которые говорят о выходе из области медицины (СШ). В БТС и СШ было зафиксировано наречие *патологически*. Оно есть также в словаре В. В. Бурцевой (СНССРЯ: 435). В «Словаре русской идиоматики» прилагательное и наречие представлены в словосочетаниях: *патологическая ненависть*, *патологическое отвращение*; *патологически бояться*, *патологически ненавидеть* (СРИ 2008).

Ср. современные употребления в более широких контекстах: *Патологическая увлечённость экономическими схемами, классовой борьбой, как дань марксистской догме, не позволили понять судьбоносность украинской темы* (Литературная газета. 11. 04. 2018); *Кто же мог вообразить, что немецкое государство через 20 лет придёт к патологическому антисемитизму?* (Литературная газета. 04. 07. 2018); *В магазине IKEA на улице Дыбенко месяц жила патологическая врунья* (Е. Натальина. «Мне кофе без молока, пожалуйста»); *В других видах спорта ещё что-то можем, а вот в футболе патологически ни на что не способны* (Литературная газета. 18. 07. 2018); *И кажется, что Зоценко меньше всех смешил, был патологически серьёзен и всю жизнь писал не фельетоны, а очень толстые книги* (Литературная газета. 07. 08. 2019).

По нашим наблюдениям, слова *клинический, клинически* проходят подобную же эволюцию (возможно, по аналогии с *патологический*).

В толковых словарях у прилагательного *клинический* зафиксировано медицинское значение. В словарях СУ, МАС, БТС толкования снабжены пометой «мед.», в СШ — пометой «спец.». Лишь в БТС приводится устойчивое словосочетание, в котором прилагательное уже содержит сему высокой степени и употребляется как разговорное: «*Клинический случай* (также: *разг.*; о психически ненормальном человеке или неуравновешенном до такой степени, что возникает сомнение в его психическом здоровье)» (БТС: 433).

В современном употреблении распространены словосочетания с определением *клинический*, которые обозначают высокую степень человеческой глупости, ср.: *клинический дурак, дура, идиот, дебил, болван*. В них семантика прилагательного лишена медицинского содержания — так же, как и семантика существительных *идиот, дебил*, выступающих как сугубо характеризующие номинации, синонимичные *дурак, глупец*. Такие сочетания имеют разговорную окраску, ярко выраженную пейоративную оценочность и экспрессивность. Таким образом, слово *клинический* пополнило синонимический ряд *круглый, полный, непроходимый, абсолютный*. Медицинская метафора, лежащая в его основе, усиливает его выразительные возможности, в сравнении с данными привычными синонимами.

Ср. употребления: — *Лобстер «Термидор»..., а не «Терминатор»! Что толку, что у тебя голубые глаза, когда ты клиническая идиотка???* (М. Симоньян. «Ленка»); *Ещё и зам мой оказался клиническим идиотом, еле выгнали, и вообще идиотов гораздо больше, чем мне раньше казалось* (М. Симоньян. «Послесловие»).

Наречие *клинически* словарной фиксации пока не получило, в том числе и в таких словарях, как «Словарь наречий и служебных слов русско-

го языка», «Словарь русской идиоматики» и «Толковый словарь русской разговорной речи». Однако его употребительность также заметна. Приведём примеры: *Фоном может быть шорох листвы за окном. Или шёпот волн на пустынном пляже ночью. Но не может быть фоном трель дебила, пусть короткая, но клинически глупая трель* (Литературная газета. 13. 03. 2013).

Высказывания с данными интенсификаторами обычно имеют прагматическую направленность на отрицательную характеристику объекта. Однако их можно встретить и в положительно-оценочном контексте, где словосочетание передаёт значение ‘настолько хороший в чём-либо, что это выглядит отклонением от нормы’: *Но Чалдонов, человек клинически порядочный и честный, каждую словесную баталию на заседании учёного совета воспринимал как настоящее сражение...* (М. Степнова. «Женщины Лазаря»).

Таким образом, переход слова в класс интенсификаторов может сопровождаться значительными изменениями в плане сферы употребления и стилистических особенностей, связанных с выполнением новых экспрессивно-стилистических и прагматических функций.

Грамматическое расширение

Адъективные и адвербиальные интенсификаторы в целом соотносены друг с другом. Но на некоторых участках класса интенсификационное значение в языке представлено только в одном грамматическом облике — либо прилагательного, либо наречия. Именно такая картина отражена в словарях.

Адъективных «эквивалентов» нет у некоторых наречий: *очень, несколько, чуть-чуть*, а также *вдребезги, вконец, наотрез, насквозь* и др. Целый ряд устойчивых словосочетаний также не имеет соответствий среди прилагательных: *в доску, до мозга костей, до последнего вздоха, до положения риз, по уши* и др.

Адвербиальных соответствий лишены интенсификаторы-прилагательные с идиоматической сочетаемостью: *жгучий, записной, круглый, набитый, обложной, площадной, проливной, собачий* и др.

Грамматическое соответствие можно ожидать там, где есть соотносённость качественных прилагательных и наречий как их синтаксических дериватов: *абсолютный — абсолютно, бескомпромиссный — бескомпромиссно, истовый — истово*.

Однако, судя по словарям, такая соотносённость есть не всегда. Например, в БТС, с одной стороны, даны наречия *бездонно, нерасторжимо, необозримо, необоримо, нешуточно, нещадно, ошеломляюще, ощути-мо, повально, сногшибательно* и другие, помещённые в словарных стать-

ях соответствующих прилагательных. С другой стороны, в этом словаре отсутствуют наречия *белоснежно, разгромно, сокрушительно, титанически, чудовищно* и другие (БТС).

В «Словаре русской идиоматики», словник которого сформирован на базе толковых словарей, составы адъективных и адвербиальных интенсификаторов также разнятся. Например, отсутствуют адвербиальные соответствия у прилагательных *антагонистический, блестящий, головокружительный, несокрушимый, филигранный, щемящий, ювелирный* и многих других. Можно наблюдать и обратное явление: отсутствие в словаре прилагательных, мотивирующих наречия *неузнаваемо, примитивно, приторно, свято*, при наличии этих наречий. Но асимметричность такого типа представлена лишь несколькими примерами. В целом в этом словаре корпус качественных прилагательных гораздо богаче и превосходит корпус наречий более чем на 100 единиц (СРИ).

Как нам представляется, материалы словарей отражают не столько лексикографическую непоследовательность, сколько объективное «отставание» адвербиальных интенсификаторов от адъективных. Вторичность наречия по отношению к прилагательному проявляется, в частности, в том, что интенсификационная семантика развивается у него на базе мотивирующего прилагательного, которое уже стало интенсификатором.

Это можно наблюдать на примере интенсификаторов, которые актуализировались в последние десятилетия: *астрономический, космический, стопроцентный, тотальный, фундаментальный*. В «Словаре русской идиоматики» соответствующие им наречия не фиксируются, однако, как показывают употребления в повседневной речи, в языке СМИ, а также данные Национального корпуса, эти наречия активны в современном узусе.

Приведём некоторые примеры. Наречие *тотально* имеет значение высшей (абсолютной) степени и выступает как синоним слов *полностью, поголовно, совершенно, совсем, абсолютно*. Например: *тотально доминировать, уничтожить, компьютеризировать; тотально слепой, глухой, благоустроенный*.

Ср. также: *Ваши родители тотально контролируют вас? Нагло вмешиваются в вашу личную жизнь?* (Труд. 17. 01. 2013); *«Если сейчас... вы пойдёте навстречу России — тогда тотально разрушается вообще вся логика того, что мы до сих пор делали», — высказал своё отношение Климкин* (Труд. 12. 05. 2019); *Но случилось несчастье...: дочка, девочка, первенькая её Катя родилась тотально глухой...* (Труд. 08. 11. 2012); *Думаю, не стоит сравнивать то, как пели в советское время дети в хоре Попова, и то, как поют сейчас девочки, которые мечтают стать поп-звездами. Это тотально разные жанры* (Труд. 24. 11. 2017).

Наречие **фундаментально** выражает значение высокой степени и является синонимом слов, *очень, крайне, сильно, значительно, основательно, внушительно, солидно, изрядно, глубоко*. Например: *фундаментально противоречить, недооценить, различаться, совпадать, нарушать, обсуждать, освоиться, осовременить, измениться, обосновать, недооценить, изучать, не понимать, изменить; фундаментально новый, ложный, различные, разнородные, образованный, порочный, противоположный, лицемерный*.

Ср. также: *Сама Февральская революция была чисто стихийной. Она зафиксировала: народ фундаментально устал и отказывается участвовать в войне* (И. Яковенко. «Счастливая неизбежность») [НКРЯ]; *Несмотря на то что мы ещё говорим на общем языке, опыт двух сообществ — уехавшего и оставшегося — настолько различен, настолько фундаментально разошлись наши ценности, отношение к истории и традиции...* (Труд. 19. 07. 2019); *... Я не знал, что корейский сборочный конвейер так похож на ленту выдачи багажа в провинциальном аэропорту, а работающие на сборке люди так фундаментально несчастны* (В. Пелевин. «Любовь к трём цукербринам») [НКРЯ]; *Всё же одно дело — бороться против социальной системы и мировоззрения, считая их фундаментально порочными, и другое — стараться реформировать и систему, и мировоззрение* (Г. Арбатов. «Человек Системы») [НКРЯ].

Наречие **космически** выражает значение высокой степени и служит синонимом слов *очень, чрезвычайно, чрезмерно, невероятно, астрономически* и др. Например: *космически повезло, космически страдать, зависить цену; космически необъятный, грандиозный, одинокий, дорогой, недостижимый, редко*.

Ср. также: *Сумма в триста месячных окладов была для Теплова космически недостижима* (В. Кржишталович. «Осада») [НКРЯ]; *... Польские синтетические блузки, серебряные украшения, кожаные сумки — всё космически дорого*. (А. Браво. «Комендантский час для ласточек») [НКРЯ]; *Полковник невообразимо, космически толст. Его пальцы, в которых он вертит твой рапорт, похожи на разваренные в микроволновке сосиски* (М. Черепанов. «Космос, истребитель, девушка») [НКРЯ]; *... В современной России, разделённой на «народ» и «элигу», с космически неравными «стартовыми возможностями», вполне может никогда больше не быть мальчика из рабочей семьи, достигшего высших степеней в писательской иерархии не за счёт восхваления правящей верхушки* (Литературная газета. 17. 04. 2019).

Примечательно, что даже у адъективных интенсификаторов с фразеологической связанностью возникают наречные соответствия. Такие

наблюдения позволяет сделать Национальный корпус, по данным которого в употреблении встречаются, хотя и нечасто, наречия *закадычно*, *заядло*, *кромешно*, *махрово*, *олимпийски*, *отъявленно*.

Так, наречие *отъявленно* в Корпусе представлено в 9 контекстах, например: *При отъявленно восточном характере Сталина я очень верю, что он наблюдал за комедиями в Октябрьском зале* (А. И. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ») [НКРЯ]; ... *Там — глубокая осень с отъявленно мрачной, неприветливой, пасмурной погодой, мокрым снегом и слякотью, а здесь — позднее лето, ясная тёплая погода...* (А. Собчак. «Дюжина ножей в спину») [НКРЯ].

Наречие *кромешно* представлено в 15 контекстах, например: *О нём не ведали солдаты на линии огня: им невдомёк было, что под теми болванами, куда они кромешно палили, затаилась в окопчике живая душа* (О. Павлов. «Карагандинские девятины, или Повесть последних дней») [НКРЯ]; *А ночами [кот] вопит кромешно. Видно, по вам тоскует...* (Е. Евтушенко. «Ягодные места») [НКРЯ]; *В кромешно чёрную ночь уход домой через заднюю балконную дверь домика, стоящего на окраине железнодорожного посёлка...* (Э. Гернштейн. «Мандельштам в Воронеже (по письмам С. Б. Рудакова)») [НКРЯ]; *Он был кромешно пьян и, время от времени приходя в сознание, широко, истово крестился на шатёр* (А. Илический. «Перс») [НКРЯ].

Таким образом, одними из проявлений развития интенсификаторов в русском языке является грамматическое расширение, состоящее в том, что у адъективного интенсификатора активизируется адвербиальная пара — его синтаксический дериват. Адвербиальные пары появляются даже у ряда прилагательных, которые обычно квалифицируются как фразеологически связанные.

Интенсификаторы, актуальные в русском языке конца XX в. и в XXI в., употребительны в грамматическом оформлении и прилагательного, и наречия.

В целом все приведённые наблюдения показывают, что в современном русском языке новейшего периода лексические интенсификаторы представляют собой класс слов, активно пополняющийся новыми единицами и развивающийся в стилистическом, синтагматическом и грамматическом аспектах.

Список литературы / References

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. / Отв. ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с. [Vezhbickaja, Anna. (1997) *Jazyk. Kul'tura. Poznanie* (Language. Culture. Cognition). Moscow: Russian Dictionaries. (In Russian)].

- Ермакова О. П. Семантические процессы // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX—XXI веков / Отв. ред. Л. П. Крысин / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с. С. 33—99. [Ermakova, Ol'ga. P. (2008) *Semanticheskie processy* (Semantic Processes). In L. P. Krysin (ed.) *Sovremennyy russkij yazyk: Aktivnye processy na rubezhe XX—XXI vekov* (Modern Russian: Active Processes at the turn of XX-XXI centuries). Moscow: YAzyki slavyanskih kultur. (In Russian)].
- Ермакова О. П. Семантические категории в лексике и грамматике русского языка: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2015. [Ermakova, Ol'ga. P. (2015) *Semanticheskie kategorii v leksike i grammatike russkogo jazyka* (Semantic Categories in the Vocabulary and Grammar of the Russian Language). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Касьянова Л. Ю. Векторы неологизации в современном русском языке: монография. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2006. [Kas'janova, Ljudmila. Ju. (2006) *Vektory neologizacii v sovremennom russkom jazyke* (Vectors of Neologization in the Modern Russian Language). Astrakhan': Izdatel'skij dom «Astrahanskij universitet». (In Russian)].
- Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Magn'ы-прилагательные) // Слово и язык: сб. ст. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. И. М. Богуславский. М.: «Языки славянских культур», 2011. С. 126—268. [Kustova, Galina I. (2011) *Slova so znacheniem vysokoj stepeni: semanticheskie modeli i semanticheskie mehanizmy (Magn'y-prilagatel'nye)* (Words with the Meaning of High Degree: Semantic Models and Semantic Mechanisms (Magn's Adjectives)). In I. M. Boguslavskij (ed.) *Slovo i jazyk: sbornik statej k 80-letiyu akad. YU. D. Apresyana Slovo i jazyk* (Word and Language). Moscow: YAzyki slavyanskih kultur. (In Russian)].
- Кустова Г. И. Интенсификаторы абстрактных существительных // Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 8—21. [Kustova, Galina I. (2014) *Intensifikatory abstraktnyh sushhestvitel'nyh* (Intensifiers of Abstract Nouns). In N. D. Arutyunova (ed.) *Logicheskij analiz jazyka: Chislovoj kod v raznyh jazykah i kulturah* (Logic Analysis of the Language: Number Code in Different Languages and Cultures). Moscow: LENAND. (In Russian)].
- Панова Г. И. Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. [Panova, Galina I. (2014) *Morfologija russkogo jazyka: Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik* (Morphology of the Russian Language: Encyclopaedic Glossary). Moscow: LENAND. (In Russian)].
- Родионова С. Е. Семантика интенсивности и её выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб.: Наука, 2005. С. 150—168. [Rodi-onova, Svetlana E. (2005). *Semantika intensivnosti i ejo vyrazhenie v sovremennom russkom jazyke* (Semantics of the Intensity and Its Expression in the Modern Russian Language). In A. V. Bondarko, S. A. SHubik (eds.) *Problemy funkcional'noj grammatiki. Polevye struktury* (Problems of the Functional Grammar. Field Structures). Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)].
- Сандакова М. В. Крайне положительный результат (о синтагматике наречия *крайне*) // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации: сборник статей по материалам Международной

научной конференции «Национальные коды в языке и литературе»; 26—28 октября 2018 г. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2019. С. 159—167. [Sandakova, Marina V. (2018) *Krajne polozhitel'nyj rezul'tat (o sintagmatike narechija krajne)* (Extremely Positive Result (about the Syntagmatics of the Adverb Extremely)). *Nacional'nye kody v yazyke i literature. Sovremennye yazyki v novyh usloviyah kommunikacii: sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Nacional'nye kody v yazyke i literature»*; 26—28 okt. 2018. (National Codes in Language and Culture. Modern Languages in New Conditions of Communication). N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N. I. Lobachevskogo, 159—167. (In Russian)].

Сандакова М. В. Тенденции развития класса лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 2 (в печати). [Sandakova, Marina V. (2020). *Tendencii razvitiya klassa leksicheskikh intensivatorov v russkom jazyke novejshego perioda* (Tendencies in the Development of the Lexical Intensifiers' Class in the Contemporary Russian Language). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2, 202—209. (In Russian)].

Шарапова Е. В. Аномальная сочетаемость «общих» интенсификаторов в языке Ф. М. Достоевского // Преподаватель XXI век. Языкознание. 2016. № 3. С. 169—178. [Sharapova, Ekaterina. V. (2016). *Anomal'naja sochetaemost' «obshhih» intensivatorov v jazyke F. M. Dostoevskogo* (Anomaly Collocation of “General” Intensifiers in the Language of F. M. Dostoevskiy. *Prepodavatel XXI vek. YAzykoznanie* (The Teacher of the XXI century. Linguistics), 3, 169—178. (In Russian)].

Словари / Dictionaries

Большой толковый словарь русского языка (БТС) / Ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. 1536 с. [Kuznetsov, Sergej. A. (2001) *Bol'shoj tolkovyj slova" russkogo jazyka (BTS)* (Big Definition Dictionary of the Russian Language). Saint Petersburg: Norint. (In Russian)].

Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Около 450 слов (ТСРОЖ) / Под общим руководством Р. И. Розиной. М.: Азбуковник, 1999. 320 с. [Ermakova, Ol'ga P., Zemskaja, Elena A., Rozina, Raisa I. (1999) *Slova, s kotorymi my vse vstrechalis': Tolkovyj slovar' russkogo obshhego zhargona: Okolo 450 slov* (Words with Which We All Have Met: Definition Dictionary of the Russian General Jargon. Moscow: Azbukovnik. (In Russian)].

Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» (СРИ) [Электронный ресурс] // URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 22. 11. 2019). [Kustova, Galina I. *Slovar' russkoj idiomatiki. Sochetaniya slov so znacheniem vysokoj stepeni* (Dictionary of the Russian Idiomatics. Collocation of the Words of High Degree (2019, November 22) Retrieved from <http://dict.ruslang.ru/magn.php>. (In Russian)].

Словарь наречий и служебных слов русского языка (СНССРЯ) / сост. В. В. Бурцева. М.: Русский язык — Медиа, 2005. VIII, 750. [Burtseva, Valentina V. (eds.) (2005) *Slovar' narechij i sluzhebnyh slov russkogo jazyka* (2005). (Dictionary of Adverbs and

- Auxiliary Words of the Russian Language). Moscow: Russian Language. (In Russian)].
- Словарь русского языка в четырёх томах. Изд. 3-е. (МАС) / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985. [Evgen'eva, Anastasia P. (eds.) (1985) *Slovar' russkogo jazyka v chetyrjoh tomah* (Dictionary of the Russian Language in Four Volumes. Moscow: Russian Language. (In Russian)].
- Толковый словарь русского языка: в 4 т. (СУ) / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энциклопедия»; ОГИЗ, 1935–1940 [Электронный ресурс] // URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 22. 11. 2019). [Ushakov, Dmitrij N. (eds.) (1935-1940) *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* (Definition Dictionary of the Russian Language). Moscow: Soviet Encyclopaedia. Retrieved from <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. (In Russian)].
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (СШ) / РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 1165 с. [Shvedova, Natalia Ju. (eds.) (2008). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov* (Definition Dictionary with the Inclusion of the Information about the Words Etymology). Moscow: Azbukovnik. (In Russian)].
- Толковый словарь русской разговорной речи (ТСРРР). Вып. 2: К — О / Авторы-составители: М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова и др.; отв. ред. Л. П. Крысин. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 864 с. [Krysin, Leonid P. (eds.) (2017). *Tolkovyj slovar' russkoj razgovornoj rechi* (Definition Dictionary of the Russian Informal Speech). Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russian)].

УДК 81.139

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-107-116

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПЕРЦЕПТИВНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ ДЕЙСТВИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. Ю. Холдеева

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Иркутск, Россия

В статье представлен когнитивный анализ ситуаций, описываемых предикатом *exhibit*, семантика которого указывает на обязательное наличие субъекта восприятия. Данный предикат категоризирует перцептивно ориентированные действия Агенса, который казуирует Наблюдателя обратить внимание на показываемый объект. В статье рассматриваются разнообразные типы перцептивно ориентированных действий, описываемых высказываниями с некоторыми лексико-семантическими вариантами *exhibit*. При этом выявляются когнитивные особенности ситуаций, обозначаемых предикатом *exhibit*, и описываются характеристики участвующего в них Наблюдателя, который проявляет сложные когнитивные уровни восприятия. Кроме того, в статье рассматриваются особенности Наблюдаемого, которое является дифференцирующим признаком при разделении конструкций с *exhibit* на подгруппы. Автор доказывает, что использование метакатегорий Наблюдатель и Наблюдаемое в качестве аналитического инструмента значительно увеличивает возможности исследований различных явлений языка.

Ключевые слова: предикат; перцептивно ориентированное действие; ЛСВ; Агенс; Наблюдатель; субъект; Наблюдаемое; объект; восприятие.

Cognitive Approach to the Study of Perceptually Oriented Actions in the English Language

Ekaterina Yu. Kholdeyeva

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

The article presents a cognitive analysis of situations described by the predicate 'exhibit'. Its semantics requires the presence of the perceiving subject. This predicate categorizes perceptually oriented actions of the Agent who causes the Observer to perceive a displayed object. The article considers different types of perceptually oriented actions described by statements with some lexico-semantic variants of 'exhibit.' At the same time, the author identifies the cognitive characteristics of situations represented by the predicate 'exhibit,' and characterizes the Observer participating in these situations. The Observer demonstrates complex cognitive levels of perception. The article also focuses on the peculiarities of the Observed which functions as a differentiating factor for dividing constructions with 'exhibit' into subgroups. The author proves that the use of metacategories 'the Observer' and 'the Observed' as analytical tools significantly increases the possibilities of studying various linguistic phenomena.

Key words: predicate; perceptually oriented action; lexico-semantic variant; the Agent; the Observer; subject; the Observed; object; perception.

Фигура Наблюдателя относится к одному из интереснейших понятий в современных лексических исследованиях (Падучева 2000). Известно, что целые семантические классы слов обнаруживают чувствительность к этой фигуре, выявляемую при рассмотрении самых разнообразных контекстов их употребления. Поэтому данное понятие имеет отношение к ряду универсальных аналитических инструментов, с помощью которых можно объяснить широкий круг проблем, касающихся морфологического и морфосинтаксического (Goldsmith 1982; Langacker 1991, 1999); лексического (Fillmore 1968; Апресян 1974; Wierzbicka 1996; Падучева 2004) и текстового уровня языковых исследований (Падучева 2004). Синтаксически невыразимый Наблюдатель, оказывающий влияние на построение и интерпретацию высказываний, традиционно рассматривается как фиктивный актант в работах Ю. Д. Апресяна (Апресян 1999) и как «наблюдатель За кадром» в работах Е. В. Падучевой (Падучева 2000, 2004). Однако выход Наблюдателя в синтаксис высказывания помогает «получить существенное расширение аналитических возможностей этой категории» (Верхотурова 2018: 26).

В любой ситуации наблюдения с появлением фигуры Наблюдателя непременно возникает и Наблюдаемое, что объединяет их в неразделимое целое. При этом перцептивно-когнитивная взаимосвязь Наблюдателя и Наблюдаемого вызывает непрерывные рекурсивные преобразования, как одного, так и другого (Верхотурова 2009: 167). Следует отметить, к Наблюдаемому как когнитивному компоненту относится неограниченное количество явлений и объектов, которые обладают свойством наблюдаемости.

Существует множество полисемантических глагольных единиц, семантика которых предполагает наличие воспринимающего субъекта, т. е. Наблюдателя. Отметим, что при анализе значений многозначных слов следует учитывать наличие различных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) в самых разнообразных контекстах и их фиксацию в словарных статьях (Архипов 2008: 149). При этом реализации ЛСВ глаголов в различных лексико-грамматических контекстах определяются нами как предикаты. Мы рассматриваем предикаты перцептивно ориентированных действий в английском языке (*show, exhibit, demonstrate, display, point* и др.). Категоризируемые предикатами этой группы действия показывания-указывания являются уникальной человеческой способностью и выполняются детьми уже на самой ранней стадии развития (Bates 1995; Caselli 1995; Томасселло 2011). Такие действия привлекают большое внимание антропологов, исследующих

истоки и эволюцию культурного познания (Tomassello 2007, 2009). Используя понятие «перцептивно ориентированное действие», мы выделяем особую группу предикатов, с помощью которых описываются действия, направленные на зрительное восприятие сторонним субъектом (Наблюдателем). Подобные действия предполагают наличие субъекта этих действий (Агенса), который целенаправленно манипулирует определенным объектом (Наблюдаемым). Так он каузирует Наблюдателя обратить внимание на этот объект, т. е. ориентирует его на восприятие Наблюдаемого.

Таким образом, цель данной работы — исследовать когнитивно-семантические особенности ситуаций, описываемых предикатами перцептивно ориентированных действий, и выявить факторы, объединяющие и отличающие их семантику. Сравним различные типы ситуаций наблюдения с одним из представителей исследуемой группы — предикатом *exhibit*, семантика которого содержит перцептивный компонент (ср., напр.: *exhibit* — «to present for others to see» [Farlex]):

(1) *She's exhibiting her roses at the local flower show.* (CD)

(2) *He has exhibited his paintings at the Frye Art Museum in Seattle and with the American Artists Professional League in New York City.* (COCA)

(3) *He exhibited his work at several local galleries.* (iWeb)

В примерах значение *exhibit* трактуется как *to put something interesting in a museum or other public place so that people can go and look at it* (Macmillan) или *to show objects such as paintings to the public* (CD). В выделенном ЛСВ *exhibit* описывает перцептивно ориентированное действие выставления оригинального Наблюдаемого для обозрения посетителей (Наблюдателей). Агенси-экспозиционер выставляет в специально предназначенных для этого местах (музеях, галереях и т. д.) результаты своей творческой, научной или коллекционерской деятельности. К Наблюдаемому здесь относятся материальные предметы (экспонаты), которые выставляют для того, чтобы побудить Наблюдателя прийти и оценить выставляемый объект. Таким образом, назначение Наблюдаемого в подобных ситуациях заключается в каузации у коллективного Наблюдателя эстетического или научно-исследовательского интереса.

Анализ данных корпусов английского языка выявил, что в выделенном ЛСВ *exhibit* активно формирует высказывания в пассивной форме:

(4) *His work will be exhibited in Moscow later this year.* (Macmillan)

(5) *One year later, his works were exhibited in the Louvre as a sample of a genuine folk painter of Greece.* (iWeb)

В некоторых словарях этот ЛСВ *exhibit* отмечен следующим образом — *when a painting, sculpture, or object of interest is exhibited, it is put in a public place such as a museum or art gallery so that people can come to*

look at it (Collins). В таких отвлеченно-обобщенных синтаксических конструкциях нет места для Агенса, так как выставление Наблюдаемого является результатом коллективной работы организаторов выставочного мероприятия.

Агенс может выставлять и одушевленное Наблюдаемое для обозрения Наблюдателей:

(6) *John has trained and **exhibited** horses his entire life.* (iWeb)

(7) *Mike started in business as an Animal Portrait Artist and became interested in creating dog drawings because his wife bred and **exhibited** dogs and horses.* (iWeb)

(8) *She **has** also **exhibited** cattle at several national dairy shows.* (iWeb)

В данных примерах Агенс-селекционер демонстрирует на выставках разведенных им животных с целью обмена опытом или выявления лучших представителей выставляемых пород (ср., напр.: *exhibit — to present in a public exhibition or contest* [Farlex]). Такое перцептивно-ориентированное действие рассчитано на восприятие и оценку коллективного Наблюдателя-эксперта, который анализирует, соответствует ли Наблюдаемое определенным установленным критериям.

В следующей группе примеров в качестве Наблюдаемого также выступают животные:

(9) *The Zoo **exhibits** animals in the most natural way possible and around a particular habitat.* (iWeb)

(10) *The Zoo is a unique walking experience that **exhibits** animals in the most natural way possible, adding shows and animal presentations throughout the day for additional enjoyment.* (iWeb)

Агенс в конструкциях выражен собирательным существительным *zoo*, которое обозначает людей, занимающихся содержанием животных в неволе с целью их демонстрации и сохранения. В качестве Наблюдателя здесь выступают посетители зоопарков, находящиеся в режиме познавательно-развлекательного отношения к Наблюдаемому (ср., напр. *exhibit — to show something in a public place for people to enjoy or to give them information* [OLD]).

Несомненно, Агенс во всех описанных выше ситуациях предполагает наличие заинтересованного коллективного Наблюдателя (ср., напр.: *exhibit — give an exhibition of to an interested audience* [Farlex]), который имеет синтаксически невыразимый статус, так как не нуждается в конкретизации. Поскольку Наблюдаемое выставляют в общественных местах не для конкретного человека, вряд ли можно обнаружить конструкции типа: **She exhibited her pictures to him* или **The zoo exhibits animals for her*. Однако высказывания, которые описывают выставочные действия, часто со-

держат так называемые квазилокативы, т. е. предложные адвербиальные группы, представляющие собой симбиоз места и Наблюдателя, типа *at the Frye Art Museum* (пример (2)) или *in the Louvre* (пример (5)), которые помогают хоть как-то охарактеризовать Наблюдателя.

Проанализируем следующую группу примеров, в которых описывается совершенно другой тип перцептивно ориентированного действия:

(11) *His mother proudly **exhibits** his honor-roll certificates and gives examples of how smart he is.* (iWeb)

(12) *Unable to capture the Germans, the French killed them and one Frenchman brought back a helmet and a rifle, which he proudly **exhibited** the next day.* (COCA)

(13) *The Wallace family proudly **exhibited** some wooden track stompers to the press.* (iWeb)

В подобных высказываниях ЛСВ *exhibit* имеет значение *to show something proudly* (Macmillan). В примерах описывается перцептивно ориентированное действие показа, цель которого похвалиться чем-либо и тем самым каузировать восхищение Наблюдателя. В них также возникает специфическое Наблюдаемое, которое представляет собой предметы, имеющие определенную ценность для Агенса. В высказываниях, организованных выделенным ЛСВ предиката *exhibit*, часто содержится наречие *proudly*, которое подчеркивает, что Агенс испытывает чувство глубокого удовлетворения, демонстрируя объект своей гордости (ср., напр.: *proudly — with feelings of satisfaction and pleasure because of something that you have achieved, possess, or are a part of* [CD]). Субъект действия может испытывать подобные чувства по самым разным причинам. Так, в примере (11) мать гордится достижениями своего сына и готова показывать всем доказательство его заслуг. Агенс может гордиться каким-то поступком, связанным с преодолением трудностей. Так, в примере (12) субъект действия с гордостью показывает трофеи, полученные в бою.

Агенс может сам стать Наблюдаемым, показывая с гордостью свое тело:

(14) *She **exhibits** her young and splendid body in the beach and night-clubs.* (iWeb)

(15) *It is one of the few times Dornan **exhibits** his rock-hard body...* (iWeb)

(16) *As she was leaving, she'd pulled down the strap of her black tank suit and **exhibited** her breast to Louise.* (COCA)

Естественно, что в ситуациях, когда субъект действия показывает что-то с гордостью, он ожидает положительной реакции (восхищения, похвалы и т. д.) на показываемый объект (ср., напр.: *exhibit — if you say that*

someone exhibits something, you mean that they are showing it openly or publicly in order to be admired, noticed, or believed [Collins]). Именно разборчивость Агенса в выборе симпатизирующего субъекта восприятия позволяет выводить конкретного Наблюдателя в синтаксис с помощью предлога *to* (примеры (13) и (16)).

Однако в высказываниях с предикатом *exhibit* Агэнс может демонстрировать что-то не только для того, чтобы вызвать восхищение Наблюдателя:

(17) *I now exhibit this bloody hammer.* (Dictionary.com)

(18) *Under the 1802 Act, the clerk of the court granted each applicant a “certificate” that could be exhibited to the court as evidence of time of arrival in the United States.* (COCA)

(19) *Victims of robbery on the highway regularly exhibited their scars in court.* (iWeb)

В словарных дефинициях этот ЛСВ *exhibit* трактуется как *to submit (a document, object, etc.) in evidence in a court of law* (Farlex). Следует отметить, что в словарных статьях данный ЛСВ характеризуется функциональной пометой *formal*, что говорит об ограниченности его использования официальным стилем. Применение функционального стиля в таких случаях подчеркивает ту важную роль, которую играет процесс демонстрации Наблюдаемого. Используя подобные перцептивно ориентированные действия, Агэнс пытается доказать Наблюдателю истинность своих слов в ходе судебного разбирательства. В качестве коллективного Наблюдателя здесь выступают участники судебного процесса, которые оценивают достоверность слов Агенса, ориентируясь на Наблюдаемое. Следует отметить, что предикат *exhibit* в выделенном узкоспециализированном значении может выводить коллективного Наблюдателя-судью в синтаксис конструкций с помощью предлога *to* (пример (18)).

В следующей группе примеров также появляется специфическое Наблюдаемое:

(20) *Flight attendants, she argued, often had to exhibit fake emotions, which suppress their true self and can be emotionally exhausting, and the greater the pressure the greater the chance of burnout.* (COCA)

(21) *Having a “good line” meant the young gentleman had to exhibit passion and personality to gain a girls attention.* (iWeb)

(22) *Content marketing is simply taking the wealth of knowledge you possess and putting it to good use to help current customers and exhibit your expertise to potential customers.* (iWeb)

В представленных конструкциях ЛСВ *exhibit* трактуется как *to show a particular feeling, quality, ability, or form of behaviour* (Macmillan). Здесь

Наблюдаемым является выражение человеком различных аффективных состояний, которые воспринимаются и интерпретируются Наблюдателем на основе собственного опыта. При этом в конструкциях наблюдаемый субъект эмоционального состояния занимает позицию подлежащего, а результат интерпретации Наблюдателя — позицию прямого дополнения. Следует подчеркнуть, что человека, который проявляет свои чувства (эмоции, качества, отношения и т. д.), нельзя охарактеризовать как Агенса в полной мере, так как чувства обычно проявляются сами без всяких стараний. Однако в определенных ситуациях все-таки субъект оценивания прилагает некоторые усилия, чтобы показать или не показать, например, страх, ненависть и т. п. Преднамеренность действий наблюдаемого субъекта позволяет включить подобные проявления в периферию перцептивно ориентированных действий. Множество примеров свидетельствует о том, что предикат *exhibit* применяется для описания ситуаций притворства, которые «требуют от субъекта приложения усилий» (Семенова 2010: 96). Так, в высказывании (20) прилагательное *fake* говорит о том, что Наблюдатель смог декодировать неискреннюю демонстрацию эмоций. В примере (21) Наблюдатель подчеркивает, что молодым людям приходилось изображать страсть для того, чтобы привлечь внимание девушек к себе. Интересно, что преднамеренность действий субъекта эмоционального состояния позволяет иногда выводить конкретного Наблюдателя в синтаксис с помощью предлога *to* (пример (22)).

В следующей группе примеров Наблюдаемым также становится сам субъект периферийного действия и проявляемые им состояния:

(23) *All three patients exhibited irritability, agitation, anxiety, and apathy, two patients suffer from urinary incontinence and wonderings.* (iWeb)

(24) *The patient exhibited signs of fatigue and memory loss.* (OLD)

В подобных высказываниях ЛСВ *exhibit* толкуется как *show as a sign or symptom* [EOLD]. Здесь в качестве Наблюдаемого выступает наблюдаемый субъект и проявляемые им симптомы различных болезненных состояний. Субъект восприятия не имеет места в синтаксисе конструкций, однако он легко восстановим из контекста. Наблюдателем в таких случаях являются специалисты в определенной области медицины, которые по проявляемым симптомам выносят диагноз наблюдаемым пациентам. Данный ЛСВ *exhibit* в словарных статьях часто сопровождается пометой *formal*, которая свидетельствует о том, что предикат в выделенном значении используется в рамках формального стиля для описания результатов медицинских исследований.

Итак, рассмотренный предикат *exhibit* является одним из ярких представителей выделяемой нами группы предикатов, которые категоризируют

весьма различные типы перцептивно ориентированных действий. Все ситуации наблюдения с исследуемыми предикатами объединяются наличием Наблюдателя, на которого направлены действия Агенса, и подразделяются на подгруппы благодаря категории Наблюдаемое. Интерпретация таких ситуаций зависит от типа объекта, цели и других характеристик участников ситуации. При этом экспликация Наблюдателя делает возможным выявить особенности высказываний, организованных интересующими нас предикатами. Таким образом, представленный в статье анализ выявляет необходимость учета метакатегорий Наблюдатель и Наблюдаемое в процессе когнитивно-семантического моделирования самых различных типов перцептивно ориентированных действий.

Список литературы / References

- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Изд-во «Наука», 1974. [Apresyan, Yurii D. (1974) *Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* (Lexical Semantics (Synonymous Means of Language)). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Апресян Ю. Д.* Отечественная теоретическая семантика в конце XX века // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58. № 4. С. 39—53. [Apresyan, Yurii D. (1999) *Otechestvennaya teoreticheskaya semantika v kontse XX veka* (Russian Theoretical Semantics at the End of the 20th Century). *Proceedings of the Russian Academy of Sciences*, 58 (4), 39—53. (In Russian)].
- Архипов И. К.* Язык и языковая личность. СПб.: Книжный дом, 2008. [Arkhipov, Igor K. (2008) *Yazyk i yazykovaya lichnost'* (Language and Language Personality). St. Petersburg: Knizhnyi Dom. (In Russian)].
- Верхотурова Т. Л.* Статус Наблюдаемого в когнитивной модели наблюдения // Вестник ИГЛУ. 2009. № 1. С. 167—174. [Verkhoturova, Tatyana L. (2009) *Status Nablyudaemogo v kognitivnoi modeli nablyudeniya* (The Status of the Observed in the Cognitive Model of Observation). *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 1, 167—174. (In Russian)].
- Верхотурова Т. Л.* Наблюдатель как аналитический инструмент в исследованиях по лексической семантике // Проблемы концептуальной систематики речи и речевой деятельности: материалы X Всероссийской научной конференции (Иркутск, 21–22 июня 2018 г.). Иркутск, 2018. С. 24—30. [Verkhoturova, Tatyana L. (2018) *Nablyudatel' kak analiticheskii instrument v issledovaniyakh po leksicheskoi semantike* (The Observer as Analytical Instrument in Researches on Lexical Semantics). *Problemy konceptual'noj sistematiki rechi i rechevoj deyatel'nosti: materialy X Vserossijskoj nauchnoj konferencii* (Irkutsk, 21—22 iyunya 2018) Problems of Conceptual Systematics of Speech and Speech Activity: Proceedings of the Tenth All-Russian Scientific Conference, 24—30. (In Russian)].
- Семенова Т. И.* От притворства до игры: синкретизм глагола *pretend* // Слово в предложении: кол. монография / под ред. Л. М. Ковалевой (отв. ред.), Ю. Богдановой, Т. И. Семеновой. Иркутск: ИГЛУ, 2010. С. 95—114. [Semenova, Tatyana I. (2010) *Ot pritvorstva do igrы: sinkretizm glagola pretend* (From Pretence to Play: Syncretism

- of the Verb *Pretend*). In Kovaleva, Liya M., Bogdanova, Svetlana Yu., & Semenova, Tatyana I. (eds.) *Slovo v predlozhenii* (Word in a Sentence). Irkutsk: Irkutsk Russian Linguistic University, 95—114. (In Russian)].
- Падучева Е.В. Наблюдатель как Эксперимент «за кадром» [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной международной конференции «Диалог». 2000. URL: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2000/articles/> (дата обращения 31.03.2020). [Paducheva, Elena V. (2000) Nablyudatel' kak Eksperiment «za kadrom» (The Observer as an Experient «Behind the Scenes»). *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»*. (Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the Annual International Conference “Dialogue”). Retrieved from <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2000/articles/>. (In Russian)].
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Paducheva, Elena V. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* (Dynamic Models in Lexical Semantics). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)].
- Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011. [Tomassello, Michael. (2011) *Istoki chelovecheskogo obshcheniya* (Origins of Human Communication). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian)].
- Bates, Elizabeth, Dale, Philip S. & Thal, Donna. (1995) Individual Differences and their Implications for Theories of Language Development. In Fletcher, Paul, & MacWhinney, Brian. (eds.) *Handbook of Child Language*. Oxford: Basil Blackwell, 97—158. doi: 10.1111/b.9780631203124.1996.00005.
- Caselli, M. C. (1990) Communicative Gestures and First Words. In Volterra, V., & Erting, C. (eds.) *From Gesture to Language in Hearing and Deaf Children*. Springer, Berlin, Heidelberg, 56—67. doi: 10.1007/978-3-642-74859-2_6.
- Fillmore, Charles J. (1968) Lexical Entries for Verbs. *Foundations of Language*, 4 (4), 373—393.
- Goldsmith, J., Worsetschlaeger, E. (1982) The Logic of the English Progressive. *Linguistic Inquiry*, 13 (1), 38—50.
- Langacker, Ronald W. (1991) *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Langacker, Ronald W. (1999) The Contextual Basis of Cognitive Semantics. In Nuyts, Jan, & Pederson, Eric. (eds.) *Language and Conceptualization*. GB: Cambridge University Press, 229—252. (Language, Culture and Cognition; 1) doi: 10.1017/CBO9781139086677.010.
- Tomasello, Michael, Carpenter, Malinda. (2006) Shared Intentionality. *Developmental Science*, 10 (1), 121—125. doi: 10.1111/j.1467-7687.2007.00573.x.
- Tomasello, Michael. (2009) *Why We Cooperate*. Cambridge: Cambridge University Press. doi: 10.7551/mitpress/8470.001.0001.
- Wierzbicka, Anna. (1996) *Semantics: Primes and Universals*. Oxford: Oxford University Press. doi: 10.1017/S0022226797326899.

Словари / Dictionaries

- CD — Cambridge Dictionary. (2020, March 30). Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/>.
- Collins — Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary [Электронный ресурс] // Словарь АБВУ Lingvo x6 Многоязычная профессиональная версия, 2014. CD-ROM.
- Dictionary.com (2020, March 30). Retrieved from <http://www.dictionary.com/>.
- EOLD — English Oxford Living Dictionaries (2020, March 30). Retrieved from <https://en.oxforddictionaries.com>.
- Farlex — TheFreeDictionary by Farlex (2020, March 30). Retrieved from <https://www.thefreedictionary.com/>.
- Macmillan — Macmillan Dictionary (2020, March 30). Retrieved from <https://www.macmillandictionary.com>.
- OLD — Oxford Learner's Dictionaries (2020, March 30). Retrieved from <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>.

Источники языкового материала / Language material resources

- COCA — Corpus of Contemporary American English (2020, March 29). Retrieved from <https://www.english-corpora.org/coca/>.
- iWeb — The iWeb Corpus (2020, March 28). Retrieved from <https://corpus.byu.edu/iweb/>.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378;81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-117-131

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ КАК ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ПЕРЕВОДА

А. В. Иванов, В. В. Сдобников

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье рассматривается формирование переводческих компетенций как основная задача преподавателя перевода. На основе определения компетенции и исходя из современных реалий переводческой профессии, предлагается модель профессиональной переводческой компетенции как общей способности осуществлять перевод, включающая специальные компетенции: коммуникативную компетенцию, лингвистическую компетенцию, текстовую компетенцию, технологическую компетенцию, социокультурную компетенцию, инструментальную компетенцию, переводоведческую компетенцию, этическую компетенцию. Авторы утверждают, что все специальные компетенции взаимосвязаны, а их совокупность определяет характер профессиональной личности переводчика.

Ключевые слова: переводческая компетенция; переводческая деятельность; профессиональное мышление переводчика; преподаватель перевода.

Development of Translator Competences as the Main Task of Translator Trainers

Andrey V. Ivanov, Vadim V. Sdobnikov
Dobrolyubov State Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia

The article discusses development of translator competences as the main task of translator trainers. Based on the accepted definition of the notion of “competence” and the modern reality of the profession, the authors propose a model of professional translator competence as the general ability to perform translation/interpreting which includes specific competences: communicative competence, linguistic competence, textual competence, technological competence, socio-cultural competence, instrumental competence, theoretical competence, and ethical competence. The authors argue that all specific competences are interconnected, and their combination determines the character of the professional personality of a translator / interpreter.

Key words: translator competence; translation activity; translator's professional mentality; translator trainer.

1. Введение

В условиях глобализации и расширения международных контактов практически во всех сферах жизни потребность в переводчиках заметно возросла. Нет никаких оснований надеяться на то, что в результате развития новых информационно-коммуникационных технологий, в частности систем автоматического (машинного) перевода, машины заменят человека при осуществлении перевода, о чем убедительно пишет Е. А. Княжева в своей статье (Княжева 2020). И вовсе не случайно в современной переводоведческой литературе столь большое внимание уделяется проблеме подготовки квалифицированных, профессиональных переводчиков в целом и, в частности, проблеме формирования компетенций, набор которых позволяет успешно осуществлять переводческую деятельность. Собственно, эти проблемы трудно отнести к разряду новых: вопросы подготовки переводчиков рассматривались и в XX веке, и еще раньше, в XVIII веке, прежде всего в практическом аспекте, без сугубого теоретизирования, что было вполне естественно в условиях, когда переводчики были немногочисленны, а сама переводческая профессия считалась элитарной. Ситуация изменилась сравнительно недавно, и вопрос «Что должен знать и уметь переводчик?» приобрел особую актуальность. Именно от ответа на этот вопрос зависит качество перевода. Как пишет А. Н. Усачева, «проблема качества деятельности переводчиков и производимого ими переводческого продукта беспокоит как сообщество заказчиков, так и профессиональное сообщество переводчиков, хотя консенсуса в трактовке данного понятия до сих пор не существует — качество для кого, по каким критериям оценивать качество?» (Усачева 2016: 43—44). Более того, от ответа на вопрос о компетенциях переводчика будет зависеть, насколько вузы будут в дальнейшем справляться со своей миссией подготовки профессиональных переводчиков.

Четкое представление о наборе и характере переводческих компетенций, формируемых в процессе профессиональной подготовки переводчиков, особенно необходимо именно тем, кто эту подготовку, собственно, и обеспечивает, то есть преподавателям перевода. Несомненно, каждый преподаватель, организуя аудиторную и внеаудиторную работу будущих переводчиков, должен осознавать, какие умения и навыки будут сформированы в результате разных форм такой работы и каким образом они будут использованы в дальнейшей профессиональной деятельности студентов.

2. Материал и методы исследования

Для ответа на поставленный во Введении вопрос необходимо провести анализ различных точек зрения на проблему определения переводческих компетенций, высказанных как отечественными, так и зарубежными переводоведами. Особенно эффективным методом анализа может быть при оценке воззрений ученых, которые одновременно являются преподавателями перевода и переводчиками-практиками, то есть людьми, способными соотнести условия подготовки переводчиков с требованиями самой переводческой отрасли, для которой переводчики, собственно, и готовятся. Именно этот материал содержит в себе указания не только на возможный перечень компетенций, которыми должен обладать переводчик, но и на способы формирования этих компетенций.

3. Результаты исследования

3.1. Проблема определения профессионального переводческого мышления

В качестве основной задачи, если угодно, конечной цели, преследуемой процессе подготовки переводчиков, мы постулируем формирование у студентов так называемого профессионального переводческого мышления. Можно попытаться определить переводческое мышление, что называется, «от противного»: при отсутствии такого мышления перевод представляется как своего рода «языковая игра», в ходе которой воспроизводятся значения слов, а одни синтаксические конструкции заменяются (в лучшем случае!) синтаксическими конструкциями другого языка. И так предложение за предложением. При этом сам переводимый текст не воспринимается как инструмент коммуникации между носителями исходного языка, а текст перевода не воспринимается как инструмент межъязыковой и межкультурной коммуникации. О. В. Петрова весьма подробно объясняет, что значит «формировать у студентов переводческое мышление». Это значит «учить начинать работу с любым текстом с анализа, с того, чтобы понять, для чего текст был создан (или создается в данный момент), на кого он ориентирован, для чего и для кого он переводится, в каком контексте он воспринимается адресатом в оригинале и в каком — получателями перевода и т. д. Учить выделять существенные и несущественные компоненты (аспекты), чтобы понять, чем при необходимости можно пожертвовать, а что нужно передать при любых обстоятельствах. Учить — и это чрезвычайно важно! — выделять те места в тексте, для понимая (и, как следствие, перевода) которых им недостает какой-то информации» (Петрова 2018: 42). У читателя может возникнуть ощущение, что формирование переводческого мышления сводится к обучению переводческому анализу текста

как такового. Отчасти это действительно так. Но только отчасти. Столь пространная цитата потребовалась нам для того, чтобы показать, что на самом деле наличие переводческого мышления предполагает погружение в коммуникативную ситуацию осуществления перевода, предваряемое погружением в коммуникативную ситуацию, в которой был создан оригинал. Ранее мы уже писали о том, что в процессе обучения нужно выработать у студентов «привычку соотносить содержание текста с коммуникативной ситуацией, в которой текст был создан, то есть вписывать текст в коммуникативную ситуацию, нужно научить их определять цель перевода и возможные ожидания получателей перевода, нужно научить их работе с текстом как с инструментом, обеспечивающим коммуникацию» (Петрова, Сдобников 2012: 76). Если сказанное рассматривать как содержание переводческого анализа текста / ситуации, то очевидно, что сами рамки такого анализа сильно расширяются: он перестает включать рассмотрение только лингвистических факторов, или аспектов, то есть того языкового материала, из которого создан текст (как это обычно бывает при использовании сугубо лингвистического подхода), но включает и рассмотрение экстралингвистических факторов, а по сути, анализ коммуникативного акта с использованием перевода. Вполне закономерно В. Б. Кашкин предлагает анализировать коммуникативное событие по формуле Г. Лассвелла: *Who says what to whom in which channel with what effect?* (Кашкин 2007: 233). Эту же формулу можно применить и для анализа коммуникативного акта с использованием перевода, то есть переводческого события, но с некоторыми дополнениями в виде установления цели осуществления перевода, потребностей и ожиданий получателей перевода, характера коммуникативного воздействия, которое текст перевода должен оказать на своих получателей. В значительной степени профессиональное переводческое мышление воплощается в одной из компетенций, о которой речь пойдет ниже, а именно в коммуникативной компетенции.

3.2. Проблема определения переводческих компетенций

3.2.1. Определение понятия «компетенция»

Понятие «компетенция» сейчас используется в системе образования широко, но в интересах нашего исследования возникает необходимость дать ему точное определение. Без этого дальнейшие рассуждения о видах переводческих компетенций будут недостаточно понятными либо неточными.

М. Р. Эсфандиари и его коллеги, ссылаясь на М. ван Клинка и Дж. Буна, указывают, что компетенция представляет собой определенное связующее звено между требованиями, возникающими в системе образования, и требованиями профессии (Esfandiari: 2019: 2). Они принимают определение компетенции, предложенное Ф. Ласниером: «Компетенция —

это сложное ноу-хау по осуществлению деятельности, основанное на интеграции, мобилизации и организации сочетания умений и навыков (которые могут быть когнитивными, аффективными, психомоторными или социальными) и знаний (декларативное знание), эффективно используемых в ситуациях, обладающих общими характеристиками» (перевод наш — *Авт.*) (Esfandiari: 2019: 2). Определение компетенции, предложенное Дороти Келли, отличается от предыдущего большей степенью обобщенности, но не противоречит ему. Д. Келли рассматривает компетенцию как «сочетание умений, знаний, склонностей и установок, которое включает также готовность учиться и ноу-хау» (перевод наш — *Авт.*) (Kelly 2005: 33). Именно это определение мы и примем в качестве основного.

3.2.2. Компетенции профессионального переводчика

3.2.2.1. Совокупность переводческих компетенций

Вполне очевидно, что рассуждая о характеристиках переводчика, обеспечивающих успешное осуществление им переводческой деятельности, есть смысл вести речь только о некоей *совокупности* компетенций. В качестве примера можно привести модель переводческой компетенции, разработанную группой РАСТЕ (Researching Translation Competence 2017: 38—40). По мнению членов группы, переводческая компетенция включает пять субкомпетенций:

1) билингвальная субкомпетенция: способность осуществлять коммуникацию на двух языках, включающая умение избегать интерференции при переходе с одного языка на другой; к числу компонентов данной компетенции относятся прагматический, социолингвистический, текстуальный и лексико-грамматический компоненты. По сути, речь идет как о собственно владении языком (лексико-грамматический компонент), так и о способности продуцировать тексты (текстуальный компонент), соответствующие условиям коммуникации (прагматический и социолингвистический компоненты);

2) экстралингвистическая субкомпетенция: наличие знаний о мире вообще, о двух культурах, энциклопедические знания и знание предметной области;

3) переводоведческая компетенция: наличие знаний о переводе как деятельности и о переводческой профессии;

4) инструментальная субкомпетенция: умение использовать источники информации (словари, энциклопедии, параллельные тексты) и информационно-коммуникационные технологии (электронные корпуса текстов, поисковые системы и т. п.);

5) стратегическая субкомпетенция: умение планировать и реализовывать переводческий проект, используя наиболее подходящий метод,

оценивать результаты переводческого процесса, задействовать различные субкомпетенции и устранять их несовершенства, определять переводческие проблемы и находить способы их решения. В рамках данной модели стратегическая субкомпетенция рассматривается как основная, поскольку благодаря ей устанавливаются связи между всеми субкомпетенциями и осуществляется контроль за процессом перевода. Пять субкомпетенций дополняются психофизиологическими компонентами, такими как память, восприятие, внимание, эмоции, любознательность, вера в собственные способности, мотивация, логическое мышление и т. п. (Researching Translation Competence 2017: 39—40).

Следует признать, что термины «способность человека осуществлять перевод на профессиональном уровне в качестве «компетенции» и обозначение ее составляющих в качестве «субкомпетенций» представляются не совсем удобными. По нашему мнению, целесообразно выделять отдельные компетенции, называя их именно таким образом. При этом наиболее комплексной оказывается «билингвальная компетенция», поскольку, как мы уже отмечали, она включает не только способность осуществлять коммуникацию на двух языках, но и способность к продуцированию текстов, удовлетворяющих определенным требованиям. Последнюю способность иногда выделяют в качестве отдельной компетенции, что кажется вполне разумным, и именуют текстовой компетенцией, хотя и наделяют ее несколько иным содержанием (Методические основы 2007: 146).

Модель переводческой компетенции группы РАСТЕ охватывает почти все качества, которыми должен обладать профессиональный переводчик. Однако несколько смущает чрезмерная детализированность представленной классификации и особенно очевидная неоднородность компонентов, входящих в разные «субкомпетенции». Представляется более удобным оперировать исключительно термином «компетенция», называя общую способность осуществлять перевод «профессиональной переводческой компетенцией», а ее составляющие — компетенциями, и объединить все необходимые умения, навыки и знания переводчика в специальные компетенции. К числу подобных компетенций мы относим: *коммуникативную компетенцию (1), лингвистическую компетенцию (2), текстовую компетенцию (3), технологическую компетенцию (4), социокультурную компетенцию (5), инструментальную компетенцию (6), переводоведческую компетенцию (7)*. Группа РАСТЕ ничего не пишет о необходимости соблюдения переводчиком норм переводческой этики. Мы же считаем важным подчеркнуть и этот компонент профессиональной компетенции переводчика, выделив *этическую компетенцию (8)*, ибо вполне очевидно, что отсутствие владения нормами переводческой этики способно весьма

негативно повлиять на результаты осуществления переводчиком его профессиональной деятельности, на его статус в переводческом сообществе.

3.2.2.2. Коммуникативная компетенция переводчика

Наличие коммуникативной компетенции предполагает способность переводчика воспринимать акт перевода в рамках определенной коммуникативной ситуации, как переводческое событие, именно как акт межъязыковой коммуникации, о чем мы уже писали выше. Говоря о коммуникации вообще, Д. Н. Шлепнев чрезвычайно четко определил ее основную характеристику: «Коммуникация осуществляется не в вакууме, а всегда в *определённых конкретных условиях. Кто, где, когда, при каких обстоятельствах, в рамках каких социальных отношений, в какой среде, зачем, почему* (курсив авторов — Авт.)... Все это оказывает влияние на процесс коммуникации, на самих участников, на построение сообщения и на его понимание. Эти факторы нельзя не учитывать — и прежде всего нам как переводчикам» (Шлепнев 2020: 52). Это же положение следует экстраполировать и на переводческое событие, в рамках которого переводчик должен задать все те же вопросы и найти на них ответы. Следует отметить, что просто знать, что в процессе анализа текста / ситуации нужно задаться соответствующими вопросами, явно недостаточно. Необходима прежде всего психологическая готовность производить подобный анализ, нацеленность на нахождение ответов на вопросы, которые помогают переводчику понять «Зачем я здесь? Для кого я осуществляю перевод? С какой целью?». Иначе говоря, коммуникативную компетенцию как всякую компетенцию нужно развивать, имея в виду и определенные личностные качества будущего переводчика. Коммуникативная компетенция соотносится определенным образом с тем, что группа РАСТЕ называет стратегической компетенцией. В нашем представлении выбор стратегии перевода, конкретного подхода к его осуществлению и метода перевода следует рассматривать как реализацию коммуникативной компетенции, то есть результат переводческого анализа текста / ситуации; по нашему мнению, она не оформляется в виде отдельной компетенции.

3.2.2.3. Лингвистическая компетенция переводчика

На первый взгляд, наличие лингвистической компетенции предполагает достаточно свободное владение как родным языком, так и иностранным. Иностранному языку учат как будущих педагогов, так и будущих переводчиков; в последнее время им охотно овладевают и представители других профессий. Однако важно понимать, что владение иностранным языком переводчиками должно отличаться от владения иностранным языком педагогами, и обучать ему нужно по-разному. Как пишет И. Ю. Зиновьева, «если для педагога иностранный язык — это то, чему он должен научить других,

то для переводчика это орудие труда... Переводчику...важно не столько понимать (и тем более — быть в состоянии объяснить) механизмы тех или иных языковых процессов, сколько уметь этими механизмами пользоваться и воспринимать семантику всех языковых форм» (Зиновьева 2017: 199—200). Вместе с тем нет сомнения в том, что владение иностранным языком по-переводчески, а также высокий уровень владения родным языком — непеременимые компоненты лингвистической компетенции переводчика. Ибо известно, что значительная часть переводческих ошибок разных типов допускаются переводчиками именно из-за неуверенного владения языком оригинала или языком перевода, и ошибки эти возможны как на этапе восприятия исходного текста, так и на этапе создания переводного текста.

3.2.2.4. Текстовая компетенция переводчика

Ориентируясь на установки группы РАСТЕ, а также на собственный опыт преподавания перевода, под текстовой компетенцией мы понимаем способность продуцировать текст (на родном или иностранном языках), соответствующий условиям данного коммуникативного акта и цели осуществления перевода. В качестве компонентов текстовой компетенции можно выделить способность обеспечить когерентность текста, способность решать прагматические проблемы, знание различных жанров текстов и различий между этими жанрами в разных языках, то есть знание жанровых конвенций разных языков, владение языковыми регистрами и диалектами.

3.2.2.5. Технологическая компетенция переводчика

Технологическая компетенция относится к числу наиболее специфичных переводческих компетенций. Как правило, именно она подразумевается, когда речь идет об «умении переводить», то есть о владении самой *технологией* перевода. Технологическая компетенция подразумевает умение переключаться с одного языка на другой таким образом, чтобы выразить воспринятую в оригинале мысль средствами, наиболее приемлемыми с точки зрения нормы и узуса переводящего языка (здесь мы усматриваем связь с лингвистической компетенцией), умение находить оптимальные решения переводческих проблем, не вступая при этом в противоречие с жанровыми конвенциями переводящего языка (связь с текстовой компетенцией). Собственно, именно на развитие технологической компетенции и было направлено обучение в рамках традиционного подхода к подготовке переводчиков. Мы же утверждаем, что при всей важности обучения собственно технологии перевода этого явно недостаточно для подготовки профессионального переводчика.

3.2.2.6. Социокультурная компетенция переводчика

Социокультурная компетенция означает знание переводчиком особенностей культур языков, с которыми он работает, и умение использовать

это знание в процессе осуществления профессиональной деятельности. Утверждение, что перевод — это не только столкновение двух языков, но и столкновение двух культур, стало аксиомой в переводоведении, особенно со времен так называемого «культурного поворота» (Прунч 2015: 320; Snell-Hornby 2006: 47—68). Определение «социокультурный» потребовалось нам в связи с тем, что «знание культур» предполагает не только знание реалий той или иной культуры, но и знание социальной структуры определенного общества, различий в социальных структурах разных обществ, в мировоззренческих установках представителей не просто разных культур, но и разных социальных слоев в пределах одной культуры, что может стать значимым в процессе перевода.

3.2.2.7. Инструментальная компетенция переводчика

Инструментальная компетенция переводчика стала особенно важной в последнее время в связи с развитием новых информационно-коммуникационных технологий, использование которых является сейчас неотъемлемой частью переводческого процесса, причем как в письменном переводе, так и в устном. Отмечая широкое распространение информационных технологий в переводе, Ив Гамбье пишет: «...можно предположить, что скоро настанет время, когда участие переводчика-человека сведется к осуществлению постредактирования машинного перевода или к выполнению перевода, требующего высокого качества, например, перевода рекламных материалов, художественных текстов или юридических документов» (перевод наш — *Авт.*) (Gambier 2019: 350). К настоящему времени написано немало работ, посвященных не только особенностям использования ИКТ в переводе, но и проблемам обучения будущих переводчиков тому, как пользоваться технологиями (Орёл 2010; Подготовка переводчиков 2017). Можно отметить, что в настоящее время значительное количество переводческих школ не только за рубежом, но и в России рассматривают развитие инструментальной компетенции в качестве если не основной, то достаточно важной задачи, справедливо полагая, что таким образом повышается конкурентоспособность их выпускников на рынке труда.

3.2.2.8. Переводоведческая компетенция переводчика

Вполне очевидно, что переводоведческая компетенция переводчика предполагает знание теории перевода. И вот здесь-то мы сталкиваемся с ситуацией, в которой это требование воспринимается весьма неоднозначно. Многие переводчики-практики считают, что теория перевода вовсе не нужна для осуществления практической переводческой деятельности. Правда, некоторые из них все-таки признают важность теории перевода. Переводоведы и вслед за ними большинство преподавателей вузов не сомневаются в необходимости ознакомления студентов с постулатами тео-

рии перевода. При этом никто, к сожалению, не говорит о том, что само представление о теории перевода очень разное у разных переводчиков и преподавателей перевода (читай — теоретиков). Представление первых определяется тем, чему их самих учили в университете (если учили). Представление вторых определяется тем же плюс собственными пристрастиями к определенным переводоведческим концепциям. Не говоря уже о таком обстоятельстве, как попытки совместить собственные сугубо лингвистические изыскания ученых-преподавателей с переводоведческой проблематикой, которая в последние десятилетия стала просто модной (на эту тему см. статью Д. М. Бузаджи и В. К. Ланчикова (Бузаджи, Ланчиков 2012: 42—56). В качестве одного из основных недостатков многих переводоведческих работ и, соответственно, курсов теории перевода исследователи отмечают разрыв между теорией и практикой (Бузаджи, Ланчиков 2012: 48). О том же пишет и Д. Н. Шлепнев, рассматривая цели теории перевода как учебной дисциплины. По его мнению, есть два пути преподавания теории перевода: путь первый: «Обзор существующих теорий, концепций, моделей... Кто, как и что переводил. Кто какую теорию выдвинул. Кто какую классификацию произвел». Путь второй: «...попытка указать на те существенные моменты в переводческой деятельности, осознание которых необходимо переводчику для практической работы» (Шлепнев 2020: 9). Исследователь вполне справедливо полагает, что «в начале... переводческой подготовки нужнее все-таки второй путь. *Что полезно понимать переводчику, в чем полезно отдавать себе отчет, на что обращать внимание...*» (курсив авторов — Авт.) (Шлепнев 2020: 12). Итак, знание теории перевода необходимо переводчику, только это знание не должно быть схоластическим; благодаря своей ориентированности на практику перевода оно должно обеспечивать эффективность осуществления переводчиком его практической деятельности.

Заметим, что члены группы РАСТЕ включают в переводоведческую компетенцию и знание переводчиком рынка труда (Researching Translation Competence 2017: 40). Следует согласиться с тем, что знание рынка, умение строить отношения с заказчиком, а также с коллегами являются как минимум непременным условием востребованности самого переводчика, а как максимум — условием выполнения им переводческой миссии и — шире — повышения престижа переводческой профессии.

3.2.2.9. Этическая компетенция переводчика

Этическая компетенция переводчика тесно связана с переводоведческой компетенцией, по крайней мере, с той ее составляющей, которая предполагает знание о том, как эффективно устанавливать отношения переводчика с заказчиком, участниками переводческого события и с колле-

гами. При всей важности этой составляющей переводческой компетенции в переводоведческой литературе ей уделяется недостаточное внимание (впрочем, отдельные немногочисленные примеры упоминания этого аспекта переводческой деятельности все же существуют (см., например, в [Тюленев 2004: 320—321])). Как ни странно, не теоретики, а именно практики перевода начинают обращать внимание на то, что система профессиональной подготовки переводчиков должна включать и такой компонент, как выработка глубокого понимания профессиональной этики (Baker, Maier 2011: 2). И в России основные этические требования к переводчику были разработаны именно в профессиональной переводческой среде, примером чего является «Этический кодекс переводчика» (Этический кодекс). Из чего следует, что сама переводческая отрасль предъявляет определенные требования к тем, кто в нее вливается или пытается влиться. В этой связи нужно отдать должное университетам, которые в свои учебные планы включили раздел «Этика перевода» (см., например, содержание магистерской программы «Устный перевод», реализуемой в НГЛУ (Устный перевод). Формы воспитания этического отношения к профессии и к отношениям внутри профессии могут быть разными и заслуживают отдельного рассмотрения.

3.2.3. Взаимосвязь компетенций в рамках общей модели

Как мы уже отмечали, отдельные компетенции в рамках глобальной переводческой компетенции взаимосвязаны и образуют своего рода систему, или модель. Несомненно, ведущей компетенцией является коммуникативная компетенция, которая образует основу переводческой компетенции и обеспечивает возможность эффективного использования всех прочих компетенций. Другими словами, без умения ориентироваться в коммуникативной ситуации и в круге общих задач, подлежащих решению в процессе перевода, способности осознать цель перевода и учесть потребности получателей перевода использование прочих компетенций вряд ли будет успешным, даже если таковые и наличествуют у переводчика. Данная компетенция тесно связана с переводоведческой компетенцией: осознание сущности перевода как деятельности, вырабатываемое, например, в рамках курса теории перевода, необходимо для дальнейшего развития коммуникативной компетенции. В свою очередь, и этическая компетенция связана как с коммуникативной компетенцией, так и с переводоведческой. В конце концов, ответ на вопрос «Почему я должен вести себя именно таким образом?» определяется пониманием своей роли в рамках коммуникативного акта и сущности перевода как такового, а также особенностей определенного вида перевода, который в данный момент осуществляется. Успешность осуществления перевода, то есть реализация коммуникативной ком-

петенции, невозможна без наличия социокультурной компетенции, то есть понимания культурных различий между разноязычными коммуникантами и их особенностей, определяемых их принадлежностью к определенной социальной или профессиональной группе (что особенно важно при осуществлении так называемого социального перевода, *community interpreting*). А сама по себе технологическая компетенция не имеет смысла, если переводчик не обладает прочими компетенциями: сама по себе передача содержания текста средствами переводящего языка очень часто еще не означает выполнения основной переводческой задачи — обеспечить коммуникацию между разноязычными коммуникантами и удовлетворить потребности получателей перевода.

Вместе с тем следует признать, что степень, в которой может быть использована та или иная компетенция, бывает разной в зависимости от вида выполняемого перевода. На эту мысль наводит анализ соответствующих разделов проекта профессионального стандарта «Переводчик», разработанного рабочей группой специалистов из Московского государственного лингвистического университета и Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова (Проект профессионального стандарта). Вместе с тем этот стандарт, в случае его принятия, станет надежным ориентиром для организаторов переводческой подготовки с точки зрения выделения совокупности компетенций, которыми должны овладеть студенты в рамках определенных переводческих дисциплин. По сути, в нем заложены все перечисленные нами переводческие компетенции. Так, в перечне знаний и умений, необходимых для выполнения трудовой функции «Осуществление устного последовательного перевода в бытовой сфере», значатся следующие умения: «Оценивать особенности коммуникативной ситуации, в которой осуществляется перевод» (коммуникативная компетенция), «Владеть техническими приемами последовательного перевода» (технологическая компетенция), «Владеть функциональными стилями речи в исходном и переводящем языках» (лингвистическая компетенция и текстовая компетенция); необходимые умения: «Рабочие языки на профессиональном уровне» (лингвистическая компетенция), «Особенности лингвокультур исходного и переводящего языков» (социокультурная компетенция), «Основы переводческой этики» (этическая компетенция). К числу других характеристик переводчика здесь отнесена «Способность к быстрому переключению между рабочими языками» (технологическая компетенция). Для такой трудовой функции, как «Осуществление письменного перевода официальных, деловых и технических документов», выделяются, в частности, умения: «Применять средства автоматизированного и автоматического перевода» (инструментальная компетенция).

ция), «Оформлять текст перевода в соответствии с принятыми в переводящем языке нормами и требованиями заказчика» (текстовая компетенция), а также необходимые знания: «Теория перевода и терминоведение» (переводоведческая компетенция), «Этические и правовые нормы в области профессионального перевода» (этическая компетенция). Таким образом, сам характер переводческой деятельности, осуществляемой в разных условиях и в отношении разных текстов (видов перевода), определяет естественное объединение разных компетенций и их взаимосвязь.

4. Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что перед преподавателем перевода стоит многоаспектная задача формирования целой системы компетенций будущего переводчика, обеспечивающей наличие у него профессионального переводческого мышления. Многоаспектность деятельности преподавателя перевода подтверждается предложенной нами моделью, включающей профессиональную переводческую компетенцию как общую способность осуществлять перевод и специальные компетенции. Разные по своему характеру, направленные на решение неодинаковых задач, возникающих в процессе осуществления перевода, специальные компетенции, однако, тесно связаны друг с другом: развитие одной компетенции является непременным условием развития прочих компетенций, и прежде всего — коммуникативной компетенции, непременной в деятельности переводчика. Именно совокупность указанных компетенций и степень их развитости и определяет характер личности переводчика как личности профессиональной.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00149.

Список литературы / References

- Бузаджи Д. М., Ланчиков В. К. Скорбный список. О бедах современного переводоведения // Мосты. Журнал переводчиков. 2012. №4(36). С. 42—56. [Buzadzhi, Dmitriy M., & Lanchikov, Viktor K. (2012) Skorbnyy spisok. O bedakh sovremennogo perevodovedeniya (Mournful list. About the Troubles of Modern Translation Studies). *Mosty (Bridges)*, 4 (36), 42—56. (In Russian)].
- Зиновьева И. Ю. Стратегии обучения будущих переводчиков иностранным языкам // Методические основы подготовки переводчиков: обобщение опыта: Монография / Под общ. ред. В. В. Сдобникова. Нижний Новгород: НГЛУ, 2017. С.199—236. [Zinovieva, Irina Yu. (2017) Strategii obucheniya budushchikh perevodchikov inostrannym yazykam (Strategies for Teaching Future Translators in Foreign Languages). In Sdobnikov, Vadim V. (ed.) *Metodicheskiye osnovy podgotovki*

- perevodchikov: obobshcheniye opyta* (Methodological Bases for Training Translators: Summarizing Experience). Nizhny Novgorod: LUNN, 199—236. (In Russian)].
- Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации: Краткий курс. М.: АСТ: Восток—Запад, 2007. [Kashkin, Vyacheslav B. (2007) *Osnovy teorii kommunikatsii: Kratkiy kurs* (Fundamentals of the Theory of Communication: A Short Course). Moscow: AST: Vostok — Zapad. (In Russian)].
- Княжева Е. А. О переводе и переводчике во время перемен // Мосты. Журнал переводчиков. 2020. № 1(65). С. 4—16. [Knyazheva, Yelena A. (2020) О perevode i perevodchike vo vremya peremen (About Translation and Translator During Changes). *Mosty* (Bridges), 1 (65), 4—16. (In Russian)].
- Методические основы подготовки переводчиков: нижегородский опыт: коллективная монография / Под общ. ред. В. В. Сдобникова. Нижний Новгород: НГЛУ, 2007. [Sdobnikov, Vadim V. (ed.) (2007) *Metodicheskiye osnovy podgotovki perevodchikov* (Methodological Bases for Training Translators: Nizhny Novgorod Experience). Nizhny Novgorod: LUNN. (In Russian)].
- Орёл М. А. Программа курса «Информационно-коммуникационные технологии в переводе» // Проблемы перевода и переводоведения: сб. науч. ст. Серия «Язык. Культура. Коммуникация», вып. 13. Нижний Новгород: НГЛУ, 2010. С. 169—192. [Orel, Maksim A. (2010) Programma kursa “Informatsionno-kommunikatsionnyye tekhnologii v perevode” (Course program “Information and Communication Technologies in Translation”). In Sdobnikov, Vadim V. (ed.) *Problemy perevoda i perevodovedeniya* (Problems of Translation and Translation Studies). Nizhny Novgorod: LUNN, 169—192. (In Russian)].
- Петрова О. В. Кто виноват и что делать, или почему падает уровень переводов // Подготовка переводчиков. Размышления преподавателя перевода. М.: Р.Валент, 2018. С. 35—47. [Petrova, Olga V. (2018) Kto vinovat i chto delat', ili pochemu padayet uroven' perevodov (Who is to blame and what to do, or why the Level of Translations is falling). In Petrova, Olga V. *Podgotovka perevodchikov. Razmyshleniya prepodavatelya perevoda* (Training Translators. Reflections of a Translation Teacher). Moscow: R. Valent, 35—47. (In Russian)].
- Петрова О. В., Сдобников В. В. О зеленом соке и соленом электричестве. Чему и как учить будущих переводчиков // Мосты. Журнал переводчиков. 2012. № 1(33). С. 69—76. [Petrova, Olga V., & Sdobnikov, Vadim V. (2012) О zelenom soke i soenom elektrichestve. Chemu i kak učit' budushchikh perevodchikov (About Green Juice and Salty Electricity. What and How to teach Future Translators). *Mosty* (Bridges), 1 (33), 69—76. (In Russian)].
- Подготовка переводчиков в условиях современного рынка труда: колл. монография / Под общ. ред. Л.А. Борисовой, Е.А. Княжевой. М.: Р.Валент, 2017. [Borisova, LidyaA., & Knyazheva, YelenaA. (eds.) (2017) *Translators' Training in the Modern Labor Market*. Moscow: R. Valent. (In Russian)].
- Проект профессионального стандарта «Переводчик» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.linguanet.ru/upload/medialibrary/09e/09e6a1fe4fa3a8223090d03a8e2ef1bb.pdf> (дата обращения: 22.10.2020). [A Draft of the Professional Standard “Translator” (2020, October 22). Retrieved from <https://www.linguanet.ru/upload/medialibrary/09e/09e6a1fe4fa3a8223090d03a8e2ef1bb.pdf>. (In Russian)].

- Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М.: «Р.Валент», 2015. [Prunč, Erich. (2015) *Entwicklungsliniender Translationswissenschaft. Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht*. Moscow: R. Valent. (In Russian)].
- Тюленев С. В. Теория перевода: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2004. [Tyulenev, Sergey V. (2004) *Teoriya perevoda: Uchebnoye posobiye*. (Translation Theory: Textbook). Moscow: Gardariki. (In Russian)].
- Усачева А. Н. Конференц-переводчик — гибридный агент дискурса // Переводчик XXI века — агент дискурса / Под ред. В.А. Митягиной, А.А. Гуреевой. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. С. 43—66. [Usacheva, Alexandra N. (2016) *Konferents-perevodchik — gibridnyy agent diskursa* (Conference Interpreter — A Hybrid Discourse Agent). In Mityagina, Vera A., & Gureyeva, Anna A. (eds.) *Perevodchik XXI veka — agent diskursa* (Translator of the 21st century — A Discourse Agent. Moscow: Flinta: Nauka, 43—66. (In Russian)].
- Устный перевод (английский язык) [Электронный ресурс] // URL: <https://lunn.ru/programs/5391> (дата обращения: 22.10.2020). [Interpretation Course (English) (2020, October 22). Retrieved from <https://lunn.ru/programs/5391>. (In Russian)].
- Шлепнев Д. Н. Теория перевода: введение в ремесло. М.: Р.Валент, 2020. [Shlepnev, Dmitriy N. (2020) *Teoriya perevoda: vvedeniye v remeslo* (Translation Theory: an Introduction to the Craft). Moscow: R. Valent. (In Russian)].
- Этический кодекс переводчика [Электронный ресурс] // URL: <http://translation-ethics.ru/code/> (дата обращения: 22.10.2020). [Code of Ethics for Translators (2020, October 22). Retrieved from <http://translation-ethics.ru/code/>. (In Russian)].
- Albir, Amparo Hurtado. (ed.) (2017) *Researching Translation Competence by PACTE Group*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Baker, Mona, & Maier, Carol. (2011) Ethics in Interpreter & Translator Training. Critical Perspectives. *The Interpreter and Translator Trainer*, 5(1), 1—14.
- Esfandiari, Mohammad Reza; Shokrpour, Nasrin, & Rahimi, Forough. (2019) An Evaluation of the EMT: Compatibility with the professional translator's needs. *Cogent Arts & Humanities*, 6, 1—17.
- Gambier, Ives. (2019) Impact of Technology on Translation and Translation Studies. *Russian Journal of Linguistics*, 23, 2, 344—361.
- Kelly, Dorothy. (2005) *A Handbook for Translator Trainers: A Guide to Reflective Practice*. Manchester: St. Jerome.
- Snell-Hornby, Mary. (2006) *The Turns of Translation Studies. New Paradigms or Shifting Viewpoints?* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-132-137

ЯЗЫК, МЫШЛЕНИЕ И ОБЪЕКТИВНЫЙ МИР В ТРАКТОВКЕ Г. В. КОЛШАНСКОГО

Т. А. Басова, Т. Н. Федуленкова

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия

Рецензия на кн.: *Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке.* М.: URSS, ЛИБРОКОМ, 2018. 120 с. (Лингвистическое наследие XX века) ISBN 978-5-397-05605-2.

Соотношение языка и мышления, выражения действительности через них, объективного и субъективного в языковом полотне было и остается предметом множества лингвистических трудов, стремящихся приблизиться к истине через разные подходы к анализу мыслительной деятельности человека и его взаимодействию с объективным миром посредством языка. Проникнутая синтезирующим, целостным подходом «Объективная картина мира в познании и языке» стала последним трудом философа и лингвиста Г. В. Колшанского, актуальность которого не теряется с течением времени: раскрытие «вечных вопросов» когнитивной и коммуникативной лингвистики — таких как характер отражения объективной реальности в языке и в сознании человека, степень правомерности гумбольдтовской «картины мира», уникальные особенности национальных языков и пр. — базируется на убеждениях автора о неразрывной связи речи и языка, глубинная суть которых тождественна, а также о важности человеческого фактора в лингвистике, при слишком радикальном отрыве от которого любые языковые исследования не были бы полноценными: именно сознание человека хранит языковые смыслы и оперирует ими; язык — это «порождение сознания мыслящего субъекта при его взаимодействии с материальным миром», который «отражает как само сознание, так и определенную объективную информацию, являясь одновременно индивидуальным и общественным» (Басова, Федуленкова 2020: 219), он есть «составная часть человеческой природы» (Колшанский 2018а: 8). Новаторские идеи автора поспособствовали формированию Школы теории текста и коммуникативной лингвистики профессора Г. В. Колшанского, представители которой

(И. Р. Гальперин, О. И. Москальская и мн. др.) обогатили научный мир множеством исследований. Творческое наследие Г. В. Колшанского по-прежнему служит основанием для анализа гносеологических вопросов когнитивной и коммуникативной лингвистики.

«Объективная картина мира в познании и языке» дает цельную картину большинства концепций автора, подытоживая его предыдущие разработки. Г. В. Колшанский стремится как можно более лаконичными и ясными доводами опровергнуть ряд воззрений, которые он всегда рассматривал не иначе как заблуждения, утверждая что: а) язык не создает объективный мир — он не первопричина, но в нем сокрыт уникальный опыт общества, зафиксирован концептуальный мир человека; б) язык не познает мир, но именно в нем закрепляются результаты познавательной деятельности человека; в) язык не создает концептуальную и языковую картину мира, лишь отображая объективную реальность; г) язык сам по себе не является ни истинным, ни ложным по отношению к объективной реальности, но всегда адекватен ей; 5) язык — это не просто знаковая система, при которой знак независим от объекта; языковые знаки имеют непосредственное отношение к закреплению объективного мира в мышлении человека. Рассмотрим эти положения подробнее.

Главной лингвогносеологической предпосылкой физической объективизации мышления посредством звукового языка Г. В. Колшанский называет становление абстрактного мышления, которое позволяет фиксировать и сортировать элементы объективного мира в виде понятий и их связей, являющихся в некотором роде «идеальными сущностями». Они стимулируют понятийное сознание, для оперирования которым нужно средство — язык. С помощью него человек производит обобщенную номинацию, или обозначение, предметов и явлений мира, «охватывая их внутреннюю всеобщность» (Колшанский 2018а: 10). Накопленные в результате этого процесса слова представляют собой определенную форму познания и складываются в язык, одновременно создавая потенциал его развития. «Генетически единый» характер процесса становления языка и мышления обуславливается тем фактом, что запечатление объективного мира автоматически ведет к речепорождению и к общению, что складывается в диалектический комплекс *мышление — язык — общение*. Сотворенные понятия ученый видит как отчужденные частицы объективного мира, а сам понятийный мир — как вторичное отражение объективного мира, но не ограниченное сознанием человека творение. Образование понятий, справедливо утверждает автор, «опирается на объективный состав реальности», поэтому идеальный мир и материальный глубинно едины; язык образует адекватную картину познания мира. Автор выступает в защиту концепции, согласно которой мышление

людей всегда сходно, на каком бы они языке ни говорили, что прослеживается в сходном характере языковой логики.

Таким образом, реализуя общественное сознание, язык не противоречит объективному миру, но фиксирует его актуальные для того или иного общества явления, образуя идеальную картину мира, под которой автор понимает общую совокупность знаний о мире. Такая совокупность динамична и развивается во времени, проходя путь от наивных представлений до точных научных формулировок, проверка адекватности которых происходит через практическую деятельность. Язык материализует понятийный мир во всем его многообразии, не будучи истинным или ложным сам по себе, но может функционировать как инструмент, позволяющий отделить истинное от ложного посредством логических операций с понятиями.

Итак, через язык, абстрактно представляющий собой понятия и их отношения, закрепляется «отражательная деятельность мышления», связанная и с физической деятельностью индивида; все пути понятийного усвоения мира человеком запечатлены в нем. Иначе говоря, это форма овладения объективным миром, а не некий особый субъективный мир. Новаторство труда Г. В. Колшанского состоит и в том, что лингвист вступает в спор с теорией Сепира—Уорфа, отвергая независимость языковой картины мира, ее отделенность от человека, ее способность преломлять мир в сознании человека через семантические особенности, детерминированные структурой самого языка. Субъективные элементы ученый предлагает скорее усматривать в экстралингвистических причинах и особенностях жизни разных обществ. «Каждый народ имеет свои особенности в социальном и трудовом опыте, что находит свое выражение в различиях лексической и грамматической номинации явлений и процессов, в сочетаемости тех или иных значений, в их этимологии», отмечает автор (Колшанский 2018а: 29); «языковая картина мира не есть собственно языковая, она — выражение познавательной деятельности различных групп людей — деятельности, обусловленной историческими, географическими, культурными и другими факторами в пределах единого объективного мира» (Колшанский 2018а: 31). Как суммирует суть данной проблемы с точки зрения Г. В. Колшанского Э. Д. Сулейменова, «картина мира объективна, картина мира познаваема, картина мира существует в познании и языке» (Сулейменова 2018: 553).

Своеобразие языковых систем выражено через комбинации значений и языковых единиц, составляющих глобальный план семантической системы в языке. Но это своеобразие не создает существенных препятствий или невозможности коммуникации между носителями разных языков, считает Г. В. Колшанский. Главный довод ученого в пользу совместимости логических и языковых систем разных языков в когнитивном аспекте заключается

в возможности перевода с одного языка на другой; данный тезис он развивал еще в труде «Соотношение субъективных и объективных факторов в языке» (Колшанский 2018б). Ученый выражает твердую уверенность в возможности добиться полной взаимопереводимости языков, несмотря на «величайшие трудности достижения адекватности перевода» (Колшанский 2018а: 35), хотя это достаточно спорный момент в теории переводоведения. Неизбежные «потери» в художественном переводе он не считает достаточно весомым аргументом, чтобы опровергнуть факт переводимости логических структур; теми или иными средствами перевод с одного языка на другой возможен в любом случае, даже если на ином языке он не будет отвечать эстетическим требованиям или иным необходимым критериям. Решающий фактор в теории языка и мышления Г. В. Колшанского — сама *возможность* стопроцентного переноса смысла, а значит, возможность языков выражать одно и то же. Сглаживание острых углов при этом должно достигаться с помощью таланта переводчика. Иными словами, своеобразие обозначений явлений, особенности семантической сетки языка, создающие лакуны могут быть компенсированы другими видами перевода (например, описательным) или другими средствами (например, грамматическими). Лакуны автор сводит к двум типам: а) семантическое несовпадение (отсутствие эквивалентных единиц, их разная этимология, влияющая на характер восприятия, номинативные, стилевые особенности и коннотации и т. д.), б) несовпадение на основе этнокультурных особенностей социума. Но ни первый тип, ни второй никогда не рассматривался ученым как непреодолимая преграда в переводе и коммуникации. Иным аргументом служит утверждение, что в человеческой истории не засвидетельствованы разногласия из-за разных языков, при которых некий элемент объективного мира воспринимался бы прямо противоположным образом, за исключением ситуаций с метафорическим смыслом.

Что же касается национальной специфики языковой картины мира, Г. В. Колшанский предлагает рассматривать ее только в виде специфики материального выражения языка, но никак не различных национальных концептуальных систем, членищих единый мир, соглашаясь с Дж. Брунером в том, что разные культуры не могут породить кардинально разные типы мышления. В пример он также приводит билингов и мультилингов, не имеющих, как он считает, сдвига в сознании относительно той или иной картины мира.

Субъективные начала языка автор усматривает не в «картине мира», а в плодах мыслительной способности человека: возможности интерпретации идей, положений, утверждений, в категории модальности и воплощении его мировоззрения в текстах, но видит в этом второстепенность по от-

ношению к первичной функции языка — материализации идеального мира. Тем не менее, и эта сторона языка не может быть чисто субъективным явлением, так как «и само мировоззрение как идеальная сущность в целом принадлежит бытию мира» (Колшанский 2018а: 56).

Ученый также резюмирует тему номинации и коммуникации, которую разрабатывал в предшествующих трудах, видя в этих понятиях нерасторжимое диалектическое единство, объединяющее познавательную и коммуникативную функции человеческого сознания: «Нельзя сообщать посредством языка что-то, что не относилось бы к миру обозначаемых вещей и, наоборот, нельзя обозначать нечто, что не может быть превращено в достояние общественного сознания», — пишет Г. В. Колшанский (2018а: 70), видя в этом процессе предпосылки для осмысленного взаимообмена информацией между людьми. Конечно, номинация вещей и явлений в разных языках может стоять на фундаменте различного человеческого опыта, экстралингвистических предпосылок и других исходных факторов, однако различная этимология не сказывается на едином для всех языков процессе отображения реальности как таковой. Очевидно, что некоторые формы языка могут не совпадать, но сопоставление, как считает Г. В. Колшанский, оправданно не на уровне его отдельных единиц, а только на уровне «всего текста соответствующего языка, который позволяет всей системой своих средств адекватно выражать познанные связи объективного мира» или «глобального текста, порождаемого всем обществом» (Колшанский 2018а: 75). На протяжении своей научной деятельности Г. В. Колшанский всегда стремился выделить общие истоки у противопоставленных в науке категорий. Не обошел он стороной и вопрос понятия (денотата) и значения (сигнификата), видя единство их сущности как формы познавательной системы человека через язык. Несмотря на то, что понятие — это скорее категория познания, его действительная «жизнь» протекает в языке, определяясь через значение.

В чем же тогда состоит человеческий фактор в языке? Г.В. Колшанский кратко выражает это как атрибут деятельности человека: человек творит языковые микромоделю, высказывания, в которых отражен его опыт, зафиксированы свойства явлений и объектов, и обогащает таким образом общество микрооткрытиями. Микромоделю полностью базируются на человеческом факторе и могут быть построены на базе отношений между языковыми единицами, допустимыми в языке. Но по своему происхождению они по-прежнему объективны.

Научный подход Г. В. Колшанского можно смело описать через высказанный им в данном труде гносеологический вывод, что именно бытие определяет сознание, т. е. объективная реальность определяет мышление и

язык, она для всех одина, и каждый отдельный язык фиксирует лишь ее вторичное, но по-прежнему объективное, отражение в индивидуальном и общественном сознании. Все эти отражения — сходны, истинны и адекватны, что позволяет успешно осуществлять как внутриязыковую, так и интернациональную коммуникацию.

Рецензируемая книга является бесспорным лингвистическим наследием XX века, призванным неустанно пробуждать творческую мысль как языковеда, так и преподавателя.

Список литературы / References

- Басова Т. А., Федуленикова Т. Н.* Объективное и субъективное в языке: синтезирующий подход Г. В. Колшанского. Рецензия на книгу: Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. Москва: КомКнига, 2018. 232 с. (Лингвистическое наследие XX века) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 1 (94). С. 219—225. [Basova, Tatiana A., Fedulenkova, Tatiana N. (2020) Ob'ektivnoe i subektivnoe v yazyke: sinteziruyushchij podhod G. V. Kolshanskogo. [Recenziya na knigu:] Kolshanskij G. V. Sootnoshenie sub'ektivnyh i ob'ektivnyh faktorov v yazyke (The Objective and the Subjective in Language: Synthesis Approach of G. V. Kolshansky. Book Review: Kolshansky G. V. Ratio of Subjective and Objective Factors in Language. Moscow: KomKniga, 2018. 232 p. (Linguistic Heritage of the Twentieth Century)). *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (94), 219—225. (In Russian)]. doi: 10.23859/1994-0637-2020-1-94-19.
- Сулейменова Э. Д.* Тайны вербального мышления, коммуникативная лингвистика и картина мира // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. № 4. С. 546—553. [Sulejmenova, Eleonora D. (2018) Tajny verbal'nogo myshleniya, kommunikativnaya lingvistika i kartina mira (Secrets of Verbal Thinking, Communicative Linguistics and the Picture of the World). *Polilingvuality and Transcultural practices*, 4, 546—553. (In Russian)].
- Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. М.: URSS, ЛИБРОКОМ, 2018а. (Лингвистическое наследие XX века). [Kolshanskij, Gennadij V. (2018a) *Ob'ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* (Objective Picture of the World in Knowledge and Language). Moscow: URSS, LIBROCOM. (Linguistic Heritage of the Twentieth Century). (In Russian)].
- Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: КомКнига, 2018б. 232 с. (Лингвистическое наследие XX века). [Kolshanskij, Gennadij V. (2018b) *Sootnoshenie sub'ektivnyh i ob'ektivnyh faktorov v yazyke* (Ratio of Subjective and Objective Factors in Language). Moscow: KomKniga. (Linguistic Heritage of the Twentieth Century). (In Russian)].

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-51-3-138-143

**АНГЛИЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ
КАК ПСИХОЛОГО-ДИДАКТИЧЕСКИЙ БЭКГРАУНД
В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ СТУДЕНТА-ЛИНГВИСТА**

А. М. Мелерович¹, Н. А. Авдеева²

¹ Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова,
Кострома, Россия

² Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия

Рецензия на кн.: *Федуленкова Т. Н. Английская фразеология: курс лекций*. Архангельск: САФУ, 2018. 200 с. ISBN 978-5-88086-228-3.

Нормативные учебники по английской фразеологии, равно как и по общей фразеологии и фразеологии других языков, — явление исключительно редкое в жизни современной высшей школы. В обозначенном лингво-дидактическом поле специалистам-фразеологам известны такие книги, как «Основы английской фразеологии» Н. Н. Амосовой и «Фразеология современного русского языка» Н. М. Шанского, впервые изданные в 60-е годы прошлого века, «Курс фразеологии современного английского языка» А. В. Кунина и «Русская фразеология» В. П. Жукова, впервые изданные в середине 80-х годов, и две другие книги А. В. Кунина, изданные в начале 70-х годов: «Английская фразеология» и «Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания».

Из недавних книг по общей и русской фразеологии, вышедших в последние 10—15 лет, назовем такие, как «Русская фразеология» В. П. Жукова, А. В. Жукова (2006), «Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма» и «Фразеология в свете современных лингвистических парадигм» Н. Ф. Алефиренко (2008), «Аспекты теории фразеологии» А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского (2008), «Основы фразеологии» А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского (2013) и, наконец, новое издание работ В. П. Жукова по структуре и семантике фразеологической единицы — «Семантика фразеологических оборотов» (2019).

Всего три из этих изданий (книги Н. М. Шанского, В. П. Жукова, А. В. Кунина) отмечены грифом допуска или рекомендации в качестве учебного пособия для студентов филологических специальностей высших учебных заведений. Все другие названные издания представляют собой монографические труды, основанные на фундаментальных диссертацион-

ных исследованиях, которые хотя и могут быть использованы в качестве учебных пособий для студентов, но по своему назначению таковыми не являются.

Среди перечисленного ряда изданий как никогда актуальной представляется книга Т. Н. Федуленковой «Английская фразеология» (2018), рекомендованная Учебно-методическим объединением по лингвистическому образованию Министерства образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов факультетов иностранных языков и филологических факультетов высших учебных заведений и предназначенная для обучения началам фразеологии студентов бакалавриата.

В доступной лекционной форме в рецензируемой книге рассматриваются основные вопросы современной английской фразеологии, как то: проблема компонента фразеологической единицы и его лингвистического статуса, проблема вариантности фразеологической единицы и ее тождества, проблема существования и функционирования фразеологических единиц как знаков вторичной номинации, проблемы отношений синонимии английских пословиц как коммуникативных фразеологических единиц, проблемы трактовки и рубрикации вариантов фразеологических единиц библейского происхождения, проблемы взаимоотношения английских фразеологических единиц с их словосочетаниями-прототипами.

Книга структурирована в виде лекций, каждая из которых сопровождается существенным списком обязательной и дополнительной литературы по изучаемой теме.

Первая лекция представляет экскурс в историю становления лингвистического статуса компонента фразеологической единицы и посвящена рассмотрению основных вех полемики лингвистов в русле фразеологического дискурса. Автором приводится детальный критический анализ воззрений исследователей в области фразеологии, которые отстаивают несловный характер компонента фразеологической единицы (С. 4—15), и выявляются основные признаки несловной трактовки статуса компонента ФЕ (С. 16—17), авторская рубрикация которых сама по себе является инновацией в поле фразеологического знания, а именно:

- 1) преувеличение идеи семантической целостности фразеологической единицы, состоящее в чрезмерном сближении значения ФЕ и слова и в приписывании фразеологизму статуса эквивалента слову;
- 2) нивелирование семантической роли компонентов ФЕ вследствие гипертрофии совокупного / целостного значения ФЕ;
- 3) изоляция компонента фразеологизма от смысловой структуры слова;

4) элиминация объема парадигматических и синтагматических связей компонентов фразеологизма;

5) лимитированное понимание теории устойчивости фразеологической единицы;

6) недооценка раздельнооформленности как одного из важнейших свойств ФЕ.

Словный статус компонента ФЕ обосновывается факторами:

1) специфичность употребления конstituентов ФЕ как словесных знаков;

2) дифференциация компонентов ФЕ с полным и частичным переосмыслением;

3) представление структурно-семантической членимости и семантической цельности ФЕ как диалектического единства противоположностей;

4) признание относительной самостоятельности значения компонентов как эксплицитного, так и имплицитного свойства;

5) признание гетерогенности ФЕ и градации ослабления их конstituентов.

Во второй лекции затрагиваются вопросы, посвященные специфике фразеологической единицы как знака вторичной номинации. При этом подчеркивается двухступенчатость фразеологической номинации, сопровождаемой двойной дихотомией содержания и смысла. Автор выявляет восемь видов сходства, являющихся основой метафорического переосмысления прототипа ФЕ (С. 38—39), и пять видов соположения, или смежности, служащих основой для метонимического переосмысления прототипа ФЕ (С. 40—41). В завершение этой лекции предлагается детализированная трактовка фразеологической единицы как специфического образования в языке, особенности которого характеризуются такими признаками, как:

1) сверхсловность, под которой понимается характер ФЕ как составного языкового знака, состоящего из специфически употребленных словесных знаков;

2) переосмысленность компонентного состава генетического прототипа ФЕ на основе четырех базовых механизмов семантических трансформаций;

3) двухступенчатость фразеологической номинации;

4) гетерогенность состава ФЕ, основанная на различной степени семантической связи компонентов и градации ослабления значения этих компонентов;

5) диалектическое единство семантической цельности ФЕ и ее потенциальной структурно-семантической членимости;

6) относительная самостоятельность компонентов ФЕ как для языко-

вых знаков, занимающих собственное место в схеме денотации.

В третьей лекции рассматриваются вопросы, связанные с ФЕ как с носителем и источником социокультурной информации, показывается роль английских обычаев, традиций, поверий, реалий, исторических событий, литературных произведений, прессы, событий культурной жизни Британии и стран европейского континента. На основе толкований авторитетных словарей и контекстуальных иллюстраций обосновывается тот факт, что фразеологическая единица есть языковой носитель культурного кода народа.

В четвертой лекции внимание уделяется английским пословицам как коммуникативным фразеологическим единицам, нашедшим распространение в современном английском языке. Прежде всего автор убедительно аргументирует принадлежность пословиц к фразеологическому фонду языка, поскольку пословицы, основанные на переосмыслении, имеют два смысловых уровня: прототипный, или конкретный, и приобретенный, или обобщенный (С. 73—75), с характерным для него уровнем абстракции (Мелерович 1979: 18; Fedulenkova 2009: 45).

Ввиду распространенности синонимов среди английских пословиц в данной лекции описываются синонимические ряды и проблемы семантической дифференциации синонимов и их коммуникативной валидности. Инновационной стороной работы является рассмотрение клиппированных вариантов пословичных ФЕ (Fedulenkova 2018) и их структурная и грамматическая классификация, а также выявление и описание структурно-семантических типов усеченных вариантов пословиц (С. 92—95).

Две заключительные лекции посвящены вопросам изучения фразеологических единиц библейской этимологии, которые в последнее время все чаще встречаются в современной речи англичан, что свидетельствует о своего рода ренессансе духовно-языковой культуры. При этом особое внимание уделяется анализу речевых и языковых вариантов и библейским пословицам, несущим особый этический смысл.

Вспомним, что психология понимает пословицы как способ саморегуляции человека (Арестова 2018). Изучение данного феномена в культуре с психологической точки зрения состоит в оценке адекватности понимания людьми образцов поведения в проблемной ситуации, содержащейся в пословице. Человек выбирает для себя полюс разрешения противоречия. Различия мыслительных процессов, в частности обобщения, обуславливают личностные особенности восприятия смысла, как правило, переносного. Об этом свидетельствуют разные толкования пословиц.

Заметим, что по разным причинам — будь то смена традиционных ценностей или смена парадигм понимания метафор и этических оценок — молодые люди, в том числе студенты-лингвисты, зачастую не могут объ-

яснить значение пословицы и ее абстрагированного полиситуативного смысла. Актуальной здесь является задача сформировать образовательную среду, способствующую развитию гибкости их мышления, расширению кругозора, повышению мотивации к изучению строения языка. Роль данной книги в этом смысле трудно переоценить, так же, как и роль лектора, который способствует осознанию обучающимися значимости цели их обучения, помогает выбрать методы ее достижения и увидеть перспективы в профессиональной деятельности (Авдеева 2015: 139). Рассмотрение пословиц как кросс-культурного феномена (Арестова 2018) стимулирует будущих лингвистов к познавательной активности, развивает их профессионально-ориентированные умения и навыки. Вне всякого сомнения, необходимо обучать студентов толкованию пословиц на изучаемом иностранном языке, акцентируя внимание на сложности сопоставления и национальную специфику, находить пословицы, отражающие как изоморфные, так и алломорфные реалии языка. Реализация такого взаимодействия создаст благоприятный психолого-педагогический фон для совершенствования профессиональных компетенций и развития профессионально важных качеств обучающихся как в рамках традиционного учебного процесса, так и в формате образовательного маршрута студента (Fedulenkova 2018: 84).

Подводя итоги, подчеркнем новаторский характер данного учебного пособия, который состоит в том, что автор представляет английскую фразеологию и, в частности, исконные английские и библейские пословицы как важный элемент психолого-дидактического бэкграунда в организации индивидуальной траектории студента-лингвиста. Выражаем уверенность в том, что освоение фразеологии в русле предложенной автором концепции будет способствовать формированию профессионально-ориентированной иноязычной компетентности обучающихся (Дронова 2014: 128), развитию у них культуры речевого общения и ценностно-смысловой сферы (Кочнева 2014: 359), создаст основу будущей профессиональной деятельности лингвистов, усилит их мотивацию к личностному развитию. Эта востребованная временем работа, несомненно, отвечает современным вызовам, стоящим перед педагогическим сообществом, по повышению качества подготовки бакалавров и магистров по основным направлениям языкознания.

Список литературы / References

- Авдеева Н. А.* Применение активных методов обучения как необходимое условие формирования мотивации к изучению иностранного языка // Организация самостоятельной работы студентов: Материалы IV Международ. науч.-практ. конф. Саратов: Изд-во «Техно-Декор», 2015. С. 139—144. [Avdeeva, Natalia A. (2015) *Primenenie aktivnykh metodov obucheniya kak neobhodimoe uslovie formirovaniya motivacii k izucheniyu inostrannogo yazyka* (The Application of Active Teaching

- Methods as a Necessary Condition for the Formation of Motivation for Learning a Foreign Language). *Organizaciya samostoyatel'noj raboty studentov: Materialy IV Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf.* (Organization of Independent Students' Work: Proceedings of the 4th International Scientific-practical Conference) Saratov: Izd-vo «Tekhno-Dekor», 139—144. (In Russian)].
- Арестова О. Н. Исследования восприятия пословиц [Arestova, Olga N. (2018) *Issledovaniya vospriyatiya poslovic* (Studies of the Perception of Proverbs) [Электронный ресурс]: URL: <https://postnauka.ru/faq/89084>. (In Russian)].
- Дронова Н. А. Актуальность мотивационного аспекта в процессе формирования профессионально-ориентированной иноязычной компетентности студентов технических специальностей // Европейский журнал социальных наук. 2014. № 3(42). Т. 2. С. 128—133. [Dronova, Natalia A. (2014) Aktual'nost' motivacionnogo aspekta v processe formirovaniya professional'no-orientirovannoj inoyazychnoj kompetentnosti studentov tekhnicheskikh special'nostej (The Relevance of the Motivational Aspect in the Process of Forming Vocational-oriented Foreign-language Competence of Students in Technical Specialties). *European Social Science Journal*, 3(42). V. 2. 128—133. (In Russian)].
- Кочнева Е. М. Особенности ценностно-смысловой сферы студентов в контексте оценки готовности к проектированию профессионального будущего // Европейский журнал социальных наук. 2014. № 3(42). Т. 2. С. 359—367. [Kochneva, Elena M. (2014) Osobennosti cennostno-smyslovoj sfery studentov v kontekste ocenki gotovnosti k proektirovaniyu professional'nogo budushchego (Features of the Value and Meaning Sphere of Students in the Context of Assessing Readiness for Designing a Professional Future). *European Social Science Journal*. 3(42). V. 2. 359—367. (In Russian)].
- Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. Ярославль: ЯрПУ, 1979. [Melerovich, Alina M. (1979) *Problema semanticheskogo analiza frazeologicheskikh edinic sovremennogo russkogo yazyka* (The Problem of Semantic Analysis of Phraseological Units of the Modern Russian Language). Yaroslavl'. YarPU. (In Russian)].
- Fedulenkova, Tatiana. Clipped Proverbial Phraseology VS Reproducibility: Functional Aspect. *Reproducibility from a Phraseological Perspective: Structural, Functional and Cultural Aspects*: EUROPHRAS 2018. Book of Abstracts. 10—12th September 2018, Białystok, Poland: The University of Białystok, 84.
- Fedulenkova, Tatiana (2018) Development of Communicative Phraseological Units. In Tatiana Fedulenkova (ed.) *Modern Phraseology Issues*. Arkhangelsk: SOLTI, 20—33.
- Fedulenkova, Tatiana. (2009) Phraseological Abstraction. *Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology*: ESSE-9, Aarhus, 22—26 August 2008. In Tatiana Fedulenkova (ed.). Arkhangelsk: SOLTI; Aarhus: Universitas Arhusiensis, 42—54.

ХРОНИКА

НГЛУ: 15 ЛЕТ НАУЧНОМУ КРУЖКУ «ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ»

Первое заседание научного кружка «Проблемы психолингвистики» состоялось 18 ноября 2005 года. Кружок создавался как площадка для обсуждения актуальных проблем, связанных с психолингвистическими аспектами изучения речемыслительных процессов, в рамках Лаборатории социопсихолингвистических исследований (СОПСИЛ) НГЛУ им. Н. А. Добролюбова под руководством докторов филологических наук, профессоров М. А. Грачева (направление «Социolingвистика»), Т. В. Романовой (направление «Когнитивная лингвистика») и Т. Н. Синеоковой (направление «Психолингвистика»). С 2007 года основной платформой для научно-исследовательской деятельности в контексте проблематики кружка являлась Высшая школа перевода. С 2020 года научный кружок как форма объединения научно-исследовательских интересов преподавателей, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов и школьников функционирует на базе Лаборатории «Искусственный интеллект и когнитивные исследования» (руководитель: доктор филологических наук, профессор Ж. В. Никонова).

С октября 2010 года на сайте НГЛУ им. Н. А. Добролюбова размещаются материалы заседаний кружка: презентации, фотоотчеты, дискуссионные вопросы, дающие представление о круге обсуждаемых проблем и участниках научно-исследовательских семинаров (<https://lunn.ru/page/nauchnyy-kruzhok-problemy-psiholingvistiki-0>).

Деятельность научного кружка включает два основных направления: ознакомление аудитории с широким спектром современных научных гуманитарных знаний в аспекте психолингвистического и когнитивного подходов и проведение экспериментальных исследований особенностей речевой деятельности с последующим обсуждением их результатов.

Первое направление предполагает не просто проведение увлекательных лекций ведущих ученых НГЛУ и других вузов: такого рода встречи вызывают неизменный интерес слушателей и, как следствие, массу вопросов и активную дискуссию. В результате организуются серии тематически ориентированных встреч аудитории с ученым.

Знание когнитивных и психолингвистических аспектов билингвизма и языковой интерференции и связанных с ними практических выводов и рекомендаций входит в круг профессионально ориентированных компе-

тенций преподавателей и студентов лингвистического университета. Общим проблемам языковой интерференции, манифестациям языковой интерференции при общении билингвов, особенностям метафорической интерпретации фрагмента мира был посвящен ряд научно-исследовательских семинаров с участием доктора филологических наук С. Е. Рахманкуловой.

Председатель Правления Союза переводчиков России, доктор филологических наук В. В. Сдобников неоднократно выступал перед обширной аудиторией с сообщениями, освещающими психолингвистические аспекты изучения перевода и проблемы перевода как вида речевой деятельности.

Проблемам переводимости художественного текста, в том числе поэтического, также на протяжении ряда лет были посвящены встречи с кандидатом филологических наук, доцентом, практикующим переводчиком А. С. Волгиной.

Предметом обсуждения также являлись психолингвистические факторы, определяющие особенности реализации языковых элементов в разных видах дискурса. Так, в выступлениях кандидата филологических наук, доцента Н. А. Кохан рассматривались вопросы использования кинематографических заголовков и языковой игры в современном религиозном дискурсе, а на семинарах с участием кандидата филологических наук, доцента А. А. Лавровой в центре внимания были имплицитные языковые средства речевого воздействия в политическом дискурсе.

Проблема разграничения влияния на речевые характеристики таких факторов, как пол и гендер, поднималась в выступлениях кандидата филологических наук, доцента М. В. Сергеевой и доктора филологических наук, профессора Т. Н. Синеоковой.

Еще одна тема, объединившая несколько заседаний кружка с участием кандидата филологических наук Е. И. Беляевой, была связана с методологическими принципами научного исследования. Обсуждались закономерные этапы научной работы, начинающейся с интуитивных представлений о свойствах объекта и заканчивающейся созданием однозначной лингвистической классификации и ее верификацией.

Нет сомнения, что такого рода увлекательные «сериалы» будут доброй традицией: как показала практика, такие встречи позволяют исследователям в определенной области собирать свою аудиторию, углубляться в детали интересующего вопроса и находить среди молодых ученых и студентов единомышленников и коллег в будущих изысканиях.

Круг ученых, принявших участие в работе кружка за минувшие пятнадцать лет, достаточно широк, как широк и диапазон их исследовательских интересов, так или иначе связанных с проблемами психолингвистики и когнитивной лингвистики. В памяти слушателей остаются яркие презен-

тации ведущих специалистов университета: доктора филологических наук, профессора В. М. Бухарова — о задачах и методах паралингвистики, доктора филологических наук, профессора А. В. Иванова — о метаязыковых проблемах европейского языкознания в синхронии и диахронии, доктора филологических наук, профессора Ж.В. Никоновой — фрейм-структурах сознания, доктора филологических наук, профессора Т. Н. Синеоковой — о прикладных аспектах лингвистики измененных состояний сознания, доктора филологических наук, профессора С. Н. Аверкиной — о проблеме топологии в художественном тексте.

Росту интереса участников кружка к проблемам лингвокультурной специфики языковых явлений способствовали доклады кандидата филологических наук, доцента В. Г. Тихонова, кандидата филологических наук, доцента Д. А. Борисова, кандидата филологических наук, доцента М. А. Костровой, кандидата филологических наук, доцента М. Ю. Родионовой и других.

Несомненный интерес вызвали встречи с кандидатом филологических наук, писательницей (лауреатом Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года» 2018 г.), выпускницей НГЛУ им. Н. А. Добролюбова О. А. Лисенковой, рассказавшей о психологии творчества и особенностях диалога автора и читателя в современных СМИ.

В последние годы растет число докладов студентов начального этапа обучения Высшей школы перевода, занимающихся изучением психологических основ профессиональной деятельности переводчика. Опыт участия в дискуссиях на заседаниях кружка помогает им в дальнейшем успешно выступать на студенческих конференциях.

Второе направление работы кружка, связанное с организацией и проведением экспериментальных исследований совместно со студентами НГЛУ, имеет большое значение для решения ряда актуальных научных задач в сфере психофизиологических и когнитивных аспектов различных видов речевой деятельности. Кроме того, данный формат является эффективным инструментом вовлечения студентов в исследовательскую работу. Начиная с начального этапа обучения в вузе, молодые исследователи знакомятся с методологическими основами научного познания, предполагающего критический анализ работ предшественников, ознакомление с правилами и процедурами постановки и осуществления эксперимента, выработку гипотез, отбор и организацию материала, анализ и верификацию результатов, формулирование выводов, оформление полученных данных в виде докладов на конференциях и научных статей. Положительными сторонами данной формы работы являются также вовлечение студентов в совместную деятельность в команде, развитие у них способности к рефлексии относи-

тельно общих и индивидуальных особенностей протекания речемыслительных процессов на родном и иностранном языках и повышение мотивации к овладению профессионально значимыми для лингвиста компетенциями.

В 2013 году началось сотрудничество кружка с Нижегородским государственным университетом и Нижегородской государственной медицинской академией: стартовала серия экспериментов по изучению вегетативных коррелятов речемыслительной деятельности в стрессогенных информационных контекстах, причем студенты НГЛУ выступали в качестве испытуемых и экспертов. С помощью специальных компьютерных программ, аппаратуры для измерения динамики сердечного ритма и айтрекера изучались особенности порождения текстов на иностранном языке, в том числе в подготовленной и неподготовленной речи в форме монолога и диалога; фиксировались особенности протекания мыслительных процессов при восприятии иноязычных графических текстов, содержащих эксплицитно и имплицитно выраженные причинно-следственные связи. Результаты проведенных исследований позволили преподавателям и студентам сделать важные выводы относительно ресурсозатратности того или иного вида речевой деятельности на иностранном языке. Так, например, несомненно ценным с методической точки зрения являлся противоречащий первоначальной гипотезе вывод о значительном напряжении регуляторных систем при воспроизведении текста в подготовленной монологической речи студентов по сравнению со спонтанной диалогической речью. Кроме того, важным было и общение студентов-лингвистов с молодыми учеными других специальностей. В частности, А. В. Бахчина, в начале эксперимента — преподаватель кафедры психофизиологии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, а в настоящее время — кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психофизиологии им. В. Б. Швыркова Института психологии РАН, рассказывала участникам кружка об особенностях протекания речемыслительных процессов в эмоциогенных ситуациях, анализировала результаты экспериментов, давала на их основе индивидуальные рекомендации испытуемым относительно стратегии решения разных видов учебных задач и знакомила студентов и аспирантов на примере проводимых экспериментов с общими методологическими принципами научного исследования.

Другим аспектом экспериментального направления работы кружка стало определение представлений абитуриентов, студентов, магистрантов об избранной сфере будущей профессиональной деятельности устного или письменного переводчика. На протяжении ряда лет проводилось открытое и закрытое анкетирование, позволившее выделить восемь наиболее значимых групп качеств: волевые, когнитивные, коммуникативные, мотиваци-

онные, физические, общекультурные, дискурсивные и профессиональные. Были получены заслуживающие внимания с точки зрения методики преподавания перевода данные не только о приоритетах различных категорий обучающихся по данным группам качеств, но и о значительных статистических и содержательных расхождениях в портретах «идеальный переводчик» vs «я-переводчик». Самый живой интерес вызывают обсуждения полученных данных, обработкой которых занимались сами обучаемые, что, безусловно, способствует корректировке личностно значимых представлений о будущей профессии.

В 2019 году под руководством кандидата филологических наук Е. И. Беляевой начались эксперименты по диагностике и оценке способности безассоциативного и ассоциативного запоминания информации студентов 2 курса Высшей школы перевода. Основной целью работы также являлись повышение мотивации к обучению, развитие мнемотехнических умений, формирование когнитивной способности к саморефлексии и разработка индивидуальных рекомендаций обучаемым.

В 2020 году в рамках работы кружка было начато лонгитюдное исследование динамики проявления речевых затруднений (*speech disfluencies*) студентов — будущих переводчиков в речи на родном и иностранных языках (рук. доктор филологических наук Т. Н. Синеокова). Две трети участвующих в эксперименте студентов на настоящий момент являются не только испытуемыми, но и исследователями. По результатам эксперимента на 1 курсе девять студентов опубликовали статьи, один из них — в соавторстве в рецензируемом журнале, входящем в базу данных РИНЦ, и шесть — в студенческом научном электронном журнале НГЛУ им. Н. А. Добролюбова *Vox Juventutis*. В настоящее время студенты активно участвуют в работе научно-исследовательских семинаров, готовятся к студенческим конференциям, организуемым Высшей школой перевода, расширяют направления для исследования на основе полученных на первом этапе эксперимента материалов, оформляют результаты для публикации статей в научных журналах. Ведущие специалисты университета продолжают обучение студентов навыкам экспериментальной деятельности: работе с акустико-фонетическими программами *PRAAT* и *ELAN*; приемам содержательного и статистического анализа материала в лингвистических корпусах; использованию базовых принципов математической лингвистики и т. д. По признанию студентов, активное участие в экспериментах позволяет им не только распознавать лингвистические маркеры речевых затруднений в речи на родном и иностранном языках, но и понимать когнитивные механизмы их возникновения. Кроме того, последовательное прохождение основных этапов научного исследования — формулирования ра-

бочих гипотез, отражающих интуитивное представление студентов об особенностях протекания наблюдаемых процессов, обработки материала и его анализа на содержательном и статистическом уровнях, позволяющего полностью или частично подтвердить или отвергнуть первоначальные гипотезы, — является увлекательным путешествием, открывающим новые горизонты в познании мира и самого себя.

Будем надеяться, что традиции кружка «Проблемы психолингвистики» будут и в дальнейшем способствовать развитию научного потенциала каждого его участника и вуза в целом.

Т. Н. Синеокова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамичева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода» Севастопольского государственного университета. E-mail: helen2018@mail.ru

Авдеева Наталья Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков, профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. E-mail: natalia.avdeyeva@mail.ru

Басова Татьяна Александровна, аспирант кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. E-mail: tanyatako@gmail.com

Голубева Надежда Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики немецкого языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: nagol@mail.ru

Иванов Андрей Владимирович, доктор филологических наук, профессор, руководитель Международной научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные лингвистические исследования» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: holzmann2014@yandex.ru

Кунькова Александра Александровна, аспирант Московского государственного лингвистического университета. E-mail: apetrenko81@yandex.ru

Леонтьева Варвара Андреевна, аспирант кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: varvara.leonteva.94@mail.ru

Лисина Гульнара Монировна, преподаватель кафедры русского и татарского языков Казанского государственного медицинского университета. E-mail: sistercarry1980@yandex.ru

Мелерович Алина Михайловна, доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. E-mail: ameleram82@list.ru

Сандакова Марина Всеволодовна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. E-mail: sandamarina@yandex.ru

Сдобников Вадим Витальевич, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и пере-

вода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. E-mail: artist232@rambler.ru

Сокол Анна Анатольевна, старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода» Севастопольского государственного университета. E-mail: sokolaa@gmail.com

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, член Российского профессорского собрания (Свидетельство № 64), член-корреспондент РАЕ. E-mail: fedulenkova@list.ru

Холдеева Екатерина Юрьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков № 1 Иркутского национального исследовательского технического университета. E-mail: ekaterina12081985@mail.ru

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 3 (51)

Редакторы:
Н. С. Чистякова
Ю. А. Белякова

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 30.09.2020. Формат 60x90 1/16.

Печ. л. 9,8. Тираж 500 экз.

Цена договорная. Заказ 9853.

Типография НГЛУ
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а